
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НРАВСТВЕННОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

1

SP

1-480903

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НРАВСТВЕННОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1982

Актуальные вопросы нравственного и эстетического воспитания. Сборник статей. Отв. ред. Э. В. Бурмакин. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. — 9 л. — 1 р. 40 к. 500 экз.

В сборник включены статьи, посвященные теоретико-методологическим проблемам нравственного и эстетического воспитания. Благодаря комплексному подходу к процессу нравственного и эстетического воспитания в сборнике раскрываются социально-психологические, педагогические, мировоззренческие и социологические аспекты проблемы. Сущность и цель нравственного и эстетического воспитания раскрывается как составная часть коммунистического воспитания. В сборнике содержится основательная критика буржуазных этических и эстетических концепций.

Сборник может быть рекомендован для студентов, изучающих марксистско-ленинскую этику и эстетику, для преподавателей и пропагандистов.

5 кб 50 л 2ул 3ул

Редакционная коллегия:

доц. Э. В. Бурмакин (отв. редактор);
доц. Э. Н. Арличенкова, доц. В. М. Видгоф

Рецензент — доц. В. А. Дмитриенко

А $\frac{0302050000}{177(012)-82}$ — 81

КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК ПРИНЦИП КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

Э. Н. АРЛИЧЕНКОВА

Социализм формирует качественно новый образ жизни, имеющий принципы и ценности, коренным образом отличные от тех, которыми характеризуется капиталистический образ жизни. Одним из таких нравственных принципов является коллективизм. На XXV съезде КПСС отмечалось, что подлинный коллективизм и товарищество выступают яркими гранями нашего образа жизни¹. Отношения подлинного коллективизма являются выражением качественно новой общественной связи между людьми. С увеличением степени зрелости социализма коллективизм становится все более доминирующим принципом нашей жизни. Маркс рассматривал развитие коллективистских начал в жизнедеятельности людей как важнейшее условие перехода общества к коммунизму.

Коллективизм в практической жизни нашего общества играет большую роль. От успешного внедрения основ коллективизма в производственную деятельность, в быт, в поведение советских людей в значительной мере зависит успех коммунистического строительства.

Принцип коллективизма должен занять видное место в нравственном воспитании. Превращение этого принципа в основу жизнедеятельности всех членов нашего общества — одна из важнейших задач коммунистического воспитания. Теоретическое осмысление проблемы коллективизма имеет поэтому большое значение.

Данная проблема получила определенное освещение в советской литературе². Однако само определение принципа

¹ Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976, с. 87.

² См.: Ратников В. П. Коллективность как черта социалистического образа жизни. — Философские науки, 1976, № 5; Гак Г. М. Диалектика коллективности и индивидуальности. — В сб.: Коллектив и личность. — М., 1968; Лебедев Б. Н. Этика взаимоотношений в коллективе. — М., 1979 и др.

коллективизма не нашло однозначного решения. Вместе с тем наличие такого определения является необходимой предпосылкой для анализа проблемы коллективизма. Придавая большое значение исходным понятиям науки, В. И. Ленин писал: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наталкиваться» на эти общие вопросы»³.

Цель настоящей статьи — попытаться проанализировать имеющиеся в советской литературе точки зрения на определение коллективизма и выразить свое отношение по поводу данного определения.

Раскрывая несостоятельность абстрактной трактовки принципов морали, Маркс и Энгельс писали: «... коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают эту противоположность... в ее выпяченной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни»⁴.

Данное замечание классиков марксизма делает необходимым вскрыть прежде всего конкретно-историческую природу коллективизма как принципа морали.

Как исторический принцип коллективизм, по нашему мнению, органически связан с такой всеобщей и целостной качественной характеристикой социалистических общественных отношений, как коллективность.

Категорию «коллективность» Маркс и Энгельс употребляли как обобщенно социологическую категорию для обозначения качественного состояния общества, основанного на общественных отношениях коммунистического типа. Маркс писал, что в условиях социализма «предполагается коллективность как основа производства»⁵. Социалистический способ производства, сама логика экономического развития объективно ставят людей в коллективистские отношения. По замечанию Маркса, деятельность будет действительно коллективной в том случае, если ... непосредственное выражение общественности обосновано в самом содержании этой деятельности»⁶.

Отношение общественной собственности и общественный характер труда поставили всех индивидов в равное положение

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 368.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 236.

⁵ Архив Маркса К. и Энгельса Ф. — М., 1936, с. 4, с. 117.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956, с. 590.

ние сохозяев производства и породили общность коренных материальных интересов. По словам Энгельса, при социализме «...общность интересов возведена в основной принцип, ... общественный интерес уже не отличается от интереса каждого отдельного лица»⁷. Социалистический способ производства определил и специфический характер общения как субъективно-субъективных отношений. Противопоставляя подлинную пролетарскую коллективность буржуазной псевдоколлективности, Маркс и Энгельс писали: «Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное ...они составляли всегда такую коллективность, к которой индивиды принадлежали лишь как средние индивиды, лишь постольку, поскольку они жили в условиях своего класса; они находились в этих общественных отношениях не как индивиды, а как члены класса. Совершенно обратное имеет место при коллективности революционных пролетариев... в этой коллективности индивиды участвуют как индивиды (подчеркнуто нами. — Э. А.). Она представляет собой такое объединение... которое ставит под их контроль условие свободного развития и движения индивидов»⁸. Коллективность как качественная характеристика социалистических общественных отношений проявляется в общих целях труда, в общественно значимом характере труда, в общности материальных и духовных интересов, в свободном развитии индивидов.

Коллективность выступает объективным основанием формирования подлинного коллективизма как принципа морали. В самом историческом процессе формирование коллективности и коллективизма представляет собой одновременный процесс. Коммунистическая мораль не может не характеризоваться коллективизмом как ведущим принципом. Она выдвигает коллективизм в качестве обязательного требования к поведению людей. Коллективизм как принцип коммунистической морали есть отражение в сознании и поведении людей новых коллективистских отношений. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «Сознание своих взаимоотношений также, конечно, станет у индивидов совершенно другим, и не будет поэтому ни «принципом любви» или ...самоотверженностью, ни эгоизмом»⁹.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 538.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 76.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 433—444.

Социализм создает материально-экономическую возможность формирования коллективизма. По-нашему мнению, «коллективность» и «коллективизм» — категории сопряженные, но если в понятии «коллективность» акцент ставится на объективных характеристиках, то в понятии «коллективизм» фиксируется прежде всего субъективно-личностное отношение (к условиям труда, к людям и т. п.), индивидуальная форма реализации этих объективных характеристик. Гусейнов А. А. справедливо замечает, что «коллективизм как принцип коммунистической морали имеет в виду ... не абстрактное проявление сочувствия, сострадания и других общественных начал человеческой природы, а совершенно определенное **общепролетарское, общесоциалистическое, общекommунистическое** слияние миллионов и сотен миллионов волей в единую волю»¹⁰.

Ряд авторов в определении коллективизма не проводят четкого различия между социально-экономическими условиями формирования коллективизма и содержанием его как принципа морали. Поэтому в определении коллективизма одновременно присутствуют как условия, порождающие коллективизм, так и сами признаки коллективизма.

Авторы рассматривают коллективизм или как форму проявления коллективности или ее высшее выражение. Например, Б. Н. Лебедев пишет: «Высшая форма проявления коллективности есть коллективизм. ... Коллективизм как высшая форма коллективности характеризуется сложившимися на основе общественной собственности на средства производства отношениями товарищеского сотрудничества и взаимопомощи»¹¹. А в другой работе Б. Н. Лебедев замечает: «Наиболее характерными чертами коллективизма являются ответственность каждого за дела коллектива и ответственность коллектива за каждого, взаимная помощь и товарищеское сотрудничество. Коллективизм характеризуется также единством личных и общественных интересов»¹².

В. П. Ратников отмечает, что коллективность не сводится к коллективизму, но включает последний как принцип морали¹³. Включение условий, порождающих коллективизм,

¹⁰ Марксистская этика, 1976, с. 193.

¹¹ Лебедев Б. Н. Морально-психологический климат коллектива. — М.: Знание, 1976, с. 6—7.

¹² Лебедев Б. Н. Этика взаимоотношений в коллективе. — М., 1979, с. 30.

¹³ Ратников В. П. Коллективность как черта социалистического образа жизни. — Философские науки, 1976, № 5.

в само определение коллективизма в качестве его признаков приводит к расширительному пониманию этой категории, к утрате ее специфики.

Бесспорно, что коллективизм порожден определенными социально-экономическими условиями. Однако полное включение этих условий в определение, так же как и полное выведение их «за пределы» категории «коллективизм», было бы неправомерно. Представляется более правильной точка зрения на коллективизм, проведенная А. А. Гусейновым¹⁴. Автор, с одной стороны, вскрывает конкретно-историческую природу коллективизма, подчеркивая при этом, что социалистический тип общественных отношений создает материально-экономические возможности формирования коллективистского нравственного сознания, что задачи экономического и социального развития делают коллективизм необходимой формой социального развития; что коллективность выступает способом существования общественных отношений. С другой стороны, автор анализирует содержание самого принципа коллективизма и усматривает это содержание в следующих моментах: подчинении индивидуальной жизнедеятельности общественно значимым целям и задачам; придании своему индивидуальному бытию социальной значимости; господстве коллективистских норм, ценностей, установок, мотивов поведения; сознательном соблюдении коллективной дисциплины; волеизъявлении и подчинении требованиям коллектива.

Надо различать коллективизм как норму советского образа жизни и воплощение этой нормы в жизнь. Анализ коллективизма как принципа морали, если его рассматривать не в абстрактной статике, а в реальной функциональной динамике, предполагает деятельно-социального субъекта—будь он отдельный индивид, или коллективный субъект. В данном отношении исключительно велика роль коллектива. Вне коллектива трудно себе представить формирование коллективизма. Важной особенностью социалистического образа жизни, если его рассматривать со стороны социальной организации, является то, что отношения между личностью и обществом опосредуются коллективом. Не общество и сумма индивидов, а общество—коллектив—личность—такова типичная структура. Идя от коллектива к личности, можно выявить опосредующие детерминанты поведения личности, в том числе и формирования коллективизма как принципа поведения.

¹⁴ Марксистская этика. М., 1980.

Социальные условия развития коллектива отражаются в сознании членов коллектива не непосредственно, а преломляясь через интересы и потребности коллектива. Последние связаны с местом и ролью, которую играет коллектив в общественном разделении труда. Общность интересов коллектива отражается в нравственном сознании его членов в виде направленности и ценностной ориентации. Направленность или ценностная ориентация коллектива — это избирательное отношение коллектива к внешним факторам.

Ценностно-ориентационное единство коллектива выступает своеобразной формой коллективизма. А. К. Петровский¹⁵ выдвигает гипотезу, что в коллективе подлинной альтернативой конформизма является не негативизм (нонконформизм, независимость и пр.), а особое качество истинной, не мнимой коллективности, которая имеет характер самоопределения личности в группе (коллективистское самоопределение).

На основе ценностно-ориентационного единства формируется определенная направленность активности коллектива во всех сферах деятельности.

Таким образом, коллективизм, его формирование выступают важной социальной закономерностью построения развитого социализма. Вместе с тем процесс формирования коллективизма является сложным и диалектическим процессом, охватывающим все сферы и уровни жизнедеятельности советского общества.

Как бы ни трактовался термин «коллективизм» с марксистских позиций, необходимо принципиально «отгородиться» от того содержания, которое вкладывает в это понятие буржуазная социология.

Антиподом социалистического коллективизма выступает всеобщая конфликтность, отчуждение как неотъемлемая черта капиталистического образа жизни.

Частная собственность, лежащая в основе капитализма, определяет сущность капиталистических общественных отношений и порождает мнимую, иллюзорную «коллективность» буржуазного общества. К. Маркс писал, что «разъединение» выступает в нынешнем обществе как нормальное отношение, а соединение фигурирует как нечто случайное»¹⁶. Капиталистическая частная собственность ведет к тому, что общественный характер труда, как и общественная форма продукта,

¹⁵ Петровский А. К. К построению социально-психологической теории коллектива. — Вопросы философии, 1973, № 12.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 419.

выступает как нечто чуждое индивидам, «...не как их взаимоотношение друг к другу, а как их подчинение условиям, существующим независимо от них и возникающих из столкновения безразличных индивидов друг другу» (Маркс). Социальная структура капитализма включает в себя массу таких социальных групп, в которых объединены индивиды как представители антагонистического класса, в них имеет место не общность интересов и коллективизм, а конфликтность интересов и отчуждение. По словам Маркса, эти объединения есть «антагонистические формы единства»¹⁷. Отсутствие настоящего коллективизма вынуждены признать и буржуазные социологи. Так, Дж. Морено с горечью констатирует, что «американская нация как общество больна социальной болезнью, которую я назвал «низкой сплоченностью»¹⁸. На это же указывает Р. Миллс¹⁹. По их мнению, современное общество — «больное общество», в нем царят всеобщее разобщение и утрата «традиционных» человеческих ценностей, — счастья, чести и т. д.

Однако в силу классовых позиций буржуазные социологи не в состоянии вскрыть подлинных причин, порождающих данный образ жизни. Более того, они пытаются придать процессу отчуждения общесоциологический характер, представить как следствие индустриального общества вообще. Так, например, Б. Филлипс утверждал, что «отчуждение является центральным фактором для образа жизни индустриального общества, и что «оно (отчуждение. — В. Р.) не может ассоциироваться ни с каким конкретным типом экономической системы»²⁰.

¹⁷ Архив Маркса и Энгельса, 1935, т. 4, с. 93.

¹⁸ Морено Дж. Социометрия, эксперимент, метод и наука об обществе. — М., 1958, с. 25.

¹⁹ Миллс Р. Властвующая элита. — М., 1959, с. 97, 430—432.

²⁰ Ратников В. П. Коллективность как черта социалистического образа жизни. — Философские науки, 1976, № 5, с. 19.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАВРСТВЕННОСТИ СТУДЕНТОВ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЕ ВОСПИТАНИЯ

В. И. КУНЧЕНКО

Проблемы нравственного воспитания в вузе в настоящее время являются особенно актуальными в связи с новыми тенденциями в обществе и в высшем образовании. В развитии социализме — обществе зрелых отношений вместе с расширением демократии, с выравниванием соотношения интересов общества и личности, с повышением роли человека во всех общественных процессах развивается активность масс и вместе с этим возрастает значение морального фактора. Высоких нравственных качеств работника требует и развитие научно-технического прогресса. Он создает новый ритм, систему непрерывности и взаимозависимости, что повышает необходимость ответственного и сознательного отношения к делу. Задача воспитания коммунистической нравственности актуальна и в связи с тем, что в острой классовой борьбе эпохи столкнулись два мировоззрения, две нравственности — коммунистическая и буржуазная. Поэтому важно сформировать стойких, убежденных борцов, глубоко преданных делу коммунизма.

Этап развитого социализма характеризуется комплексным развитием общества. Происходит постепенное выравнивание всех процессов. В новых условиях возникают предпосылки и для гармоничного развития личности как цели и средства создания коммунистических общественных отношений. Только гармонично развитые люди могут осуществить гармоничное общество. Немаловажное значение в этой диалектике имеет нравственность. Выражая соотношение интересов личности и общества и тем самым регулируя отношения, она осуществляет гармонию личности и общества как внутри них, так и между ними и способствует их целостности и единству.

Студенчество представляет собой резерв интеллигенции, потенциальные трудовые ресурсы развивающегося научно-

технического и культурного прогресса. В связи с возрастными и функциональными особенностями, а также с важной ролью в производстве и обществе этой категории молодежи воспитание коммунистической нравственности у нее имеет большое значение. В силу этого актуальным становится целенаправленное воздействие на этот процесс.

Однако в современном вузе наблюдается существенное противоречие. С одной стороны, он как общественный институт реализует цель общества — формирование личности, необходимой для данного этапа его развития; личности целостной, социализированной, соответствующей комплексности общества. Но с другой — вуз решает конкретную специфическую задачу — формирование специалиста высокой квалификации для производства. Эта общественно важная и необходимая задача выдвигается на первый план.

Подчас происходит не только смещение акцента, но и затушевывание самой общественно необходимой цели. Создается противоречие, которое имеет существенные последствия как для функционирования вуза, так и для формирования личности студента. Но вместе с тем это противоречие в настоящее время носит внешний, надуманный характер, потому что уже имеются возможности для его преодоления. Оно было порождено негармоничным развитием общества на прежних этапах становления, когда в силу определенных объективных причин огромное внимание уделялось развитию материально-технической базы и, в частности, промышленного производства. В этих условиях остро ощущалась нехватка специалистов, и основное внимание было обращено на профессиональное формирование. В настоящее время данная проблема преодолена. Выпуск специалистов с высшим образованием в нашей стране ежегодно составляет 713,7 тысяч, среди них 303,8 тысячи — по инженерным специальностям. За годы девятой пятилетки было подготовлено 9 млн. специалистов с высшим и средним специальным образованием¹. Профессиональная подготовка в вузе осуществляется на высоком уровне.

Однако еще имеются случаи отказа молодых специалистов выехать на место работы по распределению вуза, нежелания выполнять невыгодный труд, наблюдаются аморальные поступки, некультурное поведение в среде студентов. В мотив-

¹ Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. — М.: Статистика, 1977, с. 248, 249.

зации учебы, общественной работы, выбора профессии у томских студентов, хотя в основном и преобладают мотивы, связанные с сущностью их и содержанием (92,4%), но немало важное значение имеют и побочные мотивы: материальные — 65,5%, мотивы, связанные со статусом и престижем — 63%, с ориентацией на спокойное и стабильное будущее — 45,53%².

В настоящее время перед вузом стоит проблема ликвидации известного несоответствия гражданского и профессионального формирования студента. Оно может быть преодолено комплексной системой воспитания, охватывающей все направления и сферы развития личности, в которой должны быть задействованы все подразделения вуза.

Существенное значение в этой системе имеет нравственное воспитание. Оно обладает характерной спецификой, которая объясняется своеобразием самой морали как общественного феномена.

Мораль, как известно, будучи одним из социальных институтов, регулирующих отношения в обществе, «не ограничивается какой-то предметно обособленной, пространственно или иным образом локализуемой сферой явлений»³. Она «соприсутствует» во всех областях общественной жизни и имеет «вездесущий», «всепронизывающий» характер. Мораль не имеет собственно «морального феномена», присущего только сфере морали. Любое действие или явление личной и общественной жизни, любой «социально-практический акт» может быть рассмотрен в нравственном аспекте, так как в нем неизбежно содержится соотношение интересов субъектов, вступающих в социальные отношения по поводу данного явления или действия.

«Явление нравственности, — как замечает О. Г. Дробницкий, — это не непосредственно эмпирически обнаруживаемый, «зрительно» воспринимаемый объект в чистом виде, в его телесной нерасчлененности, а лишь какая-то сторона, аспект, срез эмпирически синкретного феномена»⁴. Так происходит потому, что любая деятельность человека, любой акт и момент его жизни имеют определенное значение не только для него, но и для других людей и для общества в целом и могут быть расценены с позиции значимости для общества.

² Исследование проведено автором в Томском государственном университете и Томском политехническом институте. Оно охватило 773 студента четвертого курса.

³ Дробницкий О. Г. Понятие морали. — М., 1974, с. 229.

⁴ Дробницкий О. Г. Указ. соч., с. 231.

В этом и состоит их нравственный аспект. В силу этого и любое воспитательное воздействие на личность как общественный акт имеет нравственную сторону, то есть в определенном отношении является нравственным воздействием.

В данном контексте становится понятной специфика нравственного воспитания, которая заключается в том, что моральное воздействие на личность пронизывает все направления системы воспитания и присутствует во всех ее сферах и формах. Но в то же время нравственное воспитание существует и как отдельное направление в общей системе воспитания. Его можно рассматривать как специфическую нравственную деятельность субъекта воспитания, направленную на формирование нравственности студентов. Являясь частью общей системы и отражая ее инвариант, нравственное направление представляет собой своеобразную подсистему воспитания, имеющую все необходимые для нее компоненты: цель, задачи, принципы, методы, приемы, средства.

Целью нравственного воспитания в вузе является последовательное формирование коммунистической нравственности студентов. На XXV съезде КПСС она конкретизировалась как формирование активной жизненной позиции строителя коммунизма. В отчетном докладе ЦК КПСС отмечалось, что «ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания»⁵.

Эта цель, объективно заданная обществом и требующая воспитания нравственных качеств строителя коммунизма, необходимых для активной жизненной позиции, в вузе имеет свою специфику. Здесь она выступает прежде всего в виде двух существенно важных задач, выдвигающихся на первый план: формирование нравственной готовности к труду и коллективизма. С одной стороны, в них аккумулируются основные сущностные принципы и черты коммунистической морали, составляющие кодекс строителя коммунизма, такие как преданность делу коммунизма, патриотизм, добросовестное отношение к труду, высокое сознание общественного долга, товарищеская взаимопомощь, гуманизм. А с другой — именно эти задачи тесно взаимосвязаны со специфической

⁵ Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Изд-во политической литературы, 1976, с. 77.

целью вуза — профессиональной подготовкой будущего специалиста к предстоящему труду на производстве.

Моральная готовность к труду — это одно из проявлений активной жизненной позиции человека. В ней выражается ориентация на трудовую деятельность как основную в системе жизнедеятельности. Немаловажное значение для этой ориентации имеет формирование структуры мотивов трудовой деятельности в сознании студента, доминирующими в которой должны быть мотивы, связанные с сущностью, содержанием и общественной значимостью труда.

Вторая задача нравственного воспитания — формирование коллективизма — не менее важна, так как коллективизм — существенная черта социалистического и коммунистического образа жизни. Это принцип таких отношений, при которых единство интересов общества и личности выглядит как обоюдное их соблюдение с учетом приоритета интересов общества.

Несомненно, что нравственное воспитание представляет собой стройную систему целостного нравственного формирования личности. Оно не может ограничиться только этими серьезными задачами и необходимо включает в себя другие немаловажные проблемы, такие как формирование морального поведения в быту, культуры общения и взаимоотношений между людьми, профессиональной этике и т. п. Все они должны найти свое место в системе нравственного формирования студентов.

Нравственное воспитание в вузе строится на основе принципов коммунистического воспитания, разработанных советской педагогикой и социологией. Наиболее общими, основными принципами являются целенаправленность, комплексность, систематичность, конкретность, объективность.

Целенаправленность определяет соответствие цели, поставленной в воспитании, задачам и требованиям общества. В ней, кроме того, выражается связь нравственного воспитания с идейно-политическим и профессиональным как отражение цели, стоящей перед вузом. Целенаправленность требует подчинения всех задач, компонентов, методов, приемов и средств единой цели коммунистического воспитания.

Принцип комплексности является одним из важных в воспитании. Как отмечал А. С. Макаренко, «никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятое от системы»⁶. В на-

⁶ Макаренко А. С. Соч. в 7-ми т. — Изд-во АПН РСФСР, 1958, т. 5, с. 116.

стоящее время значение комплексного воздействия на личность все более повышается в связи с комплексностью общественного развития. На XXV съезде КПСС была поставлена задача комплексного подхода в постановке воспитания — «обеспечения тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся»⁷.

В программе воспитания студентов принцип комплексности обеспечивает, с одной стороны, определенную взаимосвязанную систему, единство всех методов, приемов и средств, а с другой — тесную взаимосвязь нравственного и других форм воспитания.

Воспитание не может строиться на отдельных единичных или случайных воздействиях на личность. Оно требует периодичности, повторяемости, систематичности приемов и средств. Навыки нравственного поведения закрепляются системой повторяющихся явлений. Систематичность не исключает случайных или единичных воздействий, а напротив, помогает их положительному влиянию. Однако в целом воспитание является последовательным систематичным процессом, опирающимся на определенную систему методов, средств и приемов.

Принцип конкретности требует учитывать, с одной стороны, условия, в которых осуществляется нравственное воспитание, а с другой — индивидуальность личности. Он предусматривает необходимость дифференцированного индивидуального подхода с учетом возраста, пола, социального статуса, специализации и т. д.

В принципе объективности выражается детерминированность нравственного воспитания потребностями и требованиями общества, которые выступают в виде конкретной цели. Этот принцип требует учета объективных условий общества и вуза, в которых происходит развитие личности студента.

Таким образом, применение всей системы принципов нравственного воспитания означает, что воспитание студента осуществляется в конкретных обстоятельствах комплексным воздействием, осуществляемым систематически и в связи с определенной объективной целью — требованием общества.

Эти принципы воспитания в вузе реализуются через систему определенных методов. Методы представляют собой способы воздействия, которые конкретизируются в соответствующих приемах, средствах, мероприятиях. Приведенные

⁷ Материалы XXV съезда КПСС, с. 74.

в определенную систему, они представляют методику. В вузе такой методикой и является комплексная программа воспитания, рассчитанная на весь период обучения. В ней сформулированы цели, задачи, выделены основные направления воспитательной работы, определены основные методы и средства их реализации с учетом курса обучения и специфики факультета.

Далее в данной работе мы предлагаем специальную программу нравственного воспитания, применимую в техническом вузе. В основу ее положена определенная концептуальная модель, вытекающая из теории морали. Как известно, мораль представляет собой единство морального сознания, моральной деятельности и морального отношения⁸. Следовательно, воспитать нравственную личность — это значит сформировать у нее моральное сознание, моральное отношение и научить моральной деятельности.

Нравственное сознание человека — сложное идеальное образование, представляющее собой субъективацию сознания общества. Сформировать моральное сознание личности — это значит создать у человека систему знаний и убеждений о нравственных принципах, нормах, ценностях, поступках и нравственной деятельности вообще. Моральные взгляды, как ядро морального сознания, являются составной частью убеждений и регулируют связь мировоззрения и поведения личности.

Моральное сознание может возникать на обыденном и научном уровнях. Обыденный уровень его базируется на нравственных чувствах, что характеризует эмоциональную сторону морального сознания. Воспитание в вузе должно сформировать научный уровень нравственного сознания студента, то есть передать ему систему моральных знаний и убеждений.

Следующий уровень нравственной сформированности студента — это выработка привычного нравственного поведения, определенного автоматизма в поступках. На этом уровне моральное сознание реализуется в нравственных отношениях и нравственной деятельности.

Таким образом, нравственное воспитание включает в себя как минимум три взаимосвязанных элемента: 1) этическое просвещение, которое необходимо для формирования морального сознания; 2) формирование моральных убеждений, убеж-

⁸ Дробницкий О. Г. Указ. соч., с. 249—253.

денности; 3) развитие навыков нравственной деятельности и нравственных отношений. Эти подструктуры должны быть учтены в программе нравственного воспитания в вузе.

Этическое просвещение, как основа формирования морального сознания студентов в программе нравственного воспитания, может быть представлено в следующем виде. Задача данной подструктуры заключается в формировании мировоззренческих основ коммунистической морали в сознании студентов. Она реализуется в определенных формах воспитательной работы:

1. Чтение курса марксистско-ленинской этики.
2. Организация и проведение циклов лекций по этической и правовой проблематике, о культуре поведения и отношений между людьми.
3. Выделение нравственного аспекта в преподавании общественных, общетеоретических и специальных дисциплин.
4. Выделение проблем морали и профессиональной этики в чтении теоретических основ общественно-политической практики.
5. Проведение теоретических конференций по актуальным проблемам коммунистической нравственности.
6. Встречи с ветеранами труда, Великой Отечественной войны, заслуженными деятелями науки, культуры, работниками здравоохранения, юстиции по проблемам коммунистической нравственности и советского законодательства.
7. Проведение тематических вечеров с целью ознакомления студентов с успехами деятельности выпускников института.
8. Проведение бесед по молодежным и общественно-политическим проблемам с выделением морального аспекта.
9. Организация диспутов по нравственным проблемам современности (гражданственности, активной жизненной позиции, нравственной ответственности современника и т. п.).
10. Проведение читательских конференций, литературных вечеров, вечеров вопросов и ответов, обсуждений кинофильмов, спектаклей, общественно-политических публикаций, рубрик в периодике по этическим проблемам.
11. Освещение моральных проблем в многотиражной и стенной печати, по радио и в кинолектории.
12. Привлечение студентов к занятиям на отделении этики и правовых знаний на ФОПе.

Вторая подструктура нравственного воспитания заключается в формировании убежденности, активной жизненной

позиции, единства слова и дела. Эта задача реализуется также целым комплексом методов, приемов и средств:

1. Выделением нравственного аспекта во всех проводимых мероприятиях (с учетом их нравственного воздействия).

2. Организацией социалистического соревнования между факультетами, академическими группами, общежитиями за сознательное отношение к учебе и дисциплине, за высокую моральную атмосферу в коллективах и передовой быт.

3. Проведением тематических открытых комсомольских собраний «О коммунистической морали», «О моральном кодексе строителя коммунизма» и подобных.

4. Привлечением студентов к участию в конкурсах по общественным наукам с этическими проблемами.

5. Привлечением студентов к сознательному участию в общественно полезном труде в строительных, ремонтных и хозяйственных работах в институте, в субботниках по благоустройству, в сельскохозяйственных работах на уборке урожая..

6. Продуманной организацией строительных отрядов для участия в III трудовом семестре под девизом «За коммунистическое отношение к труду».

7. Участием студентов в ДНД, в комсомольских оперативных отрядах, в комитетах народного контроля, в комсомольском прожекторе и т. д.

8. Организацией активной подготовки и культурного проведения праздников (вечеров, демонстраций, митингов и т. п.).

Третья подструктура в нравственном воспитании — привитие навыков нравственной деятельности и нравственных отношений, формирование ответственности за свои поступки — реализуется в активной повседневной практической деятельности. Эта активность может проявляться на уровне как массового, так и индивидуального участия в мероприятиях. В вузе средствами реализации этой подструктуры может явиться следующая система средств:

1. Выделение моральных проблем на производственных совещаниях преподавателей и студентов по текущим вопросам успеваемости и дисциплины.

2. Заслушивание и обсуждение отчетов комсомольских групп и отдельных студентов на партийных, комсомольских и профсоюзных собраниях, на заседаниях партбюро, бюро ВЛКСМ и профбюро о нравственной деятельности в процессе учебы и в быту.

3. Учет при общественной аттестации студентов нравственного отношения к деятельности и нравственного поведения.

4. Систематический контроль за поведением студентов и отношением их ко всей системе деятельности в вузе и за его пределами.

5. Обсуждение персональных дел по поводу антиобщественного, антиколлективного и аморального поведения студентов.

6. Периодическое обсуждение итогов общественной аттестации, проводимой в студенческих группах.

7. Популяризация опыта работы лучших коллективов.

8. Систематический контроль за воспитательной работой в общежитиях.

9. Выдвижение на работу кураторами опытных педагогов, оказание им систематической помощи и осуществление контроля за их деятельностью.

10. Использование системы поощрений за хорошую работу в строительных, хозяйственных и сельскохозяйственных мероприятиях для студенческих групп и отдельных студентов.

11. Совершенствование и эффективное применение системы поощрений коллективов, организаций и отдельных студентов, победивших в социалистическом соревновании.

12. Гласность о поощрениях и наказаниях студенческих групп и отдельных студентов, об итогах общественной аттестации.

Эта общая программа нравственного воспитания студентов конкретизируется в программах для курса, факультета, профилирующих, общетеоретических, общинженерных кафедр и кафедр общественных наук, а также для комсомольской группы с учетом конкретного субъекта воздействия. Все вместе они составляют единую программу нравственного формирования личности будущего специалиста, органически включающуюся в комплексную программу воспитания студентов на весь период обучения в вузе⁹.

⁹ Разработанная автором программа нравственного воспитания студентов вошла в «Комплексную программу и примерные планы воспитательной работы в вузе». — Томск: изд-во ТГУ, 1979.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УКРЕПЛЕНИЯ НАВРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ

А. П. ОЩЕПКОВА

В ходе коммунистического строительства неуклонно возрастает роль морального фактора в жизни общества. Нравственные качества личности становятся наиболее действенным началом всего человеческого поведения. Уровень нравственного развития определяет сущность личности, детерминируя ее направленность: коллективистскую или индивидуалистическую, добрую или злую, эгоистическую или альтруистическую.

В этом направлении много сделано нашим обществом. Тип личности, созданный в условиях развитого социализма, является носителем многих черт коммунистического идеала, включающего в себя гармоническое сочетание духовного богатства, моральной чистоты и физического совершенства¹.

Однако вопросы нравственного развития, нравственного совершенствования и повышения нравственного потенциала личности и общества остаются в центре внимания всей идейно-политической работы нашей партии государства. Необходимость совершенствования морального облика личности социалистического общества вытекает из объективных потребностей и задач социально-экономического развития. Повышение благосостояния, широкая возможность удовлетворения материальных потребностей при отсутствии нравственной зрелости может привести к искажению нравственных норм и принципов жизни социалистического общества. Как подчеркивалось на XXV съезде партии, мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии.

¹ Программа КПСС. — М., 1976, с. 121.

На данном этапе наметился переход от системы внешних регуляторов человеческого поведения к внутренним, целиком и полностью зависящим от уровня нравственного уровня индивида. Если процесс ослабления и вытеснения старых, жестких форм регулирования будет идти быстрее, чем становление новых, внутренних, духовных регуляторов поведения, то в сознании части людей может возникать «духовно-нравственный вакуум», весьма опасный в силу заключенной в нем возможности выхода личности из-под контроля общества и перехода ее на путь социально-вредного поведения. Появление подобного «вакуума» особенно опасно у молодежи, процесс социализации которой еще не завершен². Да и сам процесс нравственного формирования изменяется, усиливается тенденция перестройки структуры морального сознания человека в направлении возрастания в нем роли и места высших, собственно моральных уровней сознания, связанных с совестью, чувством долга, ответственности перед обществом, с сознательным и добровольным выбором личностью линии высоконравственного поведения. При этом нравственное развитие предполагает укоренение нравственной культуры в человеке, когда она становится совершенно неотрывной от человека, всех его поступков и действий, глубоко вкоренившейся, почти бессознательной. Только на этой стадии вкоренившейся нравственной культуры становление личности можно считать законченным.

Все это и обуславливает интенсификацию воспитательных воздействий во всех сферах социальной жизни и необходимость учета всех факторов как сознательного, так и стихийного влияния на нравственное становление и созревание человека.

Этика без теснейшего союза с другими науками не может решить всех задач, связанных с нравственным совершенствованием человека, так как человек — это целостная система, где нравственные качества занимают весьма значительное место, но однако подчиненное более общим личностным параметрам. В решении этих задач необходимы усилия многих наук. Особенно плодотворной в этом плане может быть тесная связь этики и социальной психологии, с позиций которой необходимо пересмотреть многие этические проблемы. «Без знания социально-психологических явлений трудно конкретно поставить и разрешить проблему детерминации духовного

² Блюмкин В. А. О нравственной деятельности. — М., 1977, с. 58.

мира личности, нельзя понять процесс развития личности, образования морально-психологических качеств личности»³. Социальная психология вскрывает механизмы формирования и реализации нравственных норм⁴. Социально-психологический анализ процесса формирования личности дает возможность учесть не только целенаправленные средства воздействия, но и стихийные, зачастую не учитываемые факторы, влияющие на человека и создающие определенную почву для привития тех или иных нравственных норм. Социально-психологическое исследование дает возможность вывести некоторые закономерности социально-психологического плана в общем ходе личностного становления и развития, показать их место и взаимосвязь с нравственными факторами в любой социальной общности.

Большие возможности в изучении этих процессов представляет социально-психологическое исследование семьи, в которой создаются первые нравственные отношения; приобретает первый нравственный опыт, закладывается основа личностной нравственной структуры. В детстве закладывается определенная психологическая основа, которая определяет развитие нравственности в будущем⁵. Эта основа существует в виде чувств, установок, которые формируются у ребенка в семье, ибо в первое время «нравственность должна быть насаждена в ребенке как чувство»⁶.

Семья современного социалистического общества претерпевает существенные изменения. Основой ее жизнедеятельности все более становятся естественнонравственные факторы. Нравственные принципы и нормы обуславливают создание семьи (у 70—80% людей любовь была главным фактором выбора будущего супруга)⁷, в семье возрастает роль таких нравственных ценностей, как духовная близость, взаимопонимание, взаимная благодарность, взаимоподдержка, уважение. Проблема укрепления семьи, стабильности ее все более упирается в вопросы нравственного воспитания, нравственной зрелости людей.

³ Ковалев А. Г. Психология личности. — М., 1970, с. 49.

⁴ Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. — М., 1974, с. 54.

⁵ Братусь Б. С. Психологические аспекты нравственного развития личности — М., 1977, с. 4—64.

⁶ Гегель. Собр. соч., т. 7, с. 304.

⁷ Харчев А. Г. Современная семья и ее проблемы. — Журналист, 1972, № 14, с. 59; Лаптенко С. Д. Нравственное развитие личности в семье. — М., 1977, с. 12—13.

Для традиционной семьи вполне обычен стабильный брак при полной неудовлетворенности супругов своими отношениями (утрата чувства любви, уважения, привязанности и т. д.), в современной семье подобная неудовлетворенность может приводить к разрыву даже при наличии детей. Те внешние отношения, которые делали устойчивой семью раньше, разрушаются под воздействием общественных изменений и вызревают силы внутри семьи, скрепляющие ее на новой основе и более прочно. Это силы нравственно-психологического характера. Если отношения и поведение членов семьи лишь внешним образом отвечают требованиям морали и при этом отсутствует социально-психологическая совместимость между супругами, духовная близость, взаимопонимание, а в результате этого и уважение между членами семьи, то подобная семья лишена внутренней спаянности, что не дает семье распасться. Структура нравственных отношений такой семьи не развита, она лишена своего внутреннего ядра, а потому непрочна.

Семья постепенно из общности с преобладанием признаков социального института превращается в общность, где доминирующее значение приобретают признаки социально-психологической группы⁸, такие как взаимная привязанность, взаимопонимание, терпимость, взаимная поддержка, спаянность.

Развитие семьи из социального института в социально-психологическую группу ставит ее стабильность в зависимость от тех социально-психологических феноменов, которые имеют место в семье. При этом между социально-психологическими явлениями в семье и нравственным ее уровнем существует прямая и непосредственная связь. Например, социально-психологическая совместимость супругов является объективной основой, сохраняющей и закрепляющей чувство любви. Тот или иной характер семейной жизни может снижать или повышать нравственный потенциал взрослых членов семьи, закреплять, совершенствовать в нравственном отношении личность или расшатывать, разъедать личностную нравственность. С другой стороны, нравственно зрелый человек имеет больше возможностей для реализации скрепляющих супружество ценностей: любви, верности, ответственности, уважения, доброты.

⁸ Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. — М.: Статистика, 1978, с. 109.

Нравственная культура человека в ее простейших формах формируется и реализуется под влиянием прежде всего определенной семейной жизни. При этом влияние семьи на нравственные качества, нравственные отношения осуществляется не столько через прямое наставничество, устную передачу знаний, сколько через социально-психологический климат семьи. Такой климат — есть следствие взаимодействия многих факторов жизни семьи, результат пересечения, перекрещивания их. При этом он создает неповторимый, своеобразный тон семейной жизни.

Социально-психологический климат — это специфическое образование, возникающее внутри группы как результат взаимодействия людей. Непосредственный контакт, личностное общение, особенности взаимодействующих людей и порождают качественно новые явления, не встречающиеся в психике отдельных индивидов, такие как подражание, авторитет, лидерство, иллюзии, совместимость, социально-психологический климат. Последний включает в себя две составляющие: эмоциональный контакт и социально-психологическую совместимость членов семьи. В жизни семьи эти два элемента тесно переплетаются, обуславливая друг друга. Показателем же климата, его направленности, благополучности является общение в семье, которое при этом выступает как интегральное понятие, а в нем находят свое проявление и эмоциональный контакт и уровень совместимости. Общение позволяет рассмотреть климат в движении, развитии, в процессе взаимодействия основных его компонентов. Выступая показателем климата в семье, общение является результатом его основных элементов.

Социально-психологический климат семьи характеризует ее как некоторое психологическое единство, помогая установить общую направленность семейной жизни, общий тон. Формируясь под влиянием определенных факторов семейной жизни, социально-психологический климат выступает как важнейшее условие функционирования семьи. Понятие климата помогает распознать, какие именно факторы семейной жизни влияют на личность и на какие именно стороны личности они оказывают воздействие, какой климат является благоприятным, способствующим укреплению нравственных отношений в семье, эффективному процессу воспитания, а какой — неблагоприятным, разрушающим личность, тормозящим процесс социализации, уродующим личность ребенка.

Определяющим в семейном климате выступает эмоциональный контакт, понимаемый как двусторонний процесс взаимодействия, в котором каждый из индивидов чувствует себя объектом заинтересованности и имеет определенный эмоциональный настрой, созвучный настрою другого индивида. Эмоциональный контакт может быть положительным и отрицательным. Поскольку межличностные отношения в семье разнообразны по своему содержанию, постольку и эмоциональный контакт можно рассматривать как контакт между супругами, между родителями и детьми и между детьми. Каждый вид эмоционального контакта вносит свою лепту в характер нравственных отношений в семье и по-разному влияет на нравственность личности.

Положительный контакт между супругами, в основе которого лежит чувство любви и уважения, способствует укреплению таких нравственных качеств, как чувство долга, ответственности, чуткости, внимательности и заботы. С самого начала супружества создается довольно высокий морально-психологический тон семейной жизни, характеризующийся повышенным требованием к себе и другому⁹.

Взаимоотношения между мужем и женой, в основе которых лежит положительный эмоциональный контакт, неразрывно связаны с активным взаимовоспитанием и взаимоизменением. В исследованиях каждый четвертый сообщил о положительном влиянии жены на мужа, каждый пятый, наоборот, влиянии мужа на жену¹⁰. Такие отношения укрепляют в супругах чувство долга, ответственности, создают основу для взаимопонимания и уважения.

Отрицательный эмоциональный контакт, сопровождающийся постоянной конфликтностью отношений, грубостью, черствостью, безразличием приводит к изменению личностных черт у супругов (например, к появлению озлобленности, недоверчивости, аномалий в развитии воли), является основой психологических заболеваний, психических расстройств (состояние расторможенности, фрустрации и т. д.). Все это блокирует, нивелирует процесс морального совершенствования супругов, разрушает нравственную личностную структуру.

При этом характер эмоционального контакта имеет объективную и субъективную сторону. Объективной основой того

⁹ Якова З. А. Городская семья. — М., 1979, с. 145—146.

¹⁰ Балагушин Е. Г. Нравственные отношения в рабочей семье. — В кн.: Моральный облик советского рабочего. — М., 1966, с. 239.

или иного контакта выступает уровень социально-психологической совместимости супругов. Социально-психологическая совместимость — это процесс взаимного согласования и адаптации личностных и коммуникативных свойств общающихся людей. В социально-психологической совместимости имеет значение все: характеры, привычки, потребности, интересы, установки, ценностные ориентации, ролевые ожидания¹¹. В случае противонаправленности субъективных миров индивидов, вступающих в очень близкий интимный контакт, даже когда основным мотивом вступления в брак является любовь, семейные связи могут оказаться непродолжительными. Никакое чувство любви не может компенсировать несовместимость супругов, хотя оно может помочь в процессе адаптации супругов друг к другу, в ходе выработки единого стиля жизни. Субъективной стороной эмоционального контакта выступает осознанное стремление супругов понять причину напряженных отношений в семье и наладить положительный эмоциональный контакт. Этому способствует наличие установки на ролевое сотрудничество и высокий нравственный уровень развития личности (чувство долга, ответственности). Неосознанность этих процессов ведет к неуправляемости отношений в семье, к дезорганизации и, в конечном счете, распаду семейного союза. Об этом свидетельствуют многие конкретно-социологические исследования, когда семьи, созданные на основе любви, разрушались.

В воспитании детей очень важен эмоциональный контакт, который складывается между родителями и детьми. Ведь в воспитании детей не столь важны приемы, сколько чувства, проявляемые родителями по отношению к ребенку, особенно в его ранние годы.

Неспособность детей в первые годы своей жизни воспринимать логические доводы увеличивает роль и значение эмоциональной связи детей с родителями, которая в первые годы является главной и основной. Эмоциональные реакции для ребенка — это средство восприятия окружающего мира и через него путь познания его. Психологи утверждают, что развитие собственного достоинства, уверенности у ребенка непосредственно зависит от того, какие чувства испытывают к нему родители. Ощущение собственной ценности формируется под влиянием любви и уважения тех, с кем ребенок

¹¹ Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. — М., 1979, с. 51.

себя идентифицирует. При этом любовь должна быть безусловной, в этом случае ребенок воспринимает себя как ценное существо само по себе¹². Он вырастает более уверенным и любящим жизнь по сравнению с детьми, которых любят только тогда, когда они отвечают определенным требованиям. Став взрослыми, такие дети способны любить преданно и глубоко.

Эмоциональное взаимодействие ребенка с родителями влияет на все стороны его развития: на физическое, психическое, интеллектуальное. Характер эмоционального контакта между родителями и детьми определяет формирование нравственных основ у детей. Положительные чувства, проявляемые родителями, выступают главным фактором «насаждения» в ребенке таких чувств, как доброта, жалость, любовь, способность к сопереживанию, на основании которых впоследствии вызревает человечность, гуманность индивида. Ребенок, которого любили родители, считает, что он достоин любви других, начинает дорожить представлением о себе и оценкой, мнением других о себе. Такие люди большей частью не позволяют себе поступков, которые не вызывают одобрения общества. Такие люди более терпимы к окружающим.

У детей, лишенных родительской любви и привязанности, живущих в семье с преобладанием отрицательного эмоционального контакта, накапливаются эмоции отрицательного характера. В них главными являются такие чувства, как обида, страх, злоба, досада, ярость, неудовлетворение и т. д. А положительные чувства (доброта, жалость, внимание, забота, ласка, радость) остаются не развитыми из-за отсутствия такого примера. Наличие переживаний и знаний лишь отрицательного характера приводит к формированию своеобразного инфантилизма в области положительных нравственных чувств. «Особенно сильно травмирует психику подростка, — пишет А. И. Невский, — возникновение взамен естественного чувства любви, уважения к родителям — неуважения, неприязни, ненависти к ним»¹³. Человек, вступающий в жизнь с таким «багажом», часто попадает в категорию «трудных», встает на путь аморального поведения и правонарушений.

¹² Захаров А. И. Семейное воспитание и его дефекты. — В кн.: Социальная психология личности. — Л., 1974, с. 192.

¹³ Невский А. И. Трудное детство, его причины, признаки и формы проявления. — В кн.: Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних. — М., 1970, с. 11.

Отсутствие любви в детстве имеет исход в виде атрофии чувства любви, своеобразной недоразвитости его.

Н. С. Мансуров, изучивший дела 1130 несовершеннолетних правонарушителей, отметил, что из их числа 80% юношей и 90% девушек выросли в семьях, где родители относились к ним безразлично, без особого внимания и любви¹⁴. А. С. Макаренко писал, что люди, воспитанные без родительской любви, часто искалечены в моральном отношении.

В семье же закладывается и механизм, ведущий к поиску эмоционального контакта в будущем. Дети, все потенциально способные к установлению эмоционального контакта, но лишенные в ранний период своей жизни такого контакта из-за равнодушия или эмоциональной неприязни окружающих, теряют эту способность в будущем. Такие дети теряют способность сочувствовать, сопереживать другому человеку, не способны к эмоциональному взаимодействию. Английский психиатр Боулби даже выделил таких людей в отдельную категорию, назвав этот тип личности «неконтактной». «Он, — пишет Боулби о таком человеке, — живет в изолированном мире, где люди не обращают на него никакого внимания. Ему не хочется ни друзей, ни знакомых, он просто равнодушен к людям». В силу неразвитости положительных чувств такие люди неспособны к высокоморальному поведению.

Родительские чувства со стороны отца и матери не являются однозначными. Их роли различны. Основная функция матери — любить детей, отцовское же влияние сводится к авторитету. Такое разграничение не является жестким: мать также должна обладать авторитетом в глазах детей, иначе любовь ее к ребенку теряет свою воспитательную ценность, а отец, в свою очередь, должен любить своих детей, так как в настоящее время именно характер эмоциональных связей и контактов отца с детьми определяет в основе своей авторитет.

В первые годы жизни ребенка огромное значение имеет материнское влияние. Любовь матери, нежность, ласка, забота — это своеобразный психологический фактор, который влияет на рост и развитие ребенка. Контакт с матерью в основе своей определяет формирование чувства любви, доброты, жалости. «Мать, у которой нет времени заботиться о своем ребенке, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — и дарить

¹⁴ Волков К. Н. О времени, о детях и о семье. — М., 1979, с. 46.

ему в первые годы жизни самую обыкновенную материнскую ласку, которой редко удастся видеть своего ребенка, не может быть ему матерью, она неизбежно относится к нему равнодушно, без любви, без всякой заботливости, как к совершенно чужому ребенку. И дети, выросшие в таких условиях, позже оказываются совершенно потерянными для семьи, никогда не почувствуют себя дома, в той семье, которой впоследствии обзаведутся»¹⁵.

В современном социалистическом обществе в силу большой еще занятости женщины в сфере общественного производства и в сфере домашнего хозяйства эффективность материнского влияния на нравственное формирование ребенка снижается. Зачастую воспитательные воздействия ограничиваются материальной сферой, т. е. стремлением ребенка накормить, обеспечить игрушками, одеть не хуже других.

Для формирования личности в нравственном отношении роль отца также незаменима. По мере роста ребенка его эмоциональный контакт с отцом растет и достигает своего высшего этапа в подростковом, возрасте, особенно для мальчиков. В этом возрасте эмоциональные взаимосвязи с отцом являются более значимым фактором, нежели контакт с матерью. Материнское воздействие, благоприятное для формирования у детей чувства любви, теплоты, доброты, нежности, далеко не способствует развитию у ребенка таких качеств, как самостоятельность, ответственность, достоинство. На современном этапе многие педагоги, психологи отмечают тенденцию падения отцовского авторитета. Одной из главных причин этого ученые считают недостаточные по сравнению с матерями эмоциональные, нравственные и эстетические контакты с детьми. Поведение подростка, лишённого авторитета в семейном кругу, становится трудноуправляемым и иногда, при стечении обстоятельств, безнравственным. Отцовский авторитет способствует более быстрому и более легкому приобщению к общественной жизни, укреплению в ребенке нравственных качеств.

Говоря об эмоциональных связях в семье, необходимо отметить и эмоциональный контакт, который выступает в форме братской, сестринской привязанности. Каждый из членов семьи вносит свою долю особого оттенка в эмоциональный контакт. Братья и сестры помогают создать своеобразную модель отношений, какие ребенок, ставший взрослым, уста-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 2, с. 374—375.

новит с обществом, с другими людьми. Отношения детей между собой являются как бы репетицией определенных ролей, какие они будут играть в обществе. При этом только братья и сестры представляют полноценных партнеров в этой репетиции. Наличие братьев и сестер в семье способствует формированию у ребенка таких качеств, как коллективизм в отличие от эгоизма, который легко прививается у единственного ребенка в семье, даже вопреки желанию родителей. Контакты, которые возникают у старших детей с младшими, позволяют старшему показать такие качества, как смелость, доброта, самостоятельность, ответственность. В свою очередь, пример старшего брата и сестры более убедителен для малыша, чем какой-либо другой, так как ребенку трудно бывает сопоставлять себя со взрослыми, умения и возможности которых кажутся ему недостижимыми. Привязанность, любовь братьев и сестер вносят в жизнь семьи особые черты, играя определенную роль в процессе формирования такого важнейшего нравственного качества, как коллективизм, основу которого составляет способность к взаимоподдержке, участию, взаимовыручке.

Социально-психологическая совместимость как элемент семейного климата диалектически взаимосвязана и взаимодействует с эмоциональным контактом. Когда два человека только что влюбились друг в друга, у них обычно есть лишь частичная совместимость — сходство чувств, похожесть их тяги друг к другу.

Социально-психологическая совместимость — неперенное условие благополучного семейного климата, это объективный момент его. Но в налаживании хорошего климата в семье немаловажное значение имеет и субъективный фактор, т. е. осознанность уровня совместимости или несовместимости, стремление найти причины этого, пути устранения этих причин. Без желания супругов регулировать свои отношения, налаживать благополучный климат в семье трудно представить счастливую семью. За пожизненное счастье приходится и бороться пожизненно. Социально-психологическая совместимость — это не одноактное действие, а результат взаимодействия в течение длительного времени. В связи с этим встает проблема ориентации молодежи, вступающей в брак, на необходимость наличия этой совместимости в семейной жизни. В этом плане неоценимую помощь могут оказать психологические консультации, имеющиеся уже во многих городах нашей страны.

Эмоциональный контакт и социально-психологическая совместимость реализуются, выступают на поверхность и становятся очевидными лишь в процессе общения членов семьи друг с другом. Межличностное общение в семье многообразно. Оно различается и по характеру отношения людей друг к другу и по способу выражения этого отношения, по способу обращения человека с человеком. При этом основой и целью семейного общения является взаимопонимание, которое обуславливается уровнем социально-психологической совместимости, характером эмоционального контакта, а также специфичностью семейного общения¹⁶.

Уровень нравственной культуры индивида находит свое непосредственное отражение в общении. Чем выше уровень, тем вежливее будет форма обращения членов семьи друг к другу, так как воспитанные в индивиде определенные нормы поведения содержат проявление эмоций, подчиняя их существующим в обществе общепринятым нормам. Исследователи утверждают, что в современной семье формы общения членов семьи несколько ниже, грубее, чем в других группах и коллективах (производственный коллектив, группа друзей, учебная группа), хотя потребность в уважительном, вежливом, даже «рыцарском» обращении возрастает. Так, например, данные исследований говорят о том, что наиболее частым мотивом развода является грубость со стороны мужа¹⁷. Воспитание культуры общения у индивида также является одним из факторов укрепления семьи.

Общение в семье выступает как важное средство становления личности ребенка. Интенсивное общение, особенно на первых порах жизни детей, со взрослыми служит основой овладения социальным опытом, являясь исходным условием и средством формирования сознания ребенка и его личностных свойств. Характер общения влияет на творческую активность детей, на формирование эмоционального мира ребенка, на нравственное развитие, т. е. в конечном счете выступает как фактор социализации индивида. Исследования показывают, что у детей, включая и подростковый возраст, преобладают ориентации на общение в семье с небольшими различиями у мальчиков и девочек. Поэтому общение в семье предоставляет большие возможности для целенаправленного воздействия на детей. Но необходимо отметить,

¹⁶ Зацепин В. О жизни супружеской. — М., 1958, с. 63—90.

¹⁷ Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы, с. 98.

что имеется ряд причин, снижающих удельный вес общения в семье у детей. Это прежде всего деструктивный характер семейного общения, отсутствие взаимопонимания между родителями, а также между родителями и детьми, безразличное, невнимательное или грубое отношение к ребенку и низкий уровень общей культуры родителей.

В процессе общения в семье дети получают определенное представление о нормах общения, о характере его, приобретают те или иные навыки общения. Семья закладывает простые нормы нравственности, играющие в общении огромную роль. Общение с его механизмами подражания, заражения, внушения, убеждения выступает в роли ведущего фактора нравственного развития личности ребенка при наличии положительного эмоционального контакта во всех подгруппах, высокого уровня совместимости, общей социальной направленности ценностных ориентаций семейной жизни, т. е. при наличии благополучного социально-психологического климата в семье.

Здоровый, благополучный семейный климат обеспечивает формирование нравственных установок как у детей, так и у взрослых, которые выступают в роли неосознаваемой человеком основы нравственного поведения и делают нравственность глубоко вкоренившейся, неотделимой от человеческой личности. Особенно важно формирование нравственных установок у детей. Система установок способствует процессу превращения внешнего принуждения во внутреннее стремление. Если у индивида сформирована установка на общественно значимое поведение, то он легко вырабатывает мотив нравственного поведения и отношения. Действовать по долгу действительно свободно, с желанием достигается благодаря возникновению соответствующей установки, реализация которой связана с приятными ощущениями. Установка на добрые дела является основой личностного альтруизма. В социологических исследованиях выяснилось, что у детей с высоким уровнем моральной установки значительно выше интерес к общественно-политической работе¹⁸, выше уровень нравственной зрелости.

Формирование здорового климата в семье — один из эффективных путей укрепления нравственных отношений в ней. Благополучный социально-психологический климат приводит к формированию высоких нравственных принципов в семейной жизни, создает возможность воспитывать в личности черты коммунистической морали, способствует их внутреннему укреплению в личностной структуре.

¹⁸ Власкин А. Нравственное воспитание. — М., 1978, с. 16.

УТОПИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ А. С. ХОМЯКОВА О РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЙ И УТИЛИТАРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

В. И. ХОЛОДНЫЙ (ТГУ)

Социализм, как отрицание буржуазного образа жизни, создает реальные условия для переориентации общества с утилитарного пути на путь развития духовного богатства людей. Темпы такой переориентации тормозятся сохранением на планете капитализма и усложнением социального процесса в целом. Отсюда в ходе борьбы за утверждение нравственного климата в современном и будущем мире возникают многоплановые мировоззренческие коллизии.

С целью выявления истоков указанных коллизий необходимо обратиться к эпохе середины XIX века (40—50-е годы). Именно в это время в Западной Европе окончательно утвердился буржуазный миропорядок с прямолинейно выраженным духом утилитаризма и прагматизма. Данное обстоятельство вызвало к жизни многочисленные социально-философские учения, в которых с различных классовых и ценностных позиций выразился протест против утилитаризации социального бытия. Одним из таких учений является историко-социологическая концепция родоначальника славянофильской идеологии А. С. Хомякова, в которой выдвигается утопическая идея преодоления **утилитарного** характера западной цивилизации на основе развития **религиозно-нравственных** начал, которые еще сохранялись тогда в сознании и быте русского крестьянина.

Социология славянофильского идеолога базируется на философско-религиозном антропологизме, выступившем в качестве основной методологической установки его творчества. Как подметил еще в начале XX века В. В. Завитневич, Хомяков полагал, что конечную цель исторической науки «должно составлять не изучение фактов самих по себе, а постижение тех живых начал, которые скрываются за фактами»¹. Мысли-

¹ Завитневич В. В., Хомяков А. С. Киев, 1902, т. 1, кн. 1, с. 404.

тель не столько стремится использовать исторические данные для обоснования своей точки зрения, сколько ставит задачу **интуитивно-рационального** вычисления духовных элементов, которые скрыты в прошлом, постоянно подчеркивая, что «все настоящее имеет свой корни в старине»². Для Хомякова не имеет принципиального значения достоверность описания эмпирической реальности. Он указывает на условность своего анализа и считает, что «история ... не есть простая летопись... она также и не отвлеченное созерцание внутренней жизни личной», а глубинное приобщение к творчеству прошлых поколений, «которое ни обмануть, ни обмануться не может»³. Не благодаря изучению фактов мы раскрываем дух эпохи, а наоборот: «Все частные явления во всякую эпоху... тогда только делаются понятными, когда мы поняли уже характер самой эпохи. Точно так же всякий факт в истории народа тогда только ясен, когда мы внутренне сочувствуем духу народа»⁴.

Развитие общества, по Хомякову, обусловлено единством двух активных сил. «Одна из них основная, коренная, принадлежит всему составу, всему прошлому общества, есть сила жизни, самобытно развивающейся из своих начал, органических основ; другая разумная сила личностей, основанная на силе общественной, живая только ее жизнью». Созидательной, творческой объявляется первая сила. Вторая ничего не создает, но не позволяет общественному процессу «перейти в слепоту мертвенного инстинкта или вдаваться в безрассудную односторонность. Если прервана связь веры и любви... между этими двумя сторонами исторического процесса, то в обществе «наступает разлад и борьба»⁵.

Выдвигая положение о сочетании «силы жизни» и «разумной силы личностей», Хомяков фактически онтологизирует свою идею о сочетании теории с религиозно-общинным бытием, пытаясь тем самым решить одну из центральных философских проблем — о соотношении объективного и субъективного в общественном развитии. Понятие объективной «силы жизни» — это не что иное, как аморфное идеалистическое выражение общественной практики, в которой скрыты вызревающие закономерности социального развития. У Хомякова уже само объективное включает в себя субъективный,

² Хомяков А. С. Полн. собр. соч., М., 1882, т. 2, с. 22.

³ Там же, с. 30, 31.

⁴ Там же, с. 79.

⁵ Там же, М., 1878, т. 1, с. 127.

деятельный момент, так как представляется им творческим, созидательным процессом. Кроме того, данный объективный ход истории невозможен без «разумной силы личностей», которую он сам порождает и достигает в ней осознанности.

Несомненно, родоначальник славянофильства очень далек от научной постановки и решения проблемы взаимообусловленности объективного и субъективного. В качестве созидательного практического опыта у него выступает религиозная вера, религиозное сознание людей. И если теория отрывается от веры, то превращается в рационалистическое бессодержательное умозрение. Тогда религиозность народа тоже превращается в отвлеченность, чистую формальность, духовная нравственная жизнь уступает место утилитарному бытию. В силу этого общественное развитие начинает определяться не духовным опытом прошлых поколений, а постоянной борьбой между различными формами рассудочного мировоззрения, способного только отрицать, а не созидать.

Первопричиной социальной жизни и природы объявляется надличностный «всецелый разум», который не определяет поведение людей, а наделяет их по своему подобию атрибутами свободы, воли и любви. Бог забрасывает человека в созданный им же вещественный мир, существование которого обусловлено законами причинной необходимости. Поскольку человек наделен свободой воли, то от него самого зависит, в какой мере он сумеет стать нравственной личностью, стремящейся к «волюющему разуму», и в какой мере попадет в зависимость от мира необходимости, станет развиваться по его законам. Отдельная индивидуальность приобщается к сущему путем соборной веры, которая «составляет предел его внутреннему развитию»⁶. Но так как вера того или иного народа формируется не без влияния материального бытия, то несет на себе наслоения необходимого характера последнего. Если утилитарное жизнепроявление возвысится над свободным существованием веры как религиозной нравственности, то последнее превращается в зависимую рассудочную религию и постепенно истощает свои жизненные силы, в результате чего наступает «внутреннее омертвление» людей⁷.

Хомяков считает, что западная цивилизация как раз и сформировалась на основе рассудочной религии. Мыслитель

⁶ Там же, М., 1882, т. 3, с. 8.

⁷ Там же, М., 1878, т. 1, с. 147.

утверждает, что первоначальное «христианство... представляло идеи единства и свободы, неразрывно соединенные в нравственном законе взаимной любви». Но римляне усвоили «только одно начало — единство»⁸, ибо приняли христианство в период развития у них внешних форм человеческой жизни — государства и права. Поэтому религия заняла в государстве подчиненное положение, превратившись в инструмент, который начал служить земным целям, а не развитию нравственности, соответствующей божественному откровению. Германские племена, уничтожив древнюю цивилизацию, переняли «это римское латинство как христианство, односторонне понятое, как закон внешнего единства»⁹. В результате этого германское общество пошло по пути развития бездуховного юридического формализма и рационализма. Потом на Западе оформляется католическая форма христианства, которая, выступая как один из государственных институтов, возводит к тому же громоздкую систему умозрительных церковных догматов, чем еще больше ограничиваются ее нравственные возможности. Западноевропейские народы, лишённые религиозных нравственных начал, заняты междоусобной борьбой. Католическая церковь сама втянута в эту внешнюю борьбу за светскую власть. Она организует военно-монашеские ордена, крестовые походы и искусственно насаждает католицизм.

Католическая религия не способна одухотворить общество на внутреннее нравственное единство, а согласуясь с закономерностями материальной жизни, добивается внешнего единства насильственным путем. Бездуховное развитие цивилизации, однако, с необходимостью приводит к дальнейшему усилению борьбы в обществе. Реформация разделила католическую церковь на латинство и протестантство. И это разделение опять-таки вытекало из внутренней потребности материализованного общества во внешней борьбе. Так, латинство — это догмат, оторванный от живой веры, а протестантство — догмат, предназначенный для рассудочного опровержения первого. «Отнимите у него другой отрицаемый им мир, и протестантство умрет: ибо вся его жизнь в отрицании»¹⁰. Если традиционный католицизм формально отстаивал предание о нравственном единении людей, то протестантство

⁸ Там же, с. 148.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, 1880, т. 2, с. 44.

явилось узаконением «свободы исследования, оторванной от живого предания о единстве, основанном на взаимной любви»¹¹. Возникновение протестантизма оказалось полным поражением религии. «Государство от мира сего заняло место Христианской Церкви. Единый живой закон единения в Боге вытеснен был частными законами, носящими на себе отпечаток утилитаризма и юридических отношений»¹². Вытеснение церкви рационализмом произошло потому, что «вдохновенная Богом Церковь для западного христианина сделалась чем-то внешним, каким-то прорицательным авторитетом, авторитетом как бы вещественным; она обратила человека себе в раба и, вследствие этого, нажила себе в нем судью»¹³. Для истинной же церкви неразрешимые утилитарные вопросы западной религии просто не могут существовать. Она преследует только одну цель — духовное единство людей путем приобщения их к божественной любви.

Рассудок пытался найти духовную истину путем логического анализа действительности. Безусловно, она проявляется во внешней деятельности людей. Духовная истина, однако, недоступна рассудку, но очевидна для верующего, ибо вера «есть созерцание факта невидимого, проявленного в факте видимом»¹⁴. «В истинной Церкви нет Церкви учащей», хотя она не лишена поучений. «Учит вся Церковь... в ее целостности»¹⁵. Церковь отвергает логическое постижение истины и этим в корне отличается от протестантизма, а целостный характер ее учительства не совместим с латинством — «Церковь не знает сделок в догмате и вере», что характерно для традиционного католицизма. Ей, «как истине, ложь враждебна по существу»¹⁶. Католическая религия, окончательно утерев живое христинское единство, заменила «внешним знамением... духовное чутье истины». Она в борьбе с открытой рассудочностью протестантизма «ищет себе поддержки в господствующем невежестве» и возводит ложь в основной принцип своей догматики. «Ложь, как железная цепь, охватила своими звеньями души, томимые жаждою правды». Католицизм покорился «печальной необходимости исказить истину, лишь бы спасти себе положительную веру и не впасть

¹¹ Там же, с. 51.

¹² Там же, с. 53.

¹³ Там же, с. 54.

¹⁴ Там же, 63.

¹⁵ Там же, с. 61, 66.

¹⁶ Там же, с. 71, 79.

в Протестантство»¹⁷. «При столь явном отсутствии в самой проповеди всякого убеждения, всякой добросовестности и серьезности, едва ли можно слишком строго осуждать скептицизм»¹⁸, то есть отрицание религиозной веры. Неверие перешло от образованных слоев населения к массам.

Хомяков указывает и на положительные моменты в западной цивилизации, которые выражаются в развитии просвещения и в создании материальных благ. Запад многое сделал «для человечества... в науке и в искусстве, в государственном законодательстве и народной цивилизации, практическом осуществлении чувства правды и в практическом применении любви»¹⁹. Плоды этих трудов «ныне собирает или соберет впоследствии все человечество». Безусловно, «пагубное наследство... полученное» Западной Европой от Рима, «по мере развития неизбежных его последствий мертвит духовную жизнь, пока еще ...одушевлявшую» западную цивилизацию²⁰. Тем не менее, «несмотря на громадность политических агитаций, на социальное брожение, далеко еще не достигнувшее своего конца, на кровопролитные войны и на кажущееся преобладание материальных интересов, наш век есть время мысли, и... ему суждено иметь на будущность человечества влияние сильное»²¹. Полуверующий Запад заботился о человеке и поэтому, «несмотря на общественные язвы и... шаткость... верований», он «более заслуживает название государства христианского, чем средневековые королевства, с их лживою и слепою, хотя нередко так громко прославляемою, набожностью»²². Однако полунравственное религиозное начало, заключенное в атеистическую форму, должно полностью иссякнуть и тогда наступит конец европейской цивилизации. Опасность в том, «что мысль на Западе... обогнала религию, уличив ее в рационализме и непоследовательности» и этим приговорила последнюю к смерти»²³. А поэтому развивать положительные итоги западной цивилизации можно только на основе возвращения к догмату первоначального христианства.

¹⁷ Там же, с. 73, 81, 80.

¹⁸ Там же, с. 83.

¹⁹ Там же, с. 91.

²⁰ Там же, с. 81.

²¹ Там же, с. 165.

²² Там же, с. 165—166.

²³ Там же, с. 166.

Таким образом, Хомяков рассматривает утилитарное состояние буржуазного общества с его антагонизмами как кризис католицизма и религиозного сознания вообще. Прогрессивная тенденция разрушения религиозного мировоззрения квалифицируется мыслителем в качестве причины всех язв капитализма. Внутренние закономерности общественного развития, которые порождали катаклизмы в социальной жизни, в том числе и в области религии, понимаются родоначальником славянофильства как результат эволюции ложной религиозной веры. Вера у него определяет народный характер и путь цивилизации. Развивающаяся действительность представлена здесь как проекция внутренних изменений религиозного сознания. Все, что есть положительного в европейской культуре, приписывается истинным потенциям религиозного сознания, а отрицательное — ложным догматам католической церкви.

Стремясь преодолеть панлогизм Гегеля, А. С. Хомяков пытается объяснить социальные процессы, исходя из них самих. У него «Всецелый разум» как субстанция только создает духовный мир, но в основе развития последнего лежит религиозная вера, которая возникает в результате столкновения свободного духовного стремления человека ко «Всецелому разуму» с необходимыми природными условиями, в которые заброшен человек провидением. Идеолог славянофильства, безусловно, не может проследить диалектику свободы и необходимости в общественном развитии. Необходимый материальный характер социальных процессов представляется ему результатом извращений религиозного сознания, которые в конечном итоге привели дух в зависимость от органической природы. Свобода понимается мыслителем как онтологическая соборная сущность, которая тождественна с истинной религиозной верой. Запад пошел по пути необходимого развития и дошел до полного истощения своих духовных сил. И сейчас положительные результаты европейской культуры нужно пересоздать на основе свободного общения с богом путем возвращения к истинной вере.

Хомяков проводит положение, согласно которому именно русскому народу суждено выполнить историческую миссию возвращения цивилизации на подлинные духовные начала. По его мнению, в русских общинных отношениях скрывается истинно духовный принцип — «закон взаимной любви», на основе которого можно построить нравственную цивилизацию и этим позитивно преодолеть «фабричный» характер совре-

менной западной жизни с ее индивидуализмом и бездуховностью. Таким субстациональным законом мыслитель объявляет русское православие (не как теологию, а как религиозную нравственность), благодаря которому будто бы в России сохранился «деревенский мир с его единодушною сходкою, с его судом по обычаю совести и правде внутренней»²⁴, а также обеспечивалось полюбовное решение вопросов между помещиками и крестьянами.

В русском православии, на взгляд Хомякова, наиболее адекватно отразилась природа первоначального христианства, которое пришло на Русь от Греции через Византию. Поскольку в Греции духовное бытие преобладало над вещественным миром, то она сохранила христианство в чистоте. Византия погибла в результате противоречий между нравственной свободой и необходимыми законами государственных учреждений, ибо византиец был «эллином по просвещению и римлянином по гражданству... соединял в себе две славы древнего мира»²⁵. Но истинная религия сохранилась, найдя себе убежище на русской земле. Предки русского народа — славяне — жили свободными общинами. Такая кротость славян соответствовала духовным принципам первоначального христианства. И Русь впитала в себя христианство, «может быть в силу того общинного начала, которым она жила, живет и без которого... жить не может». Она пронесла истинные религиозные начала через величие испытания и «теперь должна явиться их представительницею для целого мира». Но русский народ только тогда сможет донести до других свои духовные начала, когда осмыслит их для себя²⁶.

В X веке в результате мирной проповеди Русь решительно перешла «от языческого неразумения к разуму Христианства. Свежая земля, не закованная в формы уже определившегося общества политического, не испорченная завоеванием... она мгновенно стала выше Византии и всех других стран-завоевателей, гражданских»²⁷. Это нравственное возвышение над другими народами мира, однако, не превратилось в исторически значимую силу, и Россия начала отставать в области культуры и просвещения от других стран.

Факт культурной отсталости России приводит Хомякова к следующему рассуждению. Истинная вера только тогда

²⁴ Там же. М., 1878, т. 1, с. 138.

²⁵ Там же, с. 217.

²⁶ Там же, с. 152.

²⁷ Там же, с. 219—220.

может принести свои щедрые плоды, когда органически вписывается в жизненную практику народа, а это происходит только при наличии «цельности и стройности» общественной жизни, когда утилитарное бытие народа еще не получило никакого развития. «Россия не имела этой цельности с самого начала, а к достижению ее встретила... препятствия неодолимые». Просто Русь «по основам своей народной жизни и по сравнительной мягкости нравов...» имела предпосылки «к принятию высшего духовного начала»²⁸. Но ко времени приобщения к христианству русскому обществу уже был присущ воинственный дух. «Русский быт изстари по преимуществу общинный, произвел дружину, в которой личная отдельность была доведена до крайности и узаконена, и которая, не имея с землею никаких общих начал, скрепила себя наконец искусственным сочленением местничества, уничтожая окончательно личность и превращая ее в номер»²⁹. И вообще Русь претерпела до X века развращающее влияние иностранных государств. Поэтому истинная вера слилась только с бытом русского народа, который явился молчаливым, но надежным хранителем православия. Общинный мир благодаря уходу от внешней борьбы сдерживал развитие государства в утилитарном направлении, но не смог создать духовной культуры, так как, усвоив хорошо христианские обряды, почти не осознал нравственной природы истинной религии, хотя инстинктивно и приобщился к ней.

Родоначалник славянофильства выдвигает еще одно условие, когда истинная вера, пришедшая извне, может быть органично усвоена другой нацией. Это — достаточно большой уровень умственного развития. Все чужое, каким бы оно не было высоким и как бы не соответствовало внутренним побуждениям народа, только тогда делается благодатным его приобретением, когда осознается им. Уровень умственного развития русского народа в X в. был очень низким — совершенно недостаточным для понимания христианства. Поэтому «большинство наших предков... были христианами более по обряду, чем по разуму»³⁰. И даже те, которые «уразумели» внутреннее содержание первоначального христианства, не смогли осознать его до конца. В результате этого Россия не создала высокой культуры на истинно христианских началах.

²⁸ Там же, с. 220—221.

²⁹ Там же, с. 224.

³⁰ Там же, с. 248.

Раздвоение между государством и народом вело к раздробленности России на отдельные княжества. Государство стремилось к внешнему политическому объединению всей страны, а мирские общины — «к единству более узкому по своему объему, но зато и более живому по своему естественному происхождению и по своей связи с прошедшим»³¹. России для нормального развития необходимо было политическое объединение при сохранении внутренней свободы народа. Разрушительная сила татар сделалась орудием создания единой Руси, но не могла ликвидировать окончательно раздвоенности между народом и властью. И только в 1612 году, когда народ избрал царем Михаила Романова, произошло проникновение власти и нравственной «правды народа» — вся Россия предстала как единая община. Власть была освящена истинной верой, дремавшей в народном сознании, и этим закладывались прочные основы развития национальной культуры.

Борьба, однако, обострилась по другим каналам. Еще со времени разделения церковью на католическую и православную у русского народа зрела «подозрительность и вражда к Западной мысли», а обособленность общин породила стеснительный деспотизм «обычаев и стихий местных»³². В связи с этим в России созрела к XVIII в. необходимость ликвидировать национальную ограниченность путем усвоения положительных результатов западного просвещения и развить с их помощью православную культуру, которая могла бы явиться основой новой мировой цивилизации. Но просвещенные русские люди увлеклись борьбой с отсталостью России и впали в противоположную крайность. Петр I, как «один из могущественных умов и едва ли не сильнейшая воля, какие представляет нам летопись народов...» дал этому крайнему направлению «...полный перевес и быструю победу». Наряду с уничтожением устаревших обычаев было приостановлено и самобытное развитие России. Направление Петра I «не было совершенно неправым: оно сделалось неправым только в своем торжестве, а это торжество было полно и совершенно»³³.

Отрицательно относясь к результатам петровских преобразований, Хомяков тем не менее указывает на их неизбеж-

³¹ Там же, с. 225.

³² Там же, с. 153, 154.

³³ Там же, с. 155.

ность — «петровское дело» должно было «впасть в крайность, потому что было вызвано противоположной крайностью»³⁴. Петр I не понял главного, что настоящая сила России заключается в истинной христианской нравственности — законе любви и внутренней свободы. Вещественные свойства, которые стали на Западе необходимым внутренним моментом цивилизации, он довел до грубых насильственных форм, поработав ими нацию во имя государства, и стал насаждать внешние формы общежития. Европейское влияние, однако, не могло проникнуть в толщу народной жизни — истинная вера и община остались ее основой. К тому же петровские преобразования пробудили в России сознание своей силы и привлекли к ней внимание иностранных государств. Современная Россия, ратуя не за «возвращение к погибшим формам и случайностям старины»³⁵, а за сохранившиеся начала, должна воссоздать национальную культуру и наметить пути коренного пересоздания мировой цивилизации.

Из изложенного видно, что Хомяков, рассматривая историю России и Западной Европы, достаточно произвольно трактует прошлые события. Русский мыслитель приходит к глубокому выводу, что развитие социальной жизни основано на определенных закономерностях и что при исследовании исторического процесса нужно исходить из общей методологии, а не просто описывать факты, как это делается, по его мнению, в исторической науке. Религиозная направленность мышления, однако, не дает возможности идеологу славянофильства пойти дальше постулирования общественных закономерностей в качестве соборного опыта людей («сила жизни»), оформленного в религиозную веру и возникающего в результате «прорыва» верующих ко «Всецелому разуму» путем преодоления необходимых законов вещественного мира. В этом смысле общие принципы познания духовной жизни оказываются тождественными ее закономерностям. В качестве такого «общего знаменателя» выступает религиозный опыт, вера. Вера — и основа познания, и двигатель общественного процесса.

Внешние исторические факты служат для Хомякова только «точками опоры для ... розысканий» истины³⁶, а не доказательством ее. Поскольку утилитарное бытие, описанное

³⁴ Там же, с. 154.

³⁵ Там же, с. 259.

³⁶ Там же, М., 1882, т. 3, с. 30.

в исторических трактатах, понимается им как причинно необходимое, не соответствующее нравственному человеку, то оно и не может использоваться для обоснования духовного процесса. И все же мыслитель не просто описывает внутренние переживания личности или ее растворение в «мировой воле», как это было соответственно у С. Кьеркегора и А. Шопенгауэра, а пытается уловить духовный процесс в реальных социальных явлениях.

Историко-социологическая концепция Хомякова не лишена некоторых элементов историчности. Метафизически объявляя началом общественной жизни деятельность божественной субстанции, мыслитель тем не менее с религиозных позиций признает историческую обусловленность социального бытия, так как считает, что различные формы религиозной веры вытекают из различной социализации божественных предначертаний. Как исторически возникшие рассматриваются и вероучения, поскольку они якобы оторвались от природы «Волющего разума» и самостоятельно пошли по рационалистически-прагматическому пути. Объясняется Хомяковым это положение искусственным противопоставлением свободы и необходимости, духовности и материальности. Чем более жизнь народа определялась внешним вещественным бытием, тем менее его религия выражала божественное духовное начало. История — это проявление «Волющего разума», но она же и отклонение от его истинной природы.

Иными словами, при рассмотрении историософского учения Хомякова с очевидностью раскрывается, что последнее, как и теория познания, базируется на религиозном антропологизме, который, однако, далек от последовательного иррационализма. Провиденциальные «откровения» мыслителя как бы вытекают из реальной социальной действительности и снова погружаются в нее. Его доктрина, направленная против фантастически истолкованного утилитарно-прогматического бытия, является, по сути, **религиозно-общинным вариантом антропологической критики капиталистического развития общества.**

В антиутилитарной социологии Хомякова просматривается тенденция к абсолютизации внутреннего духовного бытия человека, состоящая в отрыве его от многих социальных ценностей, которые сформировались в рамках секуляризованной культуры. Тем не менее здесь иррационально-антропологический принцип не доводится до крайности, до своего логического завершения. Идеолог славянофильства, в отличие от

последовательных иррационалистов, фактически противопоставляет не столько внутренний мир личности ее социальной детерминации, сколько религиозно-нравственную цивилизацию «договорно-правовой» цивилизации, базирующейся на формальном законе. Кроме того, Хомяков проводит положение о соборном, то есть, по существу, общественном характере личности, сформировавшейся на «законе внутренней правды». В этом отношении его учение очень далеко от иррационального **индивидуализма**, который является существенной стороной философии С. Кьеркегора и многих последующих учений современной буржуазной мысли.

Датский философ, и в значительной мере экзистенциалисты XX века, заостряя внимание на внутренней жизни индивида, отказываются искать пути изменения, социального бытия людей, поскольку любой общественный порядок воспринимается ими как чуждый личности, способный деформировать ее. Русский мыслитель, наоборот, выдвигает идею о возможности глубинного пересоздания социальных отношений на основе коллективистского религиозного сознания, носителем которого, по его мнению, выступает русское крестьянство. Иными словами, западные иррационалисты, приходя в отчаяние от все более усиливающейся утилитарно-прагматической тенденции при капитализме, создают крайне пессимистические социально-философские учения. В отличие от них Хомяков, не порывая с дворянской классовой психологией, дает оптимистическую, но в то же время консервативную и утопическую оценку происходящих в мире изменений, определяя место России в нем как исключительное. Он надеется на преодоление утилитаризма и прагматизма во всем мире путем развития религиозно-нравственных начал, которые якобы сумело сохранить в зачаточном виде только русское крестьянство, а народы Запада уже давно их утратили. Оптимистическое умонастроение основоположника славянофильства в абстрактной и достаточно архаической форме отражало тот реальный факт, что перед Россией открывались горизонты существенных экономических преобразований, а ее культура, достигнув национального самосознания и становясь народной, приобрела мировое значение.

В антиутилитарной социологии А. С. Хомякова, по сути, мистифицировалась объективно вставшая **реальная проблема коренного переустройства общественных отношений**, которую в утопической форме поставили еще домарксовские социалисты. По своей идеологической природе данное учение пред-

ставляло своеобразную попытку обосновать **возможность и необходимость пересоздания мировой цивилизации на основе развития и сохранения религиозного сознания при обновлении (в России) и возрождении (в Западной Европе) самодержавно-общинных принципов социального бытия.** На практике углубленный в религиозную нравственность оптимизм Хомякова, как и всех других славянофилов, выражал классовые интересы дворянства, которое, будучи далекими от идеи какого-либо обновления общества, ратовало в период подготовки и проведения крестьянской реформы за сохранение самодержавно-общинных отношений и православной религии.

Марксистский критический анализ антиутилитарных социально-философских направлений эпохи середины XIX века дает возможность понять генезис потребительской психологии с ее ориентацией на формальные социальные ценности, что, в свою очередь, имеет определенное значение для борьбы за глубоко духовную личность, за утверждение нравственного климата в современном мире. Творчество А. С. Хомякова и его последователей в этом смысле представляет не просто академический интерес. Изучение славянофильства должно быть подчинено выявлению его связей с теоретико-мировоззренческой ситуацией нашего времени.

События последних лет, особенно совершившаяся недавно революция в Иране, наглядно показывают, что в «третьем мире» традиционная религиозная нравственность до сих пор представляет реальную и порой решающую силу, противостоящую милитаризму и утилитарной психологии. И славянофильство, как один из первых опытов абсолютизации религиозного антиутилитаризма, непосредственно вписывается в противоречивый процесс современной идеологической борьбы.

НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Е. С. ЛЯХОВИЧ, Н. П. ЛУКИНА

Превращение исследовательского труда в профессиональную сферу деятельности многих сотен тысяч членов нашего общества¹ ставит вопрос о своеобразии воспитательной работы среди этой огромной армии интеллигенции. Вопрос осложняется тем, что речь идет о воспитательной работе среди лиц, имеющих, как правило, высшее образование (даже лаборантский состав) и «степени», свидетельствующие о высокой профессиональной квалификации.

Данная статья не ставит своей целью подбор фактов, свидетельствующих о необходимости и актуальности воспитательной работы, и даже не о выявлении ее особенностей применительно к такому своеобразному субъекту воспитания, как научная интеллигенция.

Исследуя проблемы возникновения и развития научных школ, стремясь выявить их природу и характер функционирования в тех или иных социальных условиях², мы обнаружили исключительную роль в этих процессах особой моральной атмосферы, того психологического климата, который не только способствовал плодотворности научных школ в продуцировании новых ценных научных идей, развитию оригинальных научных направлений, но и формированию таких нравственных качеств, как чувство гражданского долга, честность, справедливость, мужество, чувство ответственности, доброжелательность, принципиальность и др. В отношении содержа-

¹ Численность научных работников в нашей стране на 1978 г. — 1 млн. 314 тыс. (См.: Мы и планета. — М., 1980, с. 84).

² См.: Ляхович Е. С., Лукина Н. П. Место и роль научной школы в подготовке научных кадров. — В сб.: Социальные проблемы науки, образования, воспитания. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977; Лукина Н. П. Об основных характеристиках в типологии научных школ. — В сб.: Наука и закономерности ее развития. — Томск: Изд-во ун-та, 1977.

ния категорий «мораль» и «нравственность» представляется удачным их понимание Э. В. Ильенковым: «Мораль как форма сознательной регламентации поступков существует в виде совокупности четко сформулированных общих требований, нормативов, обязательных для каждого члена данного общественного организма. Нравственность же есть реальный способ отношения человека к другому человеку и к самому себе (как человеку вообще), обнаруживаемый в реальном же действии, а не только в сознании»³.

Возникает вопрос: что именно в деятельности научных школ воздействует воспитательным образом на личность каждого члена школы и как это происходит?

Для получения ответа на данные вопросы пришлось сделать ряд уточнений. Что понимать под научной школой? Группу ученых, работающих над одной задачей, проблемой? Ученых, общающихся лично или посредством публикаций, конференций («незримые колледжи»)? Ученых, работающих в одном НИИ, лаборатории, на одном факультете? Ученых, работающих вместе эпизодически или длительное время?

Наиболее адекватным для решения поставленных в статье задач является представление о научной школе как группе исследователей во главе с лидером, крупным ученым, которая в непосредственном общении реализует определенную исследовательскую программу на основе общих теоретических принципов, методов исследования, методики проведения эксперимента. Научную школу отличает высокая степень сплоченности, проявляющаяся в следовании общепринятым образцам научной деятельности, в традиции передачи знаний молодым исследователям, в своеобразном стиле мышления. Непременным условием существования научной школы является наличие отношений типа «учитель — ученики», посредством которых реализуется одна из основных функций школы — обучающая, педагогическая.

Среди перечисленных и еще неперечисленных признаков школы не только в науке, но и в других сферах человеческой деятельности (архитектуре, медицине, технике и т. п.)⁴ надо отыскать такие признаки, которые, определяя сущность дан-

³ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. — М., 1968, с. 278.

⁴ См.: Шейнин В. М. Ильюшин и его школа в самолетостроении. — В кн.: Ученый и конструктор С. В. Ильюшин. — М., 1978; Бахтин М. Г. Архитектура и город. Проблемы развития советского зодчества. — М., 1979.

ной формы коллективной деятельности, наиболее близко были бы связаны с формированием нравственной стороны личности ученого. При этом мы отдаем себе отчет в том, что в чистом виде нравственные характеристики личности не могут быть оторваны от других и проявляются прежде всего в многообразии различных сфер деятельности личности и в ее поведении. Но задача несколько упрощается, ибо научная деятельность отличается от многих других видов профессиональной деятельности (производственной, спортивной и т. п.) тем, что она часто заполняет все время ученого (и досуг в том числе), превращаясь почти в единственный вид целенаправленной деятельности данной личности, мотивируя все ее поведение. Почти по Лермонтову: «Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть».

Чем же отличается научный коллектив вообще, а научная школа в особенности в интересующем нас плане? Известный советский социолог науки Г. Н. Волков пишет: «Если имеется научный коллектив определенной квалификации, оснащенный лабораторией и всей необходимой техникой, если он оптимально организован, то это еще совсем не значит, что он непременно добьется успеха. Он может трудиться впустую, получать иллюзорные или дублирующие результаты. Сколько не укрупняй этот коллектив, сколько не вкладывай средств, сколько не организуй его — эффект будет тот же.

... Главное, что здесь необходимо, это не просто квалифицированные, но и талантливые люди, способные создавать новое. Научный коллектив жизнеспособен тогда, когда он группируется вокруг одного или нескольких «генераторов идей», когда научные идеи цементируют коллектив, когда организация подчинена наилучшему использованию ума и таланта»⁵.

Представляется, что Г. Н. Волков ответил таким образом на главный вопрос о том, что является критерием, отличающим научную школу от другого вида коллективов, что является, наконец, системообразующим фактором, стержнем научной школы, задающим тональность всей ее социально-психологической атмосфере. Это, в первую очередь, талант, ибо бесталанность личности, попавшей в сферу творческой деятельности, часто является основой безнравственности ее поведения. История науки знает печальные примеры тому,

⁵ Волков Г. Н. Количественные и качественные методы в изучении науки. — В кн.: Будущее науки. — М., 1980, Вып. 13, с. 245.

ставшие уже достоянием отечественной и зарубежной художественной литературы (А. Крон «Бессоница»; Ж. Дюамель, трилогия «Семья Паскье», часть 3 «Битва с теньями» и др.). Разумеется, не значит, что талант обязательно и единообразно связан с нравственностью. Однако глубокая нравственная позиция таких выдающихся ученых, как Н. Бор, Э. Резерфорд и др., может служить примером счастливого сочетания таланта исследователя с высокими личными качествами, которое и позволило им стать во главе крупнейших научных школ своего времени. Однако талант ученого как «генератора» новых и выдающихся идей — обязательное, но недостаточное условие для того, чтобы вокруг этого ученого создавалась научная школа. Ибо характер деятельности ученого детерминирован не только объектом исследования, но и своеобразием субъекта деятельности — индивидуальностью ученого. Говоря о том, что Эйнштейн или Менделеев не создали научной школы в узком смысле слова как ограниченного коллектива единомышленников, мы имеем в виду, что одним из признаков школы является коллективная научная деятельность. Но что значит коллективная? Совместная? Не совсем так. Коллективом, группой научные идеи генерируются чрезвычайно редко, и их, как правило, формулирует кто-то один. Но порою бывает трудно учесть вклад каждого члена научного общества в процесс зарождения идеи, если это происходит в одно и то же время, в одном и том же коллективе. Но распространенное мнение, что Эйнштейн или Менделеев были «одинокими» в науке, тоже неверно. У них было много последователей, не только работавших в том же направлении и под влиянием их идей, но и следовавших другим особенностям научного мышления этих гениальных ученых: основным принципам познания, критериям научности и т. д. В этом случае как сами идеи, так и принципы постижения мира в целом и развития знания стали руководящими для деятельности многих научных коллективов.

Но предметом нашего рассмотрения является именно такая научная школа, где четко обозначены отношения «учитель — ученики». Именно такая форма совместной деятельности в науке оказывает наиболее сильное воспитательное воздействие на молодых исследователей. В период становления научных школ (XVIII — нач. XIX вв.) отношение учителя к своим ученикам строилось по типу «мастер — подмастерье», когда помощники крупного ученого не выходили за рамки

информационных и идейных возможностей своего учителя. Эти отношения порождали свой нравственный климат в научной школе, основанный на беспрекословном следовании во всем «возлюбленному лицу» (по выражению Д. Прайса). В более позднее время в научной школе произошла трансформация отношений «учитель — ученики». Ученики «чародея» стали соавторами, соучастниками творческого процесса. Изменились сами задачи научной школы: она призвана не только передать сумму знаний и навыков, привить традиции исследовательской деятельности, но и научить самих исследователей ставить и решать научные проблемы. Лидер научной школы помимо способности научить учеников ломать традиции, искать необычное, понимать это необычное, должен обладать мужеством оценить открытие ученика, идущее в разрез со своим, «преодолеть себя» ради общего дела. Сошлемся на высказывание В. Освальда — крупного химика, лидера научной школы: «Для того, чтобы школа была долговечной, необходимо, чтобы учитель обладал немалой широтой и разносторонностью научного мышления, а также некоторым беспристрастием в отношении своих собственных взглядов. Чем разнообразнее задачи, которыми учитель умеет заинтересовать и вдохновить своих учеников, тем дольше будет сохраняться его влияние. Если к тому присоединяется еще и способность своевременно уступать дорогу талантливому и преуспевающему ученику, то тем самым даны все условия для создания долговечной школы»⁶.

Нравственная высота учителя проявляется не только в способности понять и оценить преимущества открытий своих учеников, но и в социальной ответственности за судьбу изобретений и открытий, в способствовании их публикаций, распространению, внедрению. Примером, подтверждающим сказанное, может служить уникальный метод выявления талантливых молодых ученых, основанный на демократизме и отсутствии всякой предвзятости, существующий в школе молекулярной биологии В. А. Энгельгардта. В институте, возглавляемом Энгельгардтом, проводятся традиционные конкурсы научных работ, в которых принимают участие все сотрудники — от академиков до лаборантов. По положению о конкурсе директор и его заместители имеют право только на моральное вознаграждение. Конкурс является серьезным испытанием способностей всех сотрудников. За все время

⁶ Освальд В. Насущная потребность. — М., 1912, с. 233.

существования института (с 1959 г.), в котором сотрудничают несколько академиков, множество докторов наук, неоднократно первую премию в конкурсе получали работы младших научных сотрудников⁷.

Личные качества лидера научной школы, его индивидуальный стиль мышления и деятельности в науке оказывают непосредственное воздействие на стиль научной школы как показатель единства познавательных-этических моментов ее функционирования. Так, с именем Н. Бора, создателя Копенгагенской школы физиков, связано представление о коллективном стиле творчества, определявшем моральный климат во всем коллективе длительное время⁸.

Личные качества лидера школы являются интегративным моментом в создании высоко сплоченного коллектива. Результатом этого становится ощущение одновременно и независимости, свободы, и полноценности каждого члена школы, возникает атмосфера равенства вопреки врожденному человеческому неравенству индивидуальностей. В. Паули, описывая атмосферу Копенгагенской школы Н. Бора, замечает: «Подобно тому, как теория Бора объединила различные отрасли науки, сам Бор в своих выступлениях... и конференциях в Копенгагене объединял различные научные точки зрения и гносеологические подходы физиков и тем самым давал возможность участникам этих конференций чувствовать себя, несмотря на все разногласия, членами одной большой семьи»⁹.

Жизнеспособные научные школы, подготовившие несколько поколений учеников, создают в процессе своей плодотворной деятельности своеобразные моральные кодексы, отражающие познавательные, аксеологические, нравственные нормы их функционирования. Так, по мнению американского физика Ф. Дайсона, новый подъем Кавендишской лаборатории — старейшей школы физики, у основания которой стояли Дж. Максвелл, Рэлей, Дж. Томсон, Э. Резерфорд, связан со следованием таким правилам: 1) не следует пытаться возродить былую славу; 2) не следует заниматься чем-то только

⁷ См.: Янкулин В. Институт Энгельгардта. — М., 1975, Наука и жизнь, № 1.

⁸ См.: Вейскопф Е. Ф. Нильс Бор и международное научное сотрудничество. — В кн.: Нильс Бор. — М., 1967, с. 268.

⁹ Паули В. Физические очерки. — М., 1975, с. 239.

потому, что оно самое модное; 3) не следует обращать внимание на насмешки и высокомерие теоретиков¹⁰.

И. П. Павлов — основатель крупнейшей советской физиологической школы создал свой стиль научной работы, проявлявшийся в следующем: 1) умении концентрировать исследование в русле однажды выбранного направления; 2) тонкости и исключительной точности эксперимента и наблюдения; 3) всепоглощающей страсти к труду, неустанности научного поиска; 4) смелости признания своего непонимания каких-либо аспектов изучаемой проблемы и т. п.¹¹.

В основании научной школы в области люминесценции лежали три основных правила, разработанные ее лидером С. И. Вавиловым: 1) искать на широком горизонте; 2) вникать в сущность явления; 3) видеть направление, а не конъюнктуру¹².

Как явствует из приведенных примеров, научные школы даже из разных в национальном и социальном отношении регионов свою исследовательскую программу обязательно связывают с нравственными принципами научной деятельности.

Таким образом, сам стиль профессиональной деятельности, следование традициям, или умение их ломать, когда они препятствуют расширению научного поиска, формируют определенную систему ценностей, создают устойчивую нравственную позицию личности, ее убеждения.

Как уже было показано, основным условием возникновения и развития научной школы является продуктивный в научном отношении ученый, не человек, «родивший» одну идею и затем всю жизнь ее эксплуатирующий, а действительно личность с могучим интеллектом, с большим творческим потенциалом. Человеческие качества такого ученого только увеличивают притягательную силу его идей.

Профессиональные качества учителя, реализующиеся в процессе совместного исследования, обладают большим воспитательным эффектом и формируют у учеников познавательные и нравственные ценности. Австрийский физиолог

¹⁰ См.: Дайсон Ф. Будущее науки. Успехи физических наук. — М., 1971, т. 103, вып. 3.

¹¹ См.: Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. — М., 1963.

¹² См.: Левшин В. Л. Вавилов С. И. — создатель и глава советской школы люминесценции. — Изв. АН СССР. Серия физическая, 1951, № 15, 513.

Отто Леви, отмечая значимость для учеников личных качеств учителей, писал: «Они (крупные физиологи XIX века) в высшей степени обладали способностью заражать энтузиазмом, широтой взглядов и воображением, а также скромностью и глубокой привязанностью к своим ученикам. Именно эти качества привлекали к ним способных студентов. Студенты усваивали необходимые для ученого навыки мышления. Они учились выбирать объект исследования, интерпретировать, оценивать полученные результаты и связывать их в целостное научное знание. Таким образом, студенты не только познакомились с методами и фактами, но и проникались тем духом науки, образец которого дает настоящая школа и настоящий исследователь»¹³.

Таким образом, ценностные ориентации лидера научной школы в процессе познания и его индивидуальные личностные качества максимально способствуют созданию благоприятной деловой и нравственной атмосферы в возглавляемом им коллективе. Важнейшим моральным условием существования жизнеспособной научной школы является ориентация ее членов как на ценность высшего порядка на достижение истины в науке, на воодушевление научным поиском, на бескорыстное служение идеалам науки. В процессе совместной научной деятельности и своим личным примером лидер научной школы влияет на своих учеников, последователей, единомышленников, передавая им лучшие традиции и идеалы науки, тем самым воспитывая новые поколения исследователей.

¹³ Цит. по: Кребс Г. Становление ученого. — М.: Природа, 1969, № 3, с. 57.

СОЦИАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

А. П. БАРОНАС

Эстетическая культура личности, особенно, если понимать ее широко, то есть в единице с художественной культурой, в условиях развитого социализма становится такой органической частью общей культуры личности, которая в возрастающих масштабах может рассматриваться и как ее интегрирующе-завершающий компонент, и как один из важнейших показателей ее общекультурной развитости и коммунистической зрелости в целом.

Однако значение эстетической культуры в системе личности не исчерпывается тем, что она — необходимый компонент и средство формирования всесторонне и гармонически развитой личности. Не менее существенно и то, что эстетическая культура личности, процесс ее возвышения в условиях зрелого социализма превращаются во все возрастающей степени в самоценность и в самоцель развития личности.

Естественно, что воплощение в действительность этих возможностей социализма и в сфере эстетического совершенствования общества не происходит автоматически — стихийно. Ведь процесс эстетизации всех сфер человеческой жизнедеятельности, самого человека и его всесторонних отношений, то есть восхождение общества и личности по эстетической «лестнице», как и прогресс в целом, в условиях социализма остается сложным и противоречивым процессом.

Но если неантагонистически противоречивую сложность «вхождения» эстетического начала в жизнь и деятельность общества и личности нельзя снять вообще, то болезненные издержки этого процесса в значительной степени могут и должны быть устранены уже развитым социализмом.

В этом плане ничем не заменимую, а в некоторых отношениях и решающую роль может сыграть эстетическое воспитание. Но для этого должны быть правильно поняты

его место и возможности в целостном процессе формирования личности вообще, ее эстетической культуры, в особенности.

Анализ многочисленных публикаций, посвященных вопросам эстетического формирования и воспитания личности, показывает, что некоторые аспекты данной проблемы все еще разработаны недостаточно. Во-первых, нередко случаи смешения или неоправданного противопоставления социально-философского, психологического и педагогического аспектов решения проблемы. Во-вторых, марксистское учение о социально-деятельной природе и сущности личности далеко не всегда используется как определяющее основание для разработки соответствующих моделей структуры личности, для понимания главных источников функционирования личности и ее эстетического формирования.

Прямым следствием такого положения вещей является, с одной стороны, то, что теория и практика эстетического воспитания чаще всего развиваются обособленно друг от друга, а с другой — то, что с позиций частнонаучного знания часто допускается переоценка или даже абсолютизация психологических или педагогических факторов на процесс эстетического формирования и воспитания личности.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что и в теории, и, еще в большей мере, в практике воспитания нашей школы, как средней, так и высшей, до сих пор не изжит, ставший традиционным, недостаток: сознание и знания выпускника школы не превращаются в полном объеме в его личностный, социально-деятельный потенциал. В сфере формирования эстетической культуры личности этот недостаток превратился в достаточно серьезную проблему.

Для социально-философского обоснования практически эффективной социально-деятельной теории эстетического формирования и воспитания личности требуется решить еще немало сложных проблем. Но среди них одной из самых актуальных остается проблема социально-деятельностного включения в систему личности ее эстетического потенциала. Дело в том, что с позиций самой эстетики эту проблему до сих пор решить не удастся. Одни авторы вообще отрицают возможность бытия эстетического как деятельности. Но даже среди тех авторов, которые отстаивают деятельностное понимание феномена эстетического, одни отстаивают тезис об относительно самостоятельном статусе эстетической деятельности в структуре человеческой деятельности; другие утверждают, что эстетическое реально обнаруживается лишь как

аспект всех остальных, столь же несамостоятельных аспектов универсальной человеческой деятельности.

Поэтому плодотворная разработка данной проблемы, как справедливо было отмечено в коллективной статье эстетиков Московского государственного университета, «зависит не только от уровня и интенсивности усилий самой эстетики», но и от решения ряда узловых философско-теоретических проблем, прежде всего проблемы субъекта и объекта¹.

Определенный положительный эффект в деле совершенствования в нашей стране практики эстетического воспитания может быть достигнут также за счет органического соединения теории эстетического с теорией личности на едином социально-деятельностном основании. Хотя понятия социально-философской теории личности непосредственно не включаются в систему исходных категорий эстетики, но не вызывает сомнения тот факт, что они служат отправным пунктом для построения соответствующей теории эстетического формирования и воспитания личности.

Если считать верным утверждение, что от признания той или иной концепции человека так или иначе зависят способы построения и содержание эстетической теории, то необходимо признать, что теория эстетического воспитания находится в прямой зависимости от соответствующей теории личности.

Однако реализация поставленных нами задач осложняется не только отсутствием порядка в нашем «эстетическом хозяйстве»², не только трудностями социально-деятельностного осмысления проблемы эстетического, но и противоречиями и разночтениями при истолковании марксистско-ленинского учения о социально-деятельной природе и сущности личности. Особенно значительными они становятся при анализе структуры личности.

В свете сказанного нельзя не согласиться с авторами, считающими, что сегодня ощущается особо острая необходимость в исследованиях, обеспечивающих методологическое, социально-философское осмысление проблем теории эстетического воспитания личности.

Таким образом, актуальность исследований в русле указанной проблематики обусловлена жизненной важностью поисков таких концепций и теорий, которые бы, во-первых,

¹ Вопросы философии. 1977. № 12, с. 124.

² Скатерщиков В. К. К разработке проблемы эстетических категорий. — Философские науки, 1974, № 1, с. 52.

эстетическое начало органически включали в целостную структуру личности, во-вторых, выходили на уровень практики эстетически-воспитательной работы и повышали ее эффективность.

Отправным пунктом теории эстетического формирования и воспитания личности является марксистское учение о социально-деятельной сущности человека. Учитывая положительный опыт в деятельностном истолковании понятия «личность», накопленный в советской науке о человеке в последние годы, мы непротиворечивое разрешение данной проблемы видим в том, чтобы избегая абсолютизации и противопоставления логического и конкретно-исторического подходов к личности, выделить сущность первого порядка на основе анализа «наиболее развитой конкретности». Тогда личность может быть определена как модифицированная системой общественных отношений мера социально-деятельного и индивидуализированного освоения индивидом совокупности «сущностных сил рода человек», заключенных в культуре основных способов человеческой жизнедеятельности.

Конечно, как и любой сущностный подход, данный подход к личности по необходимости является односторонним. Но и он, на наш взгляд, оказывается достаточно содержательным, чтобы зафиксировать:

а) опосредованную зависимость сущности личности от определенного типа общественных отношений, ибо они сами по себе не порождают новых способов жизнедеятельности индивида, а лишь модифицируют наличные «старые»;

б) существенную зависимость личности от степени развития ее индивидуальности, которая не противоречит и не противостоит социальности личности, а, как правило, прямо пропорциональна ей;

в) непосредственную зависимость сущности личности от меры реализации ею родовых способов жизнедеятельности.

К сожалению, введенные К. Марксом для определения сущности общественного индивида категории «сущностные силы рода человек» и «родовая сущность человека» в марксистско-ленинской философии остаются одной из слабо разработанных проблем.

Мы согласны с М. Фритцхандом, что за категорией «родовая человеческая сущность» кроется такой комплекс специфических черт, который в большей или меньшей мере обнаруживается на всех стадиях развития общества и характеризует «родовую» жизнь людей в отличие от «видовой»

жизни животных»³. Также нельзя не согласиться с данным автором и в том, что «тема «человеческой сущности» как комплекса «родовых черт» имеет фундаментальное значение для понимания человеческого бытия»⁴.

Нам представляется, что комплекс черт, образующих «человеческую родовую сущность», органически связан и обнаруживается прежде всего через сущностные силы человека, под которыми нужно понимать важнейшие социально-деятельные способы жизнедеятельности отдельного человека, определяющие факторы его социализации.

Возникает естественный вопрос: какие? В советской науке в последнее время по этому поводу были высказаны разные суждения⁵. Однозначное решение данного вопроса осложняется и тем, что в работах К. Маркса выражение «сущностные силы» трактуется многопланово, в том числе и как элементарный акт опредмечивания любых проявлений человеческой деятельности.

Тем не менее очевидно, что главной сущностной силой человека К. Маркс всегда считал трудовую деятельность, прежде всего материально-производственную⁶. Кроме того, в известном фрагменте «Философско-экономических рукописей 1844 года» К. Маркс, противопоставляя характеристики социальной человеческой деятельности потребляющей биологической жизнедеятельности животных, на наш взгляд, достаточно определенно к сущностным силам «рода человек» относит способность общественного индивида формировать материю «по законам красоты»⁷.

Однако эта сущностная сила человека как относительно самостоятельный способ жизнедеятельности общества и отдельной личности и как универсальный аспект социально-деятельного освоения и преобразования мира присутствует в исходных (сущностных) определениях личности только в снятом виде.

Для того, чтобы нагляднее представить место и роль эстетического начала в жизнедеятельности личности, необходимо

³ Фритцханд М. Марксизм, гуманизм, мораль. — М., 1976, с. 71—72.

⁴ Фритцханд М. Марксизм, гуманизм, мораль, с. 73.

⁵ См., например: Буюева Л. П. Человек: деятельность и общение. — М., 1978, с. 48—49; Бережной Н. М. Действительность социалистического гуманизма. — М., 1979, с. 90—100.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956, с. 594.

⁷ Там же, с. 566.

в первую очередь социально-деятельностное истолкование понятия личности дополнить соответствующим анализом ее структуры.

При непосредственном обращении к проблеме структуры личности нельзя не заметить, во-первых, многогранности подходов и многообразности критериев, на основе которых выводятся разнообразные структуры личности; во-вторых, предельно широких колебаний в этих структурах роли и места эстетического начала.

Если иметь в виду деятельностные модели структуры личности, то главная причина таких перепадов, видимо, кроется как в особенностях понимания самой категории деятельности, так и в тех основаниях, с помощью которых осуществляются структурообразующие подразделения деятельности на формы, роды, виды, аспекты.

Из всех социально-деятельностных моделей структуры личности в социологии наибольшее распространение получила, как известно, ролевая структура личности.

Это объясняется, в первую очередь, следующими причинами: а) она включает все качества личности через призму социальности; б) построена на едином основании (социальных ролях); в) в основе ее лежит деятельность.

Слабые стороны ее обнаруживаются в том, что, во-первых, возможности применения подобного рода моделей ограничены конкретно-социологическими исследованиями небольших социальных групп; во-вторых, хотя исследование ролевой структуры личности и является важным условием конкретного решения вопроса о механизме детерминации личности общественными отношениями, но оно помогает раскрыть лишь объективную сторону структуры личности⁸. В-третьих, сводя личность к совокупности социальных ролей и позиций, то есть указывая, какие социальные роли выполняет личность и как выполняет, эта концепция не отвечает на вопрос: на что способна личность? В-четвертых, жесткая регламентация ролевых предписаний, равно как и стремление свести всю социальную активность людей к ролевому поведению, как

⁸ «Социологи, — пишет по этому поводу американский буржуазный ученый А. Инкельс, — традиционно объясняли процесс выполнения обычной роли как закономерный результат воздействия системы санкций...» Выполнение ролей рассматривалось «как нечто полностью зависящее от факторов, существующих «вне» личности». (См.: Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века. — М., 1965, с. 288).

правильно подмечает Э. В. Соколов, «сковывает индивидуальную инициативу, препятствует творчеству. Это делает систему негибкой, неповоротливой, неэффективной»⁹. И, наконец, в-пятых, теория ролей, хорошо объясняя деятельность личности с позиций социальной психологии¹⁰, слабо «работает», когда рассматривается отношение человека к духовной культуре в целом, к эстетической культуре, в частности.

В вопросе определения и обоснования основных компонентов деятельности структуры личности в современной марксистско-ленинской науке преобладают два подхода: нормативный и системный.

Первый из них основывается на поисках необходимых и достаточных видов деятельности, в которых так или иначе должен участвовать каждый человек, например, социалистического или коммунистического общества. Очевидно, что во всех нормативных подходах есть и свои преимущества: можно выделить в виде относительно самостоятельных элементов структуры личности максимальное число социально значимых на том или ином этапе развития общества родов (аспектов) человеческой деятельности и гармонически связать идеал и реальность. Но в них есть и серьезный изъян: нормативность и вытекающая из нее субъективность, неопределенность оснований чаще всего приводят к упрощению взаимосвязей сущего, возможного и желаемого. Так, например, в модели структуры личности, предложенной и отстаиваемой Л. А. Зеленовым, наряду с материально-производственной, общественно-регулирующей, научной, эстетической и физкультурной деятельностью включаются педагогическая и медицинская деятельность и совсем не включается нравственная деятельность¹¹. Эта явная внутренняя противоречивость данной модели структуры личности, по нашему мнению, обусловлена прежде всего отсутствием строгих оснований при ее построении.

Системный подход к проблеме структуры личности как будто преодолевает эти слабые стороны нормативного подхода. Но он порождает свои трудности и издержки.

Дело в том, что в современной науке накоплен богатейший опыт классификации деятельности в системе личности, позво-

⁹ Соколов Э. В. Культура и личность. — Л., 1972, с. 187.

¹⁰ См.: Кон И. С. Открытие «Я». — М., 1978.

¹¹ Зеленев Л. А., Кеда Е. К. Все знать, все уметь?! — Горький, 1966, с. 78.

ляющий анализировать структуру личности как многоуровневое и многогранное целостное образование.

Поскольку человеческая деятельность как целостное образование в принципе может быть представлена в виде «дерева», образованного совокупностью субординированных и координированных между собой форм, типов, способов, родов и аспектов деятельности¹², постольку имеется широкий простор для выделения разномасштабных структур личности.

Этим во многом и можно объяснить обилие разноуровневых и разномасштабных «разрезов» деятельности, выступающих прямо или косвенно также и структурообразующими основаниями личности.

Хотя каждая из построенных таким образом структур личности дает представление об определенном срезе ее жизнедеятельности как целостной системе, но только одна из них фиксирует **сущностные способы** жизнедеятельности личности и в этом смысле выступает личностнообразующей системой.

Таким образом, деление целостной человеческой деятельности на формы, роды, типы, аспекты и т. д. становится личностнообразующим фактором лишь тогда, когда оно совпадает с родовыми способами реализации сущностных сил человека.

В плане задач нашего исследования такое понимание взаимосвязи деятельности и личностнообразующих факторов вплотную подводит к выделению социально-деятельностного основания структуры личности, в котором в самом общем виде может быть отражена роль (и место) эстетического начала.

Используя основополагающие с марксистской точки зрения критерии (сфера жизнедеятельности и основные цели общественного индивида) и опираясь на накопленный положительный опыт выделения личностнообразующих структур,

¹² Разумеется, деятельность может исследоваться и по другим параметрам, например: а) на основе различных сочетаний признаков, образующих элементарный состав деятельности (субъект, объект (предмет), средства (орудия), продуктивный результат); б) на основе черт, образующих сам процесс деятельности (предметность, целенаправленность, орудийность, сознательность, преобразующий характер и т. д.); в) на основе предпосылок человеческой деятельности (социальная природа людей, система общественных отношений, социальных потребностей и целей, обмен деятельностью, общение и т. д.). (См. об этом подробнее: Артемьева Т. И. Методологический аспект проблемы способностей. — М., 1977, с. 94—120; Сб. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. — Свердловск, 1978, с. 136—150 и др.).

можно было бы, с нашей точки зрения, выделить следующие способы (роды) деятельности отдельного индивида, которые необходимы и в какой-то мере достаточны для функционирования (бытия) его как личности.

Прежде всего это труд в узком смысле слова, охватывающий сферу материального и духовного преобразования мира, приобщенность к которому обеспечивает общественному индивиду средства существования. В какой бы сфере труд ни осуществлялся, его основная цель — удовлетворение жизненно важных потребностей данной личности. Труд выступает и основополагающим способом и наиболее универсальным средством самоутверждения индивида как личности, ибо в нем сконцентрированы основные сущностные силы человеческого рода.

Как в филогенезе труд сыграл решающую роль в становлении человека, так и в онтогенезе он оказывается основанием процесса превращения необщественного индивида в личность. И в этом смысле приобщенность к общественно полезному труду, на каком бы уровне социальной общности и в какой бы форме он ни осуществлялся, является не только конечным результатом становления человеческой личности, но и исходным пунктом ее развития.

Естественно, труд нельзя понимать только узко, то есть лишь как профессионально-трудовую или даже материально-производственную деятельность. Труд в широком значении этого слова совпадает по значению с понятием «социальная деятельность» и включает в себя все остальные способы социальной деятельности, охватывающие сущностные силы человеческого рода: социально-преобразовательную, познавательную, нравственную, эстетическую, ценностно-ориентационную и физкультурную. В каждом из названных способов деятельности вырабатываются трудовые навыки, каждый из них в определенных границах может рассматриваться как специфическая форма труда. В этом смысле верно утверждение, что материально-практическая деятельность выступает наиболее синтезирующим основанием функционирования всех остальных видов человеческой деятельности¹³.

Конечно, же, при этом важно не упускать из виду и то, что все они в другой связи должны исследоваться как относительно самостоятельные способы утверждения в мире человеческой личности.

¹³ Бугаева Л. П. Человек: деятельность и общение, с. 76.

Выделение в структуре личности социально-преобразовательной деятельности, охватывающей сферу общественных отношений, обусловлено объективной необходимостью управления и самоуправления общественной активностью индивидов. Ее основная цель: совершенствование общественных отношений на основе идеалов социальной справедливости. Как известно, в классовом обществе она обнаруживается прежде всего как социально-политическая деятельность. В условиях социализма социально-политическая активность личности становится одной из важнейших предпосылок прогресса общества.

Познавательная деятельность личности имеет сферой своего действия «весь мир». Она направлена на духовно-практическое освоение этого мира. Ее главная цель — достижение истины.

Познавательная деятельность, по существу, сливается с трудом, особенно тогда, когда в противоположность физическому труду рассматривается в качестве умственного труда. На начальной стадии развития общественного индивида познавательная деятельность, как отмечают многие авторы, сливается с игрой и общением. На более зрелой стадии — с учением и научной деятельностью.

Нравственная деятельность, как известно, разворачивается на разных уровнях общения личности. Основная ее цель — утверждение принципов добра и человеколюбия, понимаемых в классовом обществе с тех или иных партийных позиций.

Сферой эстетической деятельности личности, как одного из способов проявления ее сущностных сил, является «весь мир». Главная особенность эстетической деятельности заключается в том, что она обнаруживает себя только через все остальные способы деятельности. Поэтому знание основных личностнообразующих способов жизнедеятельности общественного индивида так важно. Без этого невозможно создание научно-обоснованной теории эстетического воспитания личности. Ведь основной смысл эстетической деятельности, а значит, и эстетического воспитания — приобщить индивида во всех его личностных сферах и способах жизнедеятельности к деятельности «по законам красоты».

И, наконец, еще одним способом деятельности, имеющим существенное значение для нормального функционирования личности на всех этапах ее развития, является спортивно-игровая деятельность. Эта деятельность разворачивается в сфере собственной «природы» общественного индивида.

Главная ее цель — обеспечение физического и духовного здоровья личности в процессе самореализации. Эта деятельность также связана со всеми остальными «узлами» взаимопереходов, проходит, изменяясь по форме и содержанию, через всю жизнь человеческой личности.

По нашему мнению, можно согласиться с точкой зрения, согласно которой к относительно самостоятельным видам деятельности относятся ценностно-ориентационная, целеполагающая и информационная деятельность¹⁴. Однако они вряд ли могут быть признаны в такой же мере сущностными для личности, как перечисленные выше. Хотя вместе с этим нельзя не дооценивать личностнообразующие возможности ни ценностно-ориентационной деятельности, ни деятельности общения. Уже поэтому структуру личности нужно признать открытой системой.

Итак, приобщенность индивида к созиданию основных социальных ценностей человеческого общества (материальных или духовных благ, определенных принципов и идеалов социальной справедливости, истины, добра и красоты), а также к сохранению своего физического и психического здоровья, реализованная на базе сосуществующих способов деятельности (труда, социально-преобразовательной, познавательной, нравственной, эстетической и спортивно-игровой деятельности, как самодеятельности), выступает личностным основанием проявления иных по существу способов деятельности.

Из сказанного выше следует, что любой личностный способ деятельности проявляется и как уникальная, то есть ничем не заменимая специфически человеческая сущностная сила освоения и преобразования мира, и как форма бытия и проявления иных по существу способов деятельности.

Кроме того, на наш взгляд, правомерно утверждение, что личностные способы жизнедеятельности формируются не в какой-то закономерной последовательности, поэтапно, а в теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости. Если и можно говорить о ведущем способе деятельности индивида на том или ином этапе его социализации, то лишь как о **средстве приобщения ко всем остальным**. Сердцевиной, ядром личности на всех этапах функционирования общественного индивида может быть лишь труд, понимаемый широко.

¹⁴ См. об этом подробнее: Бueva Л. П. Человек: деятельность и общение, с. 87—93.

Все остальные личностные способы жизнедеятельности равнозначны в том отношении, что их недостаточное развитие делает социально неполноценной личность, не позволяет ей утверждаться в мире всеми чувствами, всесторонне и гармонично.

В этом смысле все еще неизжитая в теории традиция недооценки роли эстетического начала в структуре личности в конечном счете ведет к недооценке эстетического компонента культуры личности в процессе ее формирования.

Открытость структуры личности обнаруживается и в том, что сущностными факторами в ее структуре выступают социально-деятельностные способности и потребности.

Деятельное существование личности в мире и тем более его преобразование предполагают развитость соответствующих **способностей** к деятельности. Поэтому можно согласиться с Л. Сэвом в том, что понятие способностей является вторым важнейшим понятием теории личности и «наиболее прогрессивной функцией личности можно считать развитие ее способностей»¹⁵.

К. Маркс, как известно, под способностью к труду понимал «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»¹⁶.

В современной литературе большинство авторов вслед за Л. С. Рубинштейном под способностью понимают совокупность навыков и умений, необходимых для выполнения исторически сложившихся видов социально-значимой деятельности¹⁷.

Методологическое исследование проблемы способностей, осуществленное Т. И. Артемьевой¹⁸, вносит определенный вклад в социально-философское осмысление основных черт функционирования способностей человека как личности.

В интересующем нас плане положительной оценки заслуживает попытка Т. И. Артемьевой, во-первых, исследовать способности через призму категорий диалектики «общее», «особенное» и «единичное»; во-вторых, рассмотреть способности как целостные образования, не сводящиеся к конкрет-

¹⁵ Сэв Л. Марксизм и теория личности. — М., 1972, с. 442, 444.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 178.

¹⁷ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. — М., 1967, с. 290; Буюева Л. П. Человек: деятельность и общение, с. 144.

¹⁸ Артемьева Т. И. Указ. раб.

ным видам деятельности и зависящие от жизнедеятельности общественного индивида в целом; в-третьих, связать формирование способностей с проблемой всесторонне развитой личности.

Однако ряд положений данного автора нам представляется спорным. Прежде всего это суженное понимание самого понятия «способность». У Т. И. Артемьевой способности определяются как умение создавать «новые продукты культуры, как выход за пределы данного вида деятельности...»¹⁹. В результате этого, по мысли автора, не требует способностей деятельность стандартная и исполнительская. По этой же причине, видимо, вне сферы анализа оказываются способности к некоторым личностнообразующим родам (способам) деятельности, например, нравственной; не всегда оправданно противопоставляются: общественно значимая и субъективно значимая деятельности. «Чтобы понять, — считает Т. И. Артемьева, — является ли данная деятельность ведущей, необходимо дать ей личностную характеристику, т. е. выявить ее значение именно для данного индивида»²⁰.

По нашему мнению, социально-философское понимание способностей означает, как это вытекает из логики К. Маркса, совокупность навыков и знаний и т. д., необходимых для выполнения индивидом любой социально значимой деятельности: материальной или духовной, творческой или исполнительской. Очевидно, что субъективно значимая деятельность становится личностной объективно в жизнедеятельности конкретного индивида лишь в том случае, если совпадает одновременно с общественно значимыми родами социальной деятельности.

В этом смысле **личностные способности** общественного индивида это не просто **личные способности**, ведущие к созданию чего-то нового для общества, а приобщенность именно к **основным личностным способам жизнедеятельности**. Индивидуальные способности различаются на всех этапах социального развития. И количественно и качественно. Но все люди равны в главном. Они по своей социальной природе обладают одинаковым набором личностнообразующих способностей.

В самом деле, кроме основополагающей способности к труду и в той или иной области человеческой социально

¹⁹ Там же, с. 38.

²⁰ Там же, с. 133.

значимой деятельности каждый человек способен проявить себя в социально-преобразовательной, нравственной, познавательной, эстетической и спортивно-игровой деятельности.

Личностные способности теснейшим образом связаны с соответствующей деятельностью. Давно уже замечено, что способности формируются только в деятельности. Но они и сами активно воздействуют на деятельность, выступая всегда «руководством к действию», предшествуя ей и опредмечиваясь в ней.

Как справедливо замечает по этому поводу Т. И. Артемьева, «взаимное влияние способностей и деятельности идет по пути изменения их качественной характеристики. Так, наличие способности качественно изменяет весь характер осуществления индивидом его реальной деятельности, и не только его деятельности, но и его самого»²¹.

Все это подводит нас к выводу о том, что способности, деятельность и личность индивида не только органически взаимосвязаны, но и диалектически переходят друг в друга. Только реализованные в деятельности способности становятся личностным достоянием. «Способность к труду, — замечает по этому поводу К. Маркс, — еще не означает труд, подобно тому как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи... Если способность к труду не может быть продана, то рабочему нет никакой пользы»²².

Несколько перефразируя эту мысль К. Маркса, можно сказать, что если личностные способности к деятельности общественного индивида не могут быть опредмечены именно как способность к определенным родовым способам жизнедеятельности, превращенным в самодеятельность, то личность индивида в конечном счете деградирует.

В этом смысле не только бездеятельность разрушает личность, ее личностные способности, но и обезличенная деятельность. Как реализованный труд «переходит из формы бытия, из формы движения в форму предметности»²³, так и способность, превращенная в способ жизнедеятельности, становится фактором самоутверждения общественного индивида в качестве личности. И, наконец, важное значение категории «способность» в структуре личности, на наш взгляд, состоит

²¹ Там же, с. 135.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 178.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 200.

в том, что она в социализированной форме включает в структуру личности и важнейший компонент биопсихической природы человека: задатки. Однако на уровне сформировавшейся личности они в полном объеме очеловечиваются, то есть преобразуются в социальные способности личности. И в этом новом качестве могут рассматриваться как интегральный социально-деятельный потенциал личности.

Специфика эстетической способности состоит прежде всего в том, что она обнаруживается через эстетический вкус, хотя и не исчерпывается им. Особенности же самого эстетического вкуса обнаруживаются в его чувственной основе, в умении непосредственно схватить эстетическую ценность²⁴, в его ярко выраженной личностно-индивидуальной форме, тем не менее несущей в себе в диалектически снятом виде и опыт, и критерии больших социальных общностей²⁵.

И, наконец, эстетическая способность на уровне вкуса свою универсальность обнаруживает лишь как чувство меры к значащей форме предметов и процессов. В основном же она — своеобразна для каждого способа личностной жизнедеятельности, то есть жестко привязана к тому роду деятельности, в котором обнаруживается.

Однако чтобы «цепь» в структуре «замкнулась» и начала функционировать, всегда необходимо выявлять определяющий «энергетический источник» ее развития. По мнению большинства советских ученых, таким источником в развитии общества и личности, в том числе и в сфере эстетической²⁶, выступают потребности²⁷.

В связи с тем, что позиции ученых в понимании природы и сущности потребностей в системе личности существенно различаются, есть смысл хотя бы суммарно воспроизвести некоторые основополагающие идеи классиков марксизма, которые, как нам представляется, весьма актуальны как методологические ориентиры и для решения задач нашего исследования.

Во-первых, К. Маркс и Ф. Энгельс всегда исходили из того, что «никто не может сделать что-нибудь, не делая этого

²⁴ Сб. Принципы развития. Изд-во Саратовск. ун-та, 1972, с. 270.

²⁵ Еремеев А. Ф. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. — Свердловск, 1975, ч. 4, с. 133.

²⁶ См.: сб. Проблемы потребностей в этике и эстетике. — М., 1975.

²⁷ См.: например, публикации Г. Г. Дилегенского, Н. В. Иванчука, М. С. Кагана, Д. А. Кикидзе, Л. Н. Когана, А. В. Маргулиса и др.

вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей...»²⁸ и вместе с тем указывали на их зависимость от конкретно-исторических условий, в первую очередь социально-экономических.

Во-вторых, К. Маркс раскрыл ту сторону диалектической взаимосвязи между деятельностью, способностями и потребностями общественного индивида²⁹, которая «замкнутую цепь» функционирования и развития личности позволяет представить в виде взаимопереходов: потребность — способность — социальные условия — деятельность и снова: потребность и т. д.

В-третьих, в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» достаточно ясно выражена идея и о том, что, чем сильнее развиты социально-деятельные потребности, тем развитие, многограннее и богаче сам человек³⁰.

Из многочисленных подходов к определению категории «потребность», появившихся в последние годы в философско-социологической литературе³¹, одним из самых методологически обоснованных нам представляется подход, который развивает, опираясь на теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма и достижения современной науки, Л. Н. Коган³².

Для него потребность — одна из важнейших категорий в системе личности, раскрывающих основное звено «механизма» ее деятельности. При этом потребности рассматриваются в качестве целостной системы, органически вплетенной в образ жизни и характеризующей целостность развития личности. В этом смысле широта и содержание потребностей есть мера развития «сущностных сил» человека.

Л. В. Коган, на наш взгляд, усиливает методологическое обоснование ряда положений и принципов теории потребностей, помогающих органически включить их в социально-философскую теорию личности. Важнейшими из них являются: а) классификация потребностей личности в соответствии с ос-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 245.

²⁹ Там же, с. 244—245.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 18.

³¹ См., например: Дилегенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей. — Вопросы философии, 1976, № 9; Иванчук Н. В. Социологические проблемы изучения потребностей. — Свердловск, 1975; Михайлов Н. Н. Потребность как социологическая категория. — Челябинск, 1974 и др.

³² Коган Л. Н. Духовные потребности и деятельность личности. — Философские науки, 1976, № 1.

новными видами и формами ее деятельности³³; б) признание доминантной в системе потребностей личности — потребности в труде, в творчески преобразующей деятельности; в) утверждение, что только в деятельности происходит действительное углубление, расширение и активизация потребностей личности, а основной прогрессивной закономерностью развития личности является закономерность возвышения ее потребностей.

Представляются методологически оправданными и критические замечания Л. Н. Когана в адрес И. В. Бестужева-Лада, который, по нашему мнению, разработав в целом весьма продуктивную классификацию потребностей³⁴, не избежал методологического противоречия: противопоставил социализированные и социальные потребности как низшие высшим, интеллектуальным. Ведь в системе личности социальные в своей сущности все потребности.

В потребностях, как отмечает Г. В. Мокроносов, «неразрывно связаны, синтезированы природное и социальное в человеке»³⁵.

Эти же мысли развиваются рядом других авторов, в частности, М. С. Каганом, который подчеркивает, что в процессе антропогенеза и социогенеза у человека постепенно вырабатывается «способность социального контроля над биологическими потребностями и инстинктами», вплоть до полного подавления последних во имя утверждения социально-духовных ценностей»³⁶.

Взятые в органическом единстве категории «социальная деятельность», «способность» и «потребность», по нашему мнению, дают возможность выделить единое основание и определить структуру личности как индивидуализированную систему потребностей и способностей к универсальной социально значимой деятельности, включающую ряд органически связанных подсистем.

Таковыми подсистемами и выступают потребности и способности личности к основным способам человеческой жизне-

³³ Иванько Л. И., Коган Л. Н. О принципах классификации потребностей. — В сб.: Проблемы потребностей в этике и эстетике.

³⁴ См.: Бестужев-Лада И. В. Методологические проблемы исследования потребностей личности и общества. — В сб.: Социология и современность. — М., 1977, с. 402—405.

³⁵ Мокроносов Г. В. Методологические проблемы исследования общественных отношений. — Свердловск, 1971, с. 158—159.

³⁶ Каган М. С. Человеческая деятельность. — М., 1974, с. 257.

деятельности, позволяющие реализовать «сущностные силы рода человек» на личностном уровне.

Если рассматривать структуру личности в самой общей абстрактной форме, то условно можно выделить такие всеобщие способы ее жизнедеятельности, которые как бы образуют ее родовую сущностную подструктуру: потребность и способность к всесторонней человеческой деятельности.

Развитие социально-деятельных способностей рода «человек», как отмечал К. Маркс, хотя вначале и «совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушает этот антагонизм и совпадает с развитием каждого отдельного индивида...»³⁷. Развитие этих способностей, по мысли К. Маркса, необходимо связывать не с возвращением к некоей извечной родовой сущности человека и не с тем, что человечество должно еще приобрести.

Для него родовая социально-деятельная сущность — это всегда наличное бытие, модифицированное системой общественных отношений находящегося на определенной исторической ступени развития общества. Но трудность ее обнаружения в антагонистически-классовом обществе состоит не только в том, что она модифицирована, но и в том, что она отчуждена от личности трудящегося (и не только трудящегося³⁸), искажена и упрощена³⁹.

Поэтому, если попытаться в самом общем виде представить особенности функционирования структуры личности как определенного конкретно-исторического, социально-классового типа, то они будут состоять, как нам представляется, не в появлении новых способов жизнедеятельности личности, а в качественной модификации старых, в изменении места и роли их в структуре личности и общества. Это означает, что на передний план развития и формирования личности выдвигаются те ее социально-деятельные потребности и способности, которые отражают интересы господствующего класса, укрепляют его позиции. А некоторые родовые сущно-

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 2, с. 123.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 303.

³⁹ «Двигаясь в рамках отчуждения, — писал К. Маркс, — люди усматривали действительность человеческих сущностных сил и человеческую родовую деятельность только во всеобщем бытии человека, в религии или же в истории в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д.» (Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, с. 594).

стные способы деятельности личности оттесняются на задний план.

С наибольшей разрушающей силой действие этих факторов обнаруживается в буржуазном обществе, в котором, как писал Ф. Энгельс, «одной единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности...»⁴⁰ человека.

Современный этап развития нашей страны, этап зрелого социализма, видимо, означает ту степень общественного прогресса, когда общечеловеческое и классовое не только теоретически, но и практически становятся все более органически взаимосвязанными сторонами культуры личности⁴¹ и ее всесторонней деятельности.

И, наконец, так же условно можно выделить такой срез в деятельности личности, который будет характеризовать структуру личности как индивидуальности. Хотя индивидуальность появляется главным образом в результате взаимодействия общего и особенного в жизнедеятельности личности, она проявляется как уникальность, неповторимость и самой личности, и ее деятельности, и результатов этой деятельности. В этом смысле индивидуальность личности есть ее вершина и ядро. Поэтому, используя мысль К. Маркса⁴², видимо, можно сказать, что личность свою истинную индивидуальность может проявить не в результате самоизоляции от общечеловеческого и классового компонентов культуры, а в результате их положительного освоения.

Поэтому глубоко правы ученые, утверждающие, с одной стороны, что индивидуальность можно познать путем «сложения» в личности «всех ее социально-групповых характеристик», а с другой — что «личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее»⁴³.

Таким образом, ценность личности как индивидуальности находится в прямой зависимости и от меры развития социально-деятельного потенциала личности, образующего ее целостность, и от своеобразия его реализации.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 303.

⁴¹ См.: Мчедлов М. П. Общечеловеческое и социалистическое. — Вопросы философии, 1976, № 5.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 145.

⁴³ См.: Кон И. С. Открытие «Я», с. 245; Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание, с. 20.

Естественно, что произведенное нами выделение «срезов» — уровней социально-деятельного функционирования структуры личности условно. Оно выполняет роль исследовательского принципа, позволяющего, как мы уже отмечали, глубже понять сложную социально-деятельную природу и структуру личности. Поэтому, когда мы говорим, что личность — целостность, то подразумеваем, что в ней в органическом единстве слиты, по крайней мере, три компонента: общечеловеческий, социально-групповой (классовый) и социально-индивидуальный. Они фиксируют: какие социально-деятельные потребности и способности должен иметь общественный индивид, чтобы называться личностью; в каких особых формах деятельность осуществляется и чьи интересы выражает; своеобразие индивидуальных сущностных сил личности, проявляющихся как в процессе, так и в результатах ее жизнедеятельности.

Очерченное выше понимание целостности социально-деятельной структуры личности, хотя дает представление лишь об основных внутриличностных основаниях целостности, имеет непосредственный выход в теорию коммунистического формирования личности. Этот выход недвусмысленно означает, что действительно всестороннее развитие культуры личности, в том числе и в сфере эстетической, должно основываться не только на максимальном развитии ее сущностных сил, ее социально-деятельных творческих потенций, но и на гармоническом слиянии общечеловеческого, социально-группового и индивидуального компонентов жизнедеятельности личности.

Как «уход» от общества при капитализме деформирует индивидуальность личности, превращая ее в индивидуализм, так и мелкобуржуазный социализм, как гениально предвидел К. Маркс, отрицая весь мир «культуры и цивилизации», ведет практически к отрицанию индивидуальности личности⁴⁴, к превращению ее в «голый» социальный тип.

Насколько глубоко и верно К. Маркс уловил суть грубого, казарменного социализма, можно судить по событиям, которые вот уже много лет потрясают современный Китай.

Подведем общую черту.

Многообразие подходов и оснований в вопросе классификации человеческой деятельности, обеспечивая все большую всесторонность и углубленность познания данного феномена,

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, с. 586—587.

порождает на современном этапе развития науки ряд негативных следствий. Для дальнейшего совершенствования теории эстетического развития и воспитания личности это имеет, по крайней мере, два негативных следствия: а) затрудняются поиски наиболее эффективной личностнообразующей структуры; б) в существующих структурах человеческой деятельности эстетическое начало фигурирует то как основной, то как неосновной компонент, то как относительно самостоятельный вид деятельности, то лишь как ее, не имеющий собственного статуса, аспект, а то и не фиксируется вовсе.

Проведенные нами анализ и сопоставление имеющихся в литературе классификаций социальной деятельности в системе личности позволили выделить такую рабочую личностнообразующую модель структуры, которая представляет собой открытую систему и вместе с тем является «ансамблем» социально-деятельных способов, реализующих в процессе жизнедеятельности отдельной личности сущностные потенции «рода» человек.

Такое понимание основы внутренней структуры личности, по нашему мнению, дает возможность подойти к пониманию проблемы «всесторонне развитая личность», а значит, и «эстетически развитая личность» со стороны ее качественной определенности. То есть, с одной стороны, процесс развития личности перестает восприниматься как «дурная» бесконечность расширения и изменения способов жизнедеятельности, выходящих за пределы ее внутренней структуры, а начинает рассматриваться как процесс совершенствования и «возвышения» наличных, находящихся во внутренней структуре личности ее сущностных социально-деятельных потенций.

С другой стороны, становится очевидным, что эстетический потенциал личности должен быть направлен на развитие прежде всего личностных компонентов ее эстетической культуры.

В этом смысле становятся понятными те положения XXV съезда КПСС, в которых указано, что главной задачей всей системы коммунистического воспитания в нашей стране остается задача формирования черт коммунистического отношения к труду, идейно-политической и нравственной сознательности личности ⁴⁵.

⁴⁵ Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976, с. 76.

Сфера эстетического органически входит в социально-деятельную структуру личности. Эстетическое начало может быть представлено в целостной структуре личности как один из относительно самостоятельных и специфических способов жизнедеятельности, реализующих ту сущностную потенцию «рода» человек, которую К. Маркс назвал способностью общественного индивида творить «по законам красоты».

Чтобы содержательно представить эстетическую деятельность в системе личности, важно попытаться сделать это, идя и от самого понятия «эстетическое», от собственно эстетического анализа данной проблемы. Но и социально-философский анализ места и роли эстетического начала в жизнедеятельности личности убедительно показывает, что вне сферы эстетического формирование полноценной личности невозможно.

СПЕЦИФИКА ФОРМ УТОПИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Е. С. ЛЯХОВИЧ, Т. А. ПЧЕЛИНЦЕВА

Опережающее отражение свойственно, согласно концепции П. К. Анохина, всему живому¹. Специфическим высшим видом опережающего отражения на уровне человека является целеполагание: выдвижение цели, создание модели «потребного будущего» и затем деятельность по уточнению и реализации программы будущего. Сознание индивидуальное и вместе с ним и общественное, создавая модели «потребного будущего», придает им характер долженствования. Должное, желаемое всегда представляется лучшим и более совершенным, чем настоящее. Стремление к совершенствованию присуще всем видам духовной и материальной деятельности. С возникновением науки создаются специальные научные методы совершенствования многих сфер человеческой деятельности (методы оптимизации).

В создании моделей «потребного будущего» находят выражение многие человеческие потребности, но в первую очередь — прогностическая. Как и другие социальные потребности, осмысление и первые попытки выражения прогностической потребности зарождаются в недрах обыденного сознания, этого фундаментального и генетически первоначального уровня общественного сознания, сначала в формах устного художественного творчества, в сказках, мифах.

Но сказки и мифы решают гораздо более широкий круг общественно значимых задач. Представления о будущем, ожидаемом или желаемом, в этих видах первоначального художественного творчества еще малочисленны и связываются с судьбой индивида в «загробной жизни», в жизни потусторонней. Сказки, повествующие о райской, легкой жизни,

¹ См.: Анохин П. К. Опережающее отражение действительности. — Вопросы философии, 1962, № 7, с. 97—111.

мифы, рассказывающие о наслаждении земными благами и удовольствиями, были «первыми своеобразными утопиями», — пишет Ю. П. Францев. Того же мнения придерживается и Л. Н. Столович: «Представления о загробной жизни на «полях блаженных» древних египтян, как и представления о райском бытии других народов, были первыми своеобразными утопиями»², хотя и не имевшими отдельного, специального названия. Но несбыточный характер мечты, нереальность, фантастичность ее, видимо, впоследствии и определили сам термин, само понятие для отражения прогностической потребности — утопическое³.

Утопическое мышление в известной мере иллюзорное мышление. Но ведь истоки научных теорий об обществе сформировались в недрах этого мышления и уже поэтому оно заслуживает внимания и ему посвящена многочисленная литература⁴. Во всем громадном потоке публикаций трудно отыскать ответ на вопросы: почему утопическое мышление возрождается сейчас, в XX веке? Какие потребности сейчас выражает общество в утопиях и почему именно в формах утопий?

Известно, что не только утопии, но и мифы возрождаются и создаются в наше время. Но между мифом и утопией как формами организации социального опыта, принадлежащими обыденному сознанию, имеются серьезные различия, они даже могут казаться противоположными: «Миф — это структура, которая дает возможность помнить о реальности» (разрядка наша. — Е. Л., Т. П.)⁵.

Утопия же — одна из ранних форм реализации прогностической потребности общественного человека, которому отдаленное будущее всегда представляется более совершенным, чем настоящее.

² Столович Л. Н. Категория прекрасного и общественный идеал. — М., 1969, с. 34.

³ См.: Философская энциклопедия. — М., 1970, т. 5, с. 295.

⁴ Шестаков В. П. Понятие утопии и современные концепции утопического. — Вопросы философии, 1972, № 8, с. 151—152; Малинин В. А. История русского утопического социализма, — М., 1977; Тимофеев В. А. Социальная утопия как проблема в современной буржуазной социологии. — В кн.: Кризис буржуазной идеологии. — Л., 1978, с. 1—85; Каракеев Т. Д. Семантические аспекты диалектики социального развития. — Фрунзе, 1978.

⁵ Шредер Ю. А. Реальное поведение и формы косвенного целеполагания. — В кн.: Психологические механизмы регуляции социального поведения. — М., 1979, с. 126.

В утопиях, если следовать идее Ю. А. Шредера, относительно двойственной природы мифа как устойчивости архетипа, структуры и вариативности «оформления» также можно обнаружить некоторые устойчивые правила построения, своего рода «структуры» и исторически меняющиеся формы воплощения прогностических идей от сказок до научной и ненаучной фантастики, от назидательной литературы и сатирических романов до публицистических трактатов и даже политических программ.

Являясь различными формами отражения действительности, миф и утопия выполняют в обществе различные функции. Миф и утопия принадлежат как обыденному, так и теоретическому сознанию. И если миф, согласно Ю. А. Шредеру, оказываясь своеобразной формой косвенного целеполагания, в сегодняшнем научном мышлении «выглядит как эвристическая установка, формулирующая гипотезу об организации мира и требующая определенного типа структуры действий... заведомо не гарантируя успеха»⁶, то утопия сейчас — это тоже своего рода гипотеза, но гипотеза-предупреждение. Ее назначение исторически изменилось. Постоянным была и остается картина существующего хода вещей (от социального строя и экономики до морально-этических проблем личности).

Диапазон проблем, рассматриваемых в утопиях, расширялся. Когда люди еще не отделяли себя от природы, а трудности борьбы за существование не давали даже материала для фантазий о новом, лучшем будущем в данном географическом регионе в какое-то даже отдаленное время, люди «поддерживали» себя библейскими легендами о «золотом веке», имеющими весьма глубокие исторические корни в ассирийско-вавилонских мифах. Затем зарождается вера в существование «островов блаженных», находящихся где-то на западе, там, куда никак нельзя попасть. По мере расширения границ своих морских путешествий древние греки отодвигали, переносили все дальше на запад и местонахождение «островов блаженных»⁷. Эти рассуждения венгерского академика И. Тренчени-Вальдапфеля подтверждают мысль, что данное пространственно-временное существование лучшего мира общественного человека не устраивало, и он представлял себе лучшую жизнь сначала как давно прошедшую, а затем — как пространственно недостижимую. Так возникает

⁶ Там же, с. 127.

⁷ Столович Л. Н. Указ. раб., с. 35.

одна из основных особенностей утопического мышления — пространственно-временная неопределенность. Первоначально как фактор обыденного общественного сознания с возникновением классового общества утопическое мышление преникает в идеологию, где реализуется в философских, общественно-политических, художественных представлениях; а сами утопические произведения приобретают ярко выраженный классовый характер.

Так, в ранних народных утопиях в первую очередь выражается мечта о материальном благополучии, удовлетворении первых жизненных потребностей. В народной английской утопии «Страна Кокейн» изображается удивительная страна:

И хоть пройди весь белый свет,
Страны богаче и лучше нет.
Пускай прекрасен и весел рай,
Кокейн куда прекраснее край⁸.

В этой стране есть все, и это не требует тяжкого труда, борьбы за существование, борьбы с природой и людьми. Чтобы все были сытыми и прекрасно себя чувствовали, там «жареных гусей летает стая», а жаворонки, «что так вкусны, влетают людям прямо во рты»⁹. Поэтому в ранних утопиях, подобных «Стране Кокейн», главным является праздность, вечное лето, изобилие пищи и одежды.

Но уже позднее появляются утопии, в которых прослеживается новый момент: осознание классового неравенства. Английская утопия конца XVII в. «Рай бедняка» призывает к борьбе с угнетателями:

Мы возьмем железный лом
И все тюрьмы отопрем...
Пусть бедный народ выходит на волю¹⁰.

По мере развития классов изменялось и политическое сознание масс. Идеалом угнетенных людей стали равенство, братство. Идея свободы, равенства находит отражение в христианском учении, развивались утопические мотивы в различных ересьях.

В трудах Монтескье, Жан Жака Руссо, Гольбаха понимание свободы носит буржуазный характер. Частная соб-

⁸ Мортон А. Л. Английская утопия. — М., 1956, с. 263.

⁹ Там же, с. 264—266.

¹⁰ Там же, с. 42.

ственность неприкосновенна, а равенство граждан может обеспечить только неукоснительное соблюдение законов.

Родоначальником же утопического социализма обычно считается Томас Мор. В своей «Утопии» он дал критику уже не эпизодическую, а обстоятельную современной ему системы частной собственности и эксплуатации человека человеком. Мор изобразил идеальное общество, основанное на общей собственности на средства производства. Он был уверен, что «благополучие в ходе людских дел» может быть «только с совершенным уничтожением частной собственности»¹¹. Подобное решение социальной проблемы находим в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы. Но достижение идеала гармонического общества, которое утописты представляли весьма разносторонне, невозможно без решения не только социально-экономических, но и морально-этических проблем.

Чтобы общество было прекрасным, нужны прекрасные люди. Еще Платон обращает внимание на разностороннее воспитание граждан полиса, которые в его представлениях об идеальном обществе («Государство») занимались физической культурой, наукой, искусством. Основной принцип воспитания, выраженный Аристотелем в «Политике», — гармония и всесторонность. В прямой зависимости от основных идей Возрождения в утопической литературе XVI—XVII в. всестороннее и гармоническое развитие провозглашалось идеалом прекрасного человека. В «Утопии» Т. Мора и «Городе Солнца» Кампанеллы люди красивы внешне, обладают высокими моральными качествами: они добры, честны, трудолюбивы. Уже наметились такие принципы всестороннего развития, как устранение противоположности между умственным трудом и физическим (утопийцы их чередуют), трудом в сельском хозяйстве и в городе (правда, в примитивной форме: граждане по очереди работают в сельском хозяйстве). Все горожане грамотны, науки даются без особого труда (с этой целью в «Городе Солнца» на стенах домов изображены яркие картины, изложены в доступной привлекательной форме знания о природе, о человеке). Музыка, поэзия являются непременным атрибутом быта. Таким образом, вместе с прогностической потребностью в утопических произведениях находит выражение эстетическая и нравственные потребности.

¹¹ Мор Т. Утопия. — М., 1948, с. 92.

Развитие представлений о гармоническом развитии личности претерпело изменение в поздних утопиях, а в некоторых с резко выраженной классовой направленностью (защита интересов господствующего класса) представление о равенстве было доведено до абсурда. В них изображались люди физически и интеллектуально равные. Государство стремится подавить малейшие проявления индивидуальности. Утопии 30-х годов XX столетия «Мы» Евг. Замятина; «1984» Дж. Оруэла; «Прекрасный Новый Мир» О. Хаксли рисуют отвратительные общества, где «стандартизация» личности достигается биологическим путем: Великая Операция у Евг. Замятина, а в «Новом Мире» О. Хаксли дети выводятся в пробирках по определенному генотипу¹².

Широк и многообразен круг проблем, которые нашли отражение и развитие в утопической литературе: от мечты о сытости, тепле до идеи социального равенства, гармонического развития личности; от мечты о справедливом распределении материальных благ до идеи об организации общественного производства.

Утопические идеи имеют чрезвычайно разнообразные формы выражения, возникая в обыденном сознании первоначально в фольклоре, с развитием общественного сознания и культуры проникают в научное мышление, даже в его теоретические формы.

В философских трактатах Платона «Государство», «Законы», в «Этике», «Политике» Аристотеля утопически реализуется идеал общественной жизни.

В христианских учениях (Августин Блаженный «О граде Божьем»), в программах религиозных движений (Т. Мюнцера, Я. Гуса) в своеобразной форме изображаются утопические мечты своего времени.

Специальные научные труды по будущему совершенному устройству общества создали французские социалисты-утописты Сен-Симон, Оуэн, Фурье.

Наряду с публицистической формой утопические идеи получили развитие в художественной форме.

Народная поэтическая утопия нашла продолжение в творчестве поэтов более позднего времени. В этом отношении показательно творчество Низами Гянджеви. Социальная

¹² См.: Шестаков В. П. Социальная утопия О. Хаксли: миф и реальность. — В кн.: О современной буржуазной эстетике. — М., 1976, с. 144—145.

утопия, изображенная в поэме «Искандер-намэ», особенно во второй ее части — «Книге счастья», дает картину бесклассового общества, где царит равенство:

Мы имуществом нашим друг другу равны.
Равномерно богатства всем нам вручены.
В этой жизни мы все одинаково значим...¹³

Как отмечает Д. Мустафаев, поэтическое творчество Низами явилось своеобразной «программой и идейным знаменем широких народных движений на Ближнем Востоке»¹⁴. У. Шекспир создает «Бурю», в которой в символических образах выражает свое отношение к современности, мечту о будущем.

Устроил бы я в этом государстве
Иначе, чем принято у нас.

Я б уничтожил бедность и богатство,
Здесь не было бы ни рабов, ни слуг¹⁵.

Утопические идейно-политические взгляды можно встретить и в творчестве других поэтов (Д. Мильтон и др.).

Художественная проза своими средствами решает социальные проблемы будущего. Это и ранние романы — путешествия, герои которых открывают «райские страны» (утопия Ямбула¹⁶, «История севарамбов» Д. Вераса), и сатирические произведения Сирано де Бержерака, Свифта, Рабле, в которых в наиболее резкой форме дана критика существующего строя. Политические романы Н. Г. Чернышевского «Что делать?», У. Морриса «Вести ниоткуда» рисуют светлые картины желаемого будущего.

Своеобразные возможности для развития социальная утопия получила в таком жанре художественной литературы, как фантастика. Она появилась в связи с ускорением научно-технического прогресса, осмыслением достижений научно-технической революции. На формирование фантастики оказали влияние мировые и локальные войны, открывшие

¹³ Низами. Искандер-намэ — М., 1953, с. 670.

¹⁴ См.: Мустафаев Д. Природа социальных утопий стран Ближнего Востока. — Вопросы философии, 1968, № 8, с. 115.

¹⁵ Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 т. — М., 1957, т. 8, с. 154.

¹⁶ См.: Воробьев Л. Вступительная статья «Утопия и действительность». — В кн.: Утопический роман XVII—XVIII вв. — М., 1971, с. 7.

ту разрушительную силу, на какую способна современная техника. К тому же осмысление идеала наилучшего устройства государства потеряло свою актуальность, так как уже была создана теория научного коммунизма и началось его строительство.

В центре внимания социальной фантастики оказались вопросы, связанные с ответственностью человека за будущее планеты — утопии-предостережения. В них указывается на какую-либо тенденцию, которая может привести к нежелательному будущему. Причем рисуется мрачная картина для того, чтобы заставить современников предупредить подобный ход развития. Примеры утопий-предупреждений — романы Г. Уэллса «Машина времени», Р. Брэдбери «451 по Фаренгейту», романы К. Чапека «Война с саламандрами» и др.

Трудно отнести к утопии-предостережению роман Д. Лондона «Алая чума», в котором изображается всеобщая гибель цивилизации из-за цивилизации же. Причем Д. Лондон верит именно в такой исход развития человечества и не оставляет никакой надежды на какой-либо выход. Подобные произведения получили название антиутопий. Цели антиутопий различны. Такие из них, как «Прекрасный Новый Мир» О. Хаксли, «Мы» Евг. Замятина стараются опорочить коммунистический идеал, связать безысходность, социальный тупик капиталистического общества в будущем с ответственностью коммунистической программы. Это наиболее реакционные антиутопии.

Другая часть антиутопий вызвана неверием в возможности капиталистического общества, в его дальнейшее развитие, во-вторых, экологическим кризисом, который возник в связи с бурным развитием техники, технологии. Мегаполис Свитуотер, изображенный К. Фалдбаккенем в романе «Страна заката», олицетворяет социальное неравенство, бессилие капиталистического общества наладить плановое хозяйство, инфляцию не только в сфере экономики, но и политики, морали и как следствие этих зол — экологический кризис: Гонка вооружения, ужасы Хиросимы и Нагасаки являются основой для возникновения множества антиутопий типа «Мальвиля» Р. Мерля, дающего мрачную картину «послеатомной эры». Утопии в яркой, образной, занимательной форме художественных произведений не только выражают эмоциональный настрой их авторов и передают мечты и надежды, взгляды и идеи тех социальных слоев, вырази-

телями которых утописты объективно оказались, но, что не менее важно, такая форма привлекает внимание читателя к содержанию. Ведь «задача художественного произведения, — по справедливой мысли П. В. Копнина, — не вооружить человека данными, скажем, о морских пучинах и космических делах, а заставить его переживать их, приковывать его внимание к ним, направлять его деятельность на практическое и теоретическое постижение их»¹⁷.

¹⁷ Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. — М., 1973, с. 273.

О НОРМАТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ СИСТЕМЫ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В. М. ВИДГОФ

В процессе эстетического воспитания огромная роль принадлежит формированию эстетического сознания. Поскольку эстетическое сознание одновременно является и мотивом, и регулятором, и критерием, и оценкой, и ценностью для самоутверждения эстетических качеств субъекта, то по природе своей оно нормативно.

Осмысление нормативности эстетического сознания имеет поэтому важное практическое значение. Однако в теоретическом отношении эта проблема остается еще малоисследованной. Для того, чтобы в какой-то степени приблизиться к подобному рассмотрению проблемы, необходимо: во-первых, уточнить содержание понятия «эстетическое сознание» и правомерность его системного анализа; во-вторых, выяснить смысл понятия нормы и особенности нормопроявления в системе эстетического сознания.

Понятие «эстетическое сознание» не получило еще в эстетической науке своего категориального обоснования. Однако трудно найти сколько-нибудь серьезную философско-эстетическую работу, где бы не употреблялся термин «эстетическое сознание», где бы не анализировались какие-либо его компоненты или особенности, где бы не придавался фундаментальный смысл этому понятию, позволяющему не только ставить и решать основной вопрос эстетики, но и осмыслять роль и значение эстетического сознания в практике эстетического освоения. Принимая во внимание сложившуюся проблемную ситуацию, можно сказать, что содержательность используемого в литературе термина «эстетическое сознание», к сожалению, не выходит за рамки интуитивных или эмпирических представлений. Вместе с тем фундаментальность проблемы настолько ве-

лика, что существующие эмпирические методы оказываются хоть и необходимыми, но недостаточными, чтобы выступать в роли общей теории эстетического сознания, способной обладать широкими методологическими возможностями.

В данной статье вовсе не ставится цель дать такую теорию. Это дело отдельного самостоятельного исследования. Для нас важно понимать сложность ситуации, в которой оказался объект нашего внимания. И уже с оглядкой на эту ситуацию выходить на поиск новых методов осмысления эстетического сознания и уточняющих его определений.

Опираясь на методологические принципы марксистско-ленинской теории отражения, теории общественного сознания и практической деятельности людей, мы предлагаем посмотреть на эстетическое сознание как на системное образование, способное выполнять координирующую и интегративную функцию по отношению к элементам, его составляющим, а также обладать мотивирующими, регулятивными, целеполагающими и нормативными свойствами по отношению к практике эстетического освоения. То есть, для нас термин «эстетическое сознание» выступает, с одной стороны, как системное свойство всего идеального ряда в структуре эстетического преобразования мира, с другой — как внутренний план, как нормативно-регулятивное средство социального освоения действительности.

Понимание эстетического сознания как определенной системной целостности (об этом понятии несколько ниже) позволяет, во-первых, не сводить закономерности эстетического сознания к особенностям какого-либо составляющего его компонента, будь то эстетическое чувство или эстетическое восприятие, эстетическая потребность или эстетический вкус, эстетическая оценка или эстетический идеал и т. д. Во-вторых, позволяет выявить субординацию и выводимость элементов эстетического сознания друг из друга. В-третьих, обнаружить наиболее общие, сквозные, интегративные и «цементирующие» аспекты системы эстетического сознания. То есть, системный метод, как нам представляется, способен дать целостную картину и картину целостности эстетического сознания как относительно самостоятельного феномена.

Что же собой представляет системный метод?

Известно, что системный метод является общенаучным методом и как проявление диалектико-материалистического метода снимает в себе основные параметры трех законов диалектики, хотя и дает их выраженность в формально-логическом плане. Объектом системного метода может выступать любое

образование, взятое в его целостности. Под целостностью (системой) понимается такое множество элементов, структура (связи) которого является необходимым и достаточным условием наличия качества данного множества¹. Системный метод позволяет исследовать объект по разным параметрам: по составу, структуре, функциям, генезису, интегративному признаку и, наконец, системный подход дает нам представление о системном свойстве объекта, которое не сводится ни к отдельным элементам системы, ни к их совокупности. Поэтому системное свойство и схватывает специфику целостного объекта. Однако известно, что любой объект многоаспектен, многоуровнен и многопредметен в своем развитии. Системный подход позволяет учитывать движение познания по граням объекта, т. е. рассматривать любую систему как подсистему более широкой системы, а последнюю как элемент еще более широкой системы и т. д.

Таким образом, возможности системного подхода весьма богаты и вполне достаточны, как нам представляется, для того, чтобы уточнить категориальный статус эстетического сознания, чтобы выявить системные признаки самого объекта — эстетического сознания, чтобы не отрицать содержательность уже наработанных методов, но расширять их эвристическую ценность как самих по себе, так и взятых в различных пересечениях и целостности.

Поскольку в данном исследовании нас интересуют только нормативные свойства эстетического сознания, то на этом и остановимся.

Исходным для дальнейшего обоснования проблемы является тезис о том, что одной из сквозных, интегрирующих и «цементирующих» аспектов в структуре эстетического сознания выступает нормально-нормативный. Наряду с подобного же рода аспектами, такими как психологический, гносеологический, аксиологический, семиотический, кибернетический и деятельностный, нормально-нормативный имеет свою специфику и особенности проявления. Во-первых, нормативность эстетического сознания не рядоположена по отношению к перечисленным аспектам, а существует через них, как и каждый из них содержит в себе нормально-нормативные свойства в качестве момента. Во-вторых, в нормопроявлении эстетического сознания есть нечто такое, что присуще только этому аспекту, что

¹ Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. — ТГУ, 1973, с. 362.

*составляет его специфику. В чем же эта специфика? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо разобраться в сущности понятия нормы.

В многочисленной научной литературе можно обнаружить разное отношение к понятию нормы. Многие науки часто используют это понятие, но не ставят перед собой задачу специального его исследования. Это относится к большинству естественных наук. Обычно смысл понятия нормы, употребляемого в этих науках, характеризует качественные особенности предмета, его морфологическую и функциональную стабильность. Например, норма (паталогия) в физиологии и медицине обозначает способность организма сохранять свою жизнедеятельность². Некоторые науки пытаются проанализировать содержание, выявить статус категории нормы в системе своего понятийного аппарата. Это касается в основном общественных наук³. В отличие от естественных общественные науки в большинстве случаев под нормой понимают среднее или предельное количество чего-либо, ставшее правилом, образцом, мерой⁴. Например, норма времени, норма выработки, норма прибыли, норма процента, норма прибавочной стоимости и т. д. И, наконец, есть науки, которые в категории «норма» видят проявление специфики предмета, который ими исследуется. Например, нормативная этика, нормативная логика и т. д.

В целом можно заметить, что в теоретическом познании нормы преобладают социологические исследования. Тяга к социологическому осмыслению нормы вполне понятна. В век современного научно-технического и человеческого прогресса, когда все более усиливается влияние человеческого фактора на ход развития объективных природных и социальных процессов, возникает настоятельная потребность научного обоснования нормативных принципов и механизмов человеческой деятельности, умения производить точные прогнозы предстоящих свершений и давать правильные оценки содеянному.

В современных социологических исследованиях нормы можно обнаружить следующую характерную особенность. Во-

² См.: БМЭ. — М., 1961, т. 21, с. 138—139.

³ См.: Философская энциклопедия, 1967, т. 4, с. 98—99; Пеньков Е. М. Социальные нормы-регуляторы поведения личности. — Некоторые вопросы методологии и теории. — М., 1972.

⁴ См.: МСЭ. 3-е изд., т. 6, с. 703.

просы, связанные с пониманием общественных норм, как своеобразных регуляторов социальной жизни, разрабатываются больше в эмпирическом плане, на примерах нравственной⁵, социально-психологической⁶, правовой⁷, научно-исследовательской⁸ и других видов деятельности, чем в общеметодологическом.

Вместе с тем в последнее время в философской литературе все чаще ставится вопрос о необходимости общеметодологического, общеполитического анализа нормы. Мы также придерживаемся того мнения, что общеполитический подход ведет к выявлению сущности нормы вообще, ее природы, к избавлению от многочисленных толкований этого понятия, которые возникают всякий раз в результате применения различных подходов к его исследованию, к установлению, наконец, более глубокого понимания тенденций и закономерностей специфического проявления нормы в конкретно-реальной сфере. Попытку общеметодологического анализа нормы предпринял В. Н. Сагатовский в монографии «Основы систематизации всеобщих категорий»⁹. Справедливо указывая на узость распространенных толкований нормы как только качества или только как количества, В. Н. Сагатовский предлагает анализировать норму в единой системе качественно-количественного метода. В данном случае норма характеризуется как состояние, качественная определенность предмета и его количественное выражение — мера.

Наряду с качественно-количественным методом заслуживает внимания применение ученым системно-функционального подхода к изучению нормы. То есть, речь идет о том, что анализ нормы требует учета характеристики предмета прежде всего как функционирующей системы. Кроме этого система должна рассматриваться не просто как функционирующая, но развивающаяся, поскольку функции системы в конечном счете есть выражение ее внутренних потенций, направленных на реализацию основной объективной «цели», присущей определенной форме движения материи.

⁵ Марксистская этика. — М., 1976, с. 105

⁶ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. — М., 1978.

⁷ Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. — Казань, 1977.

⁸ Мотрошилова Н. В. К проблеме научной обоснованности нормы. — Вопросы философии, 1978, № 7, с. 112.

⁹ Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. ТГУ, 1973.

Принимая во внимание целевую направленность системы, В. Н. Сагатовский углубляет системно-функциональный принцип целевым подходом. Мысль о том, что нормальность системы определяется целенаправленностью ее функций, является у исследователя основной. В этом «ключе» и дается им определение нормы. «Норма есть мера такого выполнения функций, при котором система достигает своей внешней цели»¹⁰. В связи с этим автор конкретизирует понятие объективной (внешней) цели. В частности, им убедительно обосновывается, что объективная цель безотносительно, в «чистом» виде, не существует. О ней можно говорить как о необходимости, в которой реализуется система. Для того, чтобы понять этот процесс, В. Н. Сагатовский соотносит категорию нормы с понятием свободы. «Свобода» интерпретируется в самом широком смысле — как возможность выбора, т. е. движения системы в различных направлениях. Вместе с тем ученый показывает, что система не в состоянии «двигаться» одинаково во всех возможных направлениях, что «нормальное функционирование системы связано не с абсолютной, а с адекватной (на уровне человека — разумной) свободой, т. е. способствующей достижению объективной цели»¹¹.

Таким образом, адекватность свободы, ведущая к реализации объективной цели и к сохранению качественной определенности системы, есть ее нормальное состояние. Проявление этой тенденции в противоположном направлении, очевидно, характеризует аномальность, паталогичность как процесса, так и состояния системы в целом.

**
**

Какие же можно сделать уточнения, обобщая и развивая положения В. Н. Сагатовского? Сохраняя логику рассуждений В. Н. Сагатовского, выделим два основных момента.

1. Требуется уточнения принцип единства качества и количества. Осмысление нормы сквозь призму этого единства методологически верно, но несколько абстрактно, ибо единство количества и качества находит свое выражение прежде всего в категории меры. Мерный анализ нормы, как нам представляется, более конкретен. Он позволяет посмотреть на норму как на структурный элемент меры и уточнить тем самым место

¹⁰ Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. ТГУ, 1973, с. 362.

¹¹ Там же, с. 363.

нормы в системе всеобщего закона перехода количественных изменений в качественные. Если «качество» отвечает на вопрос «что такое данный предмет? чем он отличается от других?», «количество» отвечает на вопрос «сколько», а «мера» показывает единство качества и количества, то «норма» соотносится с вопросом «как»? Норма позволяет понять как, каким образом срабатывает «механизм» качества. В этом плане норма выступает видовым проявлением меры, вскрывая ее содержательность. То есть норма понимается нами как мера в своем самоосуществлении, как своеобразное разворачивание качества, обеспечивающее стабильность меры. Притом связь нормы с мерой двойственна. С одной стороны, норма является продуктом меры, с другой — условием ее. Как продукт, норма фиксирует качества разных порядков меры, т. е. многообразные ее модификации. Как условие, норма, разворачиваясь, сохраняет целостность меры, ее стабильность.

Использование подхода к норме как к структурной единице меры можно обнаружить у классиков марксизма. Например, в третьем томе «Капитала» К. Маркс показывает, как содержание экономического базиса (понимаемого как своеобразная мера общества) реализуется в разных социальных формах. В частности, закон стоимости — в законе средней нормы процесс становления и разрушения меры. Объектная сторона нормы соотносится с нормальностью, субъектная — с нормами прибыли, процентах, ренте и т. п.¹²

2. Если принять во внимание то обстоятельство, что количественные параметры нормы на уровне конкретно-эмпирического анализа обычно понимаются как нормативность, а качественные — как нормальность, то сама норма представляет собой противоречивое единство нормальности и нормативности. Рассмотрение взаимодействия этих сторон нормы обнажает ее субъектно-объектную природу, т. е. тот внутренний импульс, который сохраняет целостность ее как саморазвивающейся системы и ту целевую устремленность, которая обеспечивает процесс становления и разрушения меры. Объектная сторона нормы соотносится с нормальностью, субъектная — с нормативностью. В первом случае норма выступает своеобразным барометром состояния системы, степени выраженности ее качества. Во втором случае проявляются динамические и изменчивые свойства нормы, направленные а) на сохранение этого качества в условиях меняющейся среды; б) на выработку но-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 354.

вых «программ» внутреннего и внешнего поведения системы. То есть, можно сказать, что нормативность образует код системы, самореализация которого определяет нормальное или аномальное состояние этой системы.

Трансляция информационного кода системы посредством ее функционирования и самовыражения позволяет «прочитать» содержание самого кода и характеризовать нормативность как особый тип проявления объективных закономерностей развивающихся систем.

Теперь посмотрим, как наше толкование нормы соотносится с проблемой эстетического сознания.

1. Информационный код эстетического сознания общества по содержанию представляет собой общечеловеческий опыт эстетического освоения действительности. Существование, сохранение и постоянное обновление этого опыта характеризует общественно-эстетическое сознание как нормально-нормативную систему.

Нормальность системы состоит в том, что однажды возникнув, эстетическое сознание сохраняет и всегда обогащает свою специфику, отражая общую тенденцию исторического развития. Нормативность эстетического сознания общества выражена в отображении конкретно-исторических этапов в общественном развитии. Общественно-экономические закономерности той или иной исторической эпохи формировали свои эстетические принципы, каноны, представления и идеалы. В этом плане мы и различаем эстетические воззрения эпохи первобытнообщинного строя, Древней Греции, Средневековья, Возрождения, Классицизма, Просвещения и т. д. Отсюда можно заключить, что нормативные проявления эстетического сознания есть в другом отношении его нормальность, поскольку характеризует эстетическое сознание общества как открытую, саморазвивающуюся систему, как систему изменяющуюся, но в пределах эстетического качества.

2. Все сказанное относительно мерного анализа нормы применительно и к особенностям функционирования системы эстетического сознания.

То, что характеризует специфику эстетического сознания, является мерой последнего, механизм же развертывания и сохранения этой специфики выступает в качестве нормы эстетического сознания. Так, если специфика эстетического отра-

жения связана с постижением гармонии мер человека и вещи, то норма в данном случае проявляется, во-первых, в универсальности социального отношения к миру, т. е. в способности «производить по меркам любого вида и всюду прилагать к предмету соответствующую мерку»¹³, где универсальность выступает своеобразной матрицей, которая накладывается всякий раз на объект. Во-вторых, в способности сознания посредством эмоционального отражения, в котором снято все богатство чувственно-логического и социально-волевого опыта субъекта, брать объект в единстве с требованиями субъекта. Такой способности эстетического сознания присуща чрезвычайная мобильность в оценке ситуации и оптимизации деятельности человека. Это тот случай, когда человек, проникая в природу предмета, непосредственно не привлекает на помощь аппарат логического анализа, когда он способен мгновенно соотнести результаты своей деятельности с исходными потребностями и принять нужное решение. В этом плане эмоционально-эстетическое постижение мира нормативно, поскольку оно одновременно выступает и мотивом, и регулятором, и критерием, и оценкой, и ценностью для субъекта.

3. Если говорить в этом же плане и об эстетическом сознании личности, то оно нормативно как по структуре, так и по функциональным проявлениям. Рассмотрим это положение более конкретно. Уже в первоклеточке эстетического сознания — потребности — мы обнаруживаем нормально-нормативные признаки.

Поскольку эстетическая потребность, как и любая другая, в конечном счете реализуется в деятельности, то в ней наличествуют такие нормопроявления, как информация о нуждах и целях субъекта, информация о возможностях объекта и так называемая «технологическая» информация, связанная с методикой и приемами реализации потребности. Состояние эстетической потребности, т. е. степень ее удовлетворенности, определяет и состояние всего эстетического сознания. По этому критерию можно судить о нормальности или аномальности эстетической потребности (сознания). С другой стороны, по своей природе эстетическая потребность нормативна, поскольку предписывает субъекту необходимость своего удовлетворения, мотивируя и регулируя в этом направлении его деятельность.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. — М.: Искусство, 1957, т. 1, с. 158.

Можно сказать, что все более сложные формы эстетического сознания, вырастающие из начальной эстетической потребности, связаны с ее актуализацией, объективизацией и материализацией. Так, исходная эстетическая потребность запускает эстетическую установку. В свою очередь, эстетическая установка, как определенная решимость и готовность выйти на контакт с эстетическим объектом, находит свою реализацию в эстетическом восприятии.

Эстетическое восприятие, протекая в чувственно-эмоциональной форме, представляет собой сложную актуализированную форму эстетического сознания, где признаки созерцаемого объекта соотносятся с содержанием первичной эстетической потребности и тем самым оценивается степень удовлетворенности этой потребности. Затухая в определенной мере в эмоционально-эстетическом переживании, эстетическая потребность полностью не гаснет, а получает новый импульс, ориентирующий субъекта на материализацию ее в практике. Происходит как бы возвышение эстетической потребности, внутреннее ее перерождение и перестройка на материальное овладение предметом ради духовного самоутверждения субъекта. Этот процесс связан с формированием и действием эстетического вкуса субъекта, который представляет собой своеобразный фильтр, где отбирается и закрепляется в виде чувственных образов-стереотипов представление об эстетических ценностях. Отбор осуществляется не только посредством эмоционального переживания, но и интеллектуального ряда сознания, который, отображая содержательность эстетических эмоций, выходит на уровень самосознания эстетической информации. Это выражается прежде всего в вербализованных формах оценки, т. е. в способности эстетического суждения и в формировании эстетического идеала, как осознанных представлений об образце, о норме. Возвышение эстетической потребности влечет за собой совершенствование эстетической установки и выход на новый конкретный тип деятельности.

Таким образом, эстетическая потребность, протекая в разных формах эстетического сознания, получает реализацию, с одной стороны, в развитии способностей субъекта, в его самосовершенствовании, саморегуляции и самоутверждении, с другой — в практике материального овладения миром ради опять-таки универсальных потребностей субъекта.

4. Взаимодействие между индивидуальным и общественным эстетическим сознанием вскрывает диалектику их нормопроявления. С одной стороны, опыт эстетических отношений и

эстетические воззрения общества становятся нормой для эстетизации индивида; с другой — высокоразвитый эстетический вкус индивида может выступать нормой, образцом и критерием для массового эстетического сознания. Так, эстетические воззрения Дидро, Канта, Белинского, Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Луначарского и т. д. представляют общечеловеческую ценность.

В заключение отметим, что нами предприняты лишь первые и весьма робкие попытки осознания нормы как аспекта системы эстетического сознания. Однако убеждение в том, что эстетическое сознание является носителем нормально-нормативных качеств, придает уверенность в необходимости углубленного анализа нормопроявлений эстетического сознания, ибо это важно как для теории, так и для практики эстетического освоения действительности.

О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ

В. М. ВИДГОФ

«Наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны»¹.

Развитие человеческого общества не сразу формирует такую эмоцию, какую мы сегодня называем эстетической. Начиная от чувственно-конкретного отражения бытия до приобретения способности созерцать, оценивать плоды своих усилий в уже очеловеченной среде, — вот дистанция эволюционного созревания эстетической эмоции. Интересные данные по этому поводу мы находим у академика А. П. Окладникова. Если процесс становления человека и общества, по его мнению, начинается по крайней мере полтора миллиона лет назад, то зачатки эстетического отношения, первые проявления эстетических эмоций датируются около 60—40 тысяч лет тому назад². На богатейшем археологическом и этнографическом материале А. П. Окладников обосновывает тезис о том, что эстетическое переживание появилось не как продукт отражения якобы существующего в природе еще до человека элемента эстетического (и в этом отношении он справедливо критикует И. Б. Астахова), но как качественный скачок в познавательной деятельности человека, как высокий уровень социализации индивида, как продукт **социального** освоения действительности. Исследуя истоки восприятия цвета, А. П. Окладников утверждает, что цвет как реальное свойство природы многие сотни тысячелетий оставался за пределами первобытного сознания неандертальца. Выделение из всей массы явлений окружаю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 446.

² См.: Окладников А. П. Утро искусства. — М., 1967, с. 24, 113.

щего мира цвета, его осознание было связано не с особого рода зрительными ощущениями, но прежде всего с небывалой по интенсивности и сложности работой человеческого мозга. Цвет стал воспринимаем благодаря ассоциативному способу мышления, отражающему богатство социального опыта. Мыслить по ассоциации — это приобретенная в освоении мира сугубо социальная способность. Обращая на это внимание, Г. В. Плеханов в «Письмах без адреса» подчеркивал, что «ощущения, вызываемые известным сочетанием цветов или формой предметов, даже у первобытных народов ассоциируются с весьма сложными идеями... Многие из таких форм и сочетаний кажутся им красивыми только благодаря ассоциации»³.

В психическом отношении ассоциативное мышление представляет собой высокий уровень воображения, его собственно человеческую форму. Известно ведь, что наука не отрицает наличие элементов воображения и у животных; однако работа животного с моделью мира, данной в его воображении, весьма ограничена, да и модель крайне примитивна, ибо в ней проецируется в будущее только то, что было в прошлом, почти не видоизменяя ранее приобретенный опыт⁴.

Человеческий этап воображения, как высший уровень социального отражения, характеризуется активным, творческим началом. Это значит, что воображение предполагает максимальную мысленную переработку и преобразование исходного образного материала, дающего возможность строить будущее иным, чем было прошлое. «Чтобы преобразовывать действительность на практике, — пишет С. Л. Рубинштейн, — нужно уметь преобразовывать ее и мысленно. Эту потребность удовлетворяет воображение»⁵.

Важнейшую роль в процессе ассоциативного мышления в воображении играет память. Именно она дает исходный образный материал для построения мысленной модели мира. Хотя память никогда не отражает мир абсолютно точно, вместе с тем она позволяет даже самой «буйной» фантазии сохранять связь с реальностью. Благодаря этому возникает преемственность между старым и новым опытом, обычно проявляющаяся в обнаружении некоторых черт старого опыта в структуре нового и т. д.

³ Плеханов Г. В. Литература и эстетика. — М.: ГИХЛ, 1958, с. 10—11.

⁴ См.: Беркинблит М., Петровский А. Фантазия и реальность. — М., 1968, с. 20—21.

⁵ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии, с. 324.

Таким образом, запечатлевая в себе приобретенный социальный опыт, воображение предоставляет возможность человеку как бы выйти за рамки конкретно-чувственного взаимодействия с предметом и с этой новой ступеньки оценить плоды своего труда, регулировать свои дальнейшие действия и т. д., то есть отражать мир сквозь призму известного ему социального опыта.

В гносеологическом отношении такую способность отражения можно назвать интеллектуальным и эмоциональным удвоением. Поясним эту мысль.

Объясняя эффект двойного выражения эмоций, психологи исходят из той несомненной связи, которая существует между эмоциями и фантазией. В частности, Л. С. Выготский, опираясь на данные экспериментальных исследований, показывает способность наших эмоций выражаться в телесной (мимика, пантомимика и т. д.) форме и в форме фантастических представлений и образов, возникающих на единой биологической основе. «Все фантастические и нереальные наши переживания, — пишет Л. С. Выготский, — в сущности протекают на совершенно реальной эмоциональной основе. Таким образом, мы видим, что чувство и фантазия являются не двумя друг от друга отделенными процессами, но в сущности одним и тем же процессом, и мы вправе смотреть на фантазию как на центральное выражение эмоциональной реакции»⁶.

Опираясь на данные психологии, мы приходим к выводу, что эмоциональное и интеллектуальное удвоение есть не что иное, как реализация в формах фантазии той социальной информации, которая не смогла получить своего выхода на уровне конкретно-чувственного контакта с миром, на уровне эмоционального языка общения, как первичной формы объективированного сознания. То есть речь идет о том, что в процессе социализации человека возникает такой момент, когда средства материального общения людей, язык их реальной жизни оказались весьма ограниченными и несовершенными для передачи накопившегося социального опыта. В связи с этим человек посредством воображения выходит за рамки непосредственного мышления в сферу отвлеченных, абстрагированных настроений, в сферу фантазий. «С этого момента, — пишет К. Маркс, — сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории...»⁷.

⁶ Выготский Л. С. Психология искусства, с. 265.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 30.

Таким образом, нереализованная в предметно-чувственной сфере эмоция находит выход в воображении в форме образного мышления. Отсюда сама эта форма и есть объективированное выражение эмоции. С другой стороны, возникновение эмоциональной реакции на эту мысль есть эмоция высшего порядка, снимающая в себе содержание воображаемой мысли.

Проследим переход эмоции в мысль и мысли в эмоцию на примере стихотворения В. В. Маяковского «Прозаседавшиеся»⁸.

	Взъяренный, на заседание врываюсь лавиной, дикие проклятья дорогой изрыгая. И вижу Сидят людей половины. О, дьявольщина. Где же половина другая.
a	«Зарезали. Убили».
a ₁	От страшной картины свихнулся разум...
a ₂	...С волнения не уснешь...

Знаки a , a_1 , a_2 обозначают разные уровни проявления эмоций. Так, a — выражение эмоции на уровне конкретно-чувственного контакта с миром; a_1 — реакция на a или ее объективированное выражение в рамках воображения в форме мысли; предметом эмоционального переживания a_2 является a_1 , то есть предметом эмоции a_2 стало содержание воображаемой мысли. Таким образом, объективация эмоции в рамках сознания есть процесс ее интеллектуализации. Результатом этого процесса является **мысль как объективированная форма эмоции**. Эмоциональная реакция на эту мысль есть процесс субъективации, то есть снятие в эмоциональной форме содержания воображаемой мысли. **Диалектика объективированной и субъективированной форм эмоционального отражения в рамках воображения — есть отображение сознанием реальной диалектики между субъектом и объектом**. Это отображение и есть качественно иное, вторичное проявление как эмоции, так и интеллекта.

Итак, если в реальном взаимодействии с действительностью предметом эмоционального и интеллектуального отражения

⁸ Маяковский В. В. Собр. соч., т. 3, 1963, с. 22.

являлись сами предметы жизненной реальности, то в воображении предметом отражения выступает мысль об этой реальности или эмоциональное отражение этой мысли.

В этом плане эстетическая эмоция относится к разряду высших социальных эмоций, имеющих интеллектуальное основание, содержание которого определяется выражением богатства сущностных сил человека.

ИСКУССТВО КАК СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

(на материалах конкретно-социологического обследования)

Л. С. СЫСОЕВА

Среди многообразных форм эстетического воздействия на личность искусство является специализированным средством эстетического воспитания. Сущность эстетической функции искусства как формы общественного сознания состоит в формировании личности по законам красоты, по законам человеческого совершенства. Формирование прекрасной индивидуальности — это эстетический аспект формирования гармонической, всесторонне развитой личности. Воспитание прекрасной индивидуальности означает совершенствование всех сторон личности как совокупности общественных отношений.

Следовательно, формирование личности по законам красоты охватывает и нравственные, и политические, и интеллектуальные, и экономические ее параметры. Вот почему инструментом эстетического воспитания и выступает такое целостное образование, как художественный образ. В соответствии с многообразием свойств личности художественный образ также несет в себе полиаспектное содержание, объясняющее полиаспектность эстетической функции искусства. Это обеспечивает искусству и его специализированному инструменту воздействия — художественному образу важную роль в совершенствовании человека. Именно поэтому эстетическое воспитание осуществляется через непосредственное и каждодневное общение с искусством. Путем этого общения человеку передается «мощь человечества, живущая в поэте», общественно вырабатываемые эстетические идеалы. Г. Н. Троёпольский, выступая перед читателями, таким образом определил первостепенную задачу художника, писателя: «На мой взгляд, перед нами, перед литературой встает особо важная проблема — проблема совершенствования человека. И в этом смысле главной линией литературы видится мне прежде всего воспитание чувств: доброты, доверия, преданности, верности дружбе, верности долгу, умения чувствовать природу в ее величественной простоте,

умения понять другого и сопереживать горе другого — вот чувства, отличающие высокий интеллект»¹. По отношению к современному студенчеству это означает, что процесс высшего профессионального образования должен непременно включать в себя и гуманистическое воспитание, в том числе и через искусство. Развитие человеческих качеств не заканчивается в средней школе. Высшая школа ответственна за формирование социальной зрелости студента, за ликвидацию нравственного инфантилизма, становление гражданственности. От будущего специалиста требуется высокий профессионализм, одновременно предполагающий высокую культуру, широкую эрудицию, истинную интеллигентность.

То конкретно-социологическое обследование, которое провела кафедра этики и эстетики, и ставило цель — проверить студенческую аудиторию на прочность и широту контакта с искусством — главным каналом эстетического воспитания. Было проанкетировано 307 студентов второго—третьего курсов машиностроительного факультета (МСФ) и факультета автоматики и электромеханики (АЭМФ) политехнического института, архитектурного факультета (АФ) инженерно-строительного института и экономического факультета (ЭФ) университета.

Первый вопрос анкеты ставил задачу определить, с каких позиций происходит восприятие искусства. При обработке ответов выяснилось, что наибольшее число голосов собрали вместе параметры «искусство расширяет мой кругозор» и «искусство помогает понимать жизнь и людей». 66% студентов подходит к искусству преимущественно с гносеологической, познавательной точки зрения. Бесспорно, без познавательной функции нет искусства как формы общественного сознания. Однако при восприятии искусства важно не только познавать, важно сопереживать, жить одной жизнью с героями, их чувствами, мыслями. Искусство только тогда добьется своей цели, когда оно вызывает все те эмоционально-катарсические явления, без которых невозможно эстетическое наслаждение искусством. Собственно эстетический подход был запрограммирован именно в этих функциях искусства, которые были отмечены в качестве важнейших 40% студентов.

Развлекательно-терапевтический и эскапистский подходы к искусству выражены незначительно: соответственно 15 и 22% студентов, наряду с другими функциями, указали на важность, существенность таких параметров, как «искусство служит в

¹ Литературная газета, 1980, № 5, 30 янв.

основном для развлечения, снятия напряжения, усталости» и «отвлекает от будничных житейских забот». Причем в «чистом виде» развлекательно-терапевтический и эскапистский подходы представлены в единичных случаях.

Художественные способности более всего искусство развивает у студентов-архитекторов. Это подчеркнуло 40 % студентов, готовящихся к деятельности по эстетизации материально-предметного мира. Странно только, почему 40 %, а не все.

Никто из студентов не отметил пункта «к искусству отношусь равнодушно», то есть студенчество входит в ту социальную категорию людей, которые придают большое значение искусству в жизни общества, считают его неотъемлемым элементом личностного социально-ориентированного бытия. В нее также входят преимущественно научно-технические работники, гуманитарная интеллигенция, руководители хозяйственных и общественных организаций².

Каков же выход студентов на «прямую связь» с искусством, каковы их любимые виды искусства и непосредственный уровень его «потребления», а также предпочтения в различных видах искусства?

55 % всех опрошенных указало в числе любимых видов искусства художественную литературу (прозу), что позволило этому виду искусства по степени предпочтения занять первое место. На второе место вышли эстрадные концерты. 47 % студентов указали их в числе любимых видов искусства. На третьем месте — кино художественное (44,6 %), на четвертом — театр драмы и комедии (24,4 %). Причем данные по факультетам несколько отличаются от суммарных.

На МСФ I место заняли эстрадные концерты
II место — " — литература (проза)
III место — " — кино художественное
IV место — " — театр драмы, комедии.

На АЭМФ I место заняло кино художественное
II место — " — художественная литература
III место — " — театр драмы, комедии
IV место — " — телевидение.

На АФ I место заняли живопись, графика
II место — " — архитектура
III место — " — художественная литература
IV место — театр драмы, комедии.

² Эстетическое развитие и воспитание молодежи. — М., 1978, с. 196.

Не популярны среди студентов виды и жанры искусства: литературный концерт, народные песни и танцы, цирк, декоративно-прикладные искусства (кроме АФ), архитектура (кроме АФ), театр оперы и балета. На технических факультетах, как видим, лидирует более легкий жанр искусства — эстрадный концерт, или более легко усваиваемый и более зрелищный — кино.

Непосредственная стойкость впечатлений, идеалов, знаний в области различных видов искусства проверялась конкретно поставленными вопросами.

Не выполнило задание, в которое входило предложение назвать авторов пятнадцати известных произведений, 15% студентов. Большинство (71,6%) назвало от одного до трех авторов, то есть обнаружило невысокую осведомленность в области художественной литературы. Круг чтения большинства к середине второго — третьего курсов практически не вышел за рамки школьной или околошкольной литературы, так как среди названных — наиболее известные произведения: «Фауст» Гете, «Русский лес» Л. Леонова, «Божественная комедия» Данте. Камнем преткновения оказалось произведение «Деревня». Большинство ответивших связывало его со стихотворением Пушкина, многие — Некрасова. Действительно, Некрасов писал о деревне, но такого стихотворения у него нет. Никто не назвал произведение Бунина, и только один студент (с МСФ) назвал повесть Григоровича. Редко указывался Л. Андреев как автор «Рассказа о семи повешенных», Л. Толстой как автор «Смерти Ивана Ильича», Н. Лесков как автор «Леди Макбет Мценского уезда», В. Шекспир как автор «Тимона Афинского». Конечно, в анкете были предложены для «опознавания» не самые общеизвестные произведения, о которых неприменно слышали, даже если не читали. У Л. Толстого мы взяли не «Анну Каренину» и не «Воскресенье», а у Шекспира не «Ромео и Джульетту», не «Отелло» и не «Гамлета». Однако Шекспир и по сей день остается самым современным писателем. Поэт Евгений Евтушенко, отмечая этот факт, пишет:

Кто самый острый,
современный
писатель? — спорит целый мир.
Знаток я может не отменный,
ну а по-моему, Шекспир³.

³ Евтушенко Евгений. Отцовский слух. — М., 1975.

Если на МСФ авторов более 1/3 произведений указало всего 6% студентов, на АФ — 8%, то на АЭМФ уже более 17%, а на ЭФ — 34%. Более трети будущих экономистов обнаружило сравнительно хороший уровень знания художественной литературы.

Следующий тест по художественной литературе проверял надежность полученных данных в предыдущем задании. Ответы на этот тест несколько улучшили картину знакомства с художественной литературой. Нужно было указать произведение и автора по названному герою. Не справилось с заданием 13% студентов. 61,6% назвали меньше 1/3 произведений, т. е. обнаружили невысокий уровень эрудиции. Наиболее известны Вера Павловна Н. Г. Чернышевского, Саня Григорьев В. Каверина, Телегин А. Толстого и Серпилин К. Симонова. Для студентов всех вузов характерен такой казус: Райский, наверное, по созвучию с Раневской был перенесен многими в «Вишневый сад» А. П. Чехова. Например, на АЭМФ это сделало 23% студентов. Иногда в «Вишневый сад» помещается и Вера Павловна. А ведь «Вишневый сад» изучается в девятом классе средней школы. Среднее количество «эрудитов» в этом вопросе, равное одной четверти, на ЭФ поднимается до 37%. Эти студенты знают и Воланда, и Андрея Княжко, и Фрези Грант, и даже Индиану.

Еще одно задание по художественной литературе — назвать семь наиболее взволновавших произведений советских писателей — ставило цель проверить серьезность вкусов, предпочтений, эстетическую зрелость и искренность в этой области. Лишь 20% студентов назвали требуемое количество произведений. Среди 115 авторов, названных всеми, на первое место по предпочтению вышел Ан. Иванов со своим романом «Вечный зов», на второе — «Поднятая целина» и другие произведения М. Шолохова, на третье, по сводным данным, — произведения К. Симонова «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются». На АФ первое место занял роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», а «Вечный зов» — второе. Чаше других все студенты называют произведения Б. Васильева, Г. Маркова, В. Шукшина, И. Ефремова, Ал. Толстого, В. Липатова. Характерно, что по результатам обследования аспирантов, соискателей и преподавателей ТПИ «Вечный зов» Ан. Иванова также занял первое место. Такое единодушие в оценке произведения, удостоенного Государственной премии, свидетельствует о серьезно-

сти эстетических интересов данной аудитории. Но именно аудитории, так как бесспорно, такое фокусирование интересов все-таки скорректировано сериалом того же названия, многократно показанного по телевидению. Вследствие этого уровень читаемости литературы, конечно, ниже, о чём свидетельствуют некоторые косвенные данные. Очень часто персональная характеристика героев связывается с именами актеров, их исполняющих: то с Е. Копеляном, то с Вельяминовым и др. С произведениями других авторов и героями происходит то же самое.

Отношение к поэзии, эстетические предпочтения в этом жанре выявил вопрос — «ваш любимый поэт». Многие среди зарубежных поэтов не определили любимого. Среди названных поэтов (в порядке предпочтения) — Гете, Байрон, Шекспир, Лорка, Неруда. Полное единомыслие проявили студенты, назвав Пушкина любимым русским поэтом. Затем идут имена Лермонтова, Некрасова, Блока, Есенина. Любимый советский поэт — Роберт Рождественский, затем названы Евтушенко, Вознесенский, Маяковский, Есенин. Однако часто встречается и Э. Асадов.

Заключительный вопрос о художественной литературе — «сколько читаете?» выявил частое несовпадение субъективной меры уровня читаемости с объективной. Среди студентов нередко встречаются такие, которые не могли вспомнить семь произведений, особенно взволновавших их. Первое место по сводным данным занял ответ «читаю одну — две книги в месяц» (40%), второе — ответ «одну — две книги в неделю» (23%), третье — «несколько книг в году» (20%).

Задание по киноискусству ставило цель определить, каково же его восприятие. В целом оно мало персонифицировано. А между тем кинофильмы — это тоже авторские произведения, связанные индивидуальной концепцией видения, понимания и оценки изображаемых событий, творческим подчерком, талантом режиссера. Настоящий зритель выступает своеобразным соавтором фильма, режиссируя по нему свои жизненные установки. Опрос показал, это из десяти всемирно известных режиссеров 60% студентов не знали ни одного. Причем этот процент выше всего на МСФ — 74%, на АЭМФ — 63, на АФ — 56%, на ЭФ — он значительно ниже среднего — 31%. Наиболее известны С. Эйзенштейн и А. Тарковский. Известность Эйзенштейна не требует объяснения. Известность А. Тарковского, на мой взгляд, объясня-

ется прежде всего премьерой фильма «Сталкер» в Томске и необычностью, непохожестью художественной манеры. Совсем не называли режиссера Антониони, мало знают Феллини, Чухрая, немного лучше — Висконти, Курасаву, Козинцева. Вместо Гайдая часто называют Э. Рязанова, приписывая ему создание большинства комедийных фильмов.

Обычно без режиссеров называются и фильмы; наиболее заинтересовавшие зрителя (из фильмов, идущих в последние годы). Требуемое количество — семь отечественных и три зарубежных, как правило, не подыскивается. Исключение в авторском плане составляют фильмы Э. Рязанова «Служебный роман» и «Ирония судьбы...», занявшие по популярности первое место, второе место — «Калина красная» В. Шукшина, большинством названная с именем режиссера, третье — фильм «Они сражались за Родину» С. Бондарчука, имя которого называется в половине случаев, и фильм «Освобождение» Ю. Озерова, редко называемый с именем режиссера. Чаше других называются в числе лучших фильмы «Вечный зов», «Тени исчезают в полдень», «А зори здесь тихие», «Семнадцать мгновений весны», обычно без указания имени режиссера. Иногда называют имена таких режиссеров, как Г. Козинцев, А. Михалков-Кончаловский, Н. Михалков, Ю. Райзман.

Зарубежные фильмы называются реже и, как правило, без режиссеров. Исключение — Л. Висконти с недавно прошедшими на советском экране фильмами «Невинный» и «Семейный портрет в интерьере». Самый популярный фильм, занявший первое место по числу почитателей, — «Каскадеры». На втором месте — «Невинный», на третьем — «Клеопатра» и «Леди Каролина Лем». В числе лучших называются также «Игрушка», «И дождь смывает все следы».

В число лучших фильмов, указанных студентами, наряду с действительными художественными ценностями, такими, как «Загнанных лошадей пристреливают...» С. Поллока, «Погоня» А. Пенна, «Признание комиссара полиции прокурору республики» Д. Дамиани, попали фильмы псевдоисторические, мелодраматичные, типично «масскультовские» — «Клеопатра», «Звуки музыки», «Горбун», «Викинг», «Легенда о динозавре», малохудожественные арабско-индийские фильмы. Все это говорит о том, что художественный вкус студентов нуждается в постоянной корреляции в направле-

нии от псевдокультуры к истинным художественным ценностям.

Анкетные данные об уровне художественной эрудиции в области живописи позволили составить такую картину.

Не указали ни одного произведения живописи пятнадцати перечисленных художников отечественной и зарубежной классики 11,4% студентов. 55% назвали меньше 1/3 произведений. Исключение составляют студенты-архитекторы, 44% которых знает меньше половины названных живописцев, 66% — больше половины. Высокий уровень знания у них объясняется, во-первых, тем, что они прослушали годовой курс истории искусств, и, во-вторых, — профессиональной ориентацией. Хуже всех показатели на МСФ, не блещут знаниями в этой сфере художественной деятельности студенты-экономисты, уступая студентам АЭМФ.

Наиболее известны чаще всего репродуцированные полотна — «Мона Лиза», или «Джоконда», Леонардо да Винчи, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, «Боярыня Морозова» Сурикова, «Бурлаки» Репина. Ренуар, П. Брейгель, Дюрер, Ван-Гог, Дали не известны или мало известны. Немного лучше знают Левитана, Крамского, Врубеля, Кустодиева.

К сожалению, мало заполнены были анкеты именами советских художников. На просьбу назвать десять имен советских художников не смогли откликнуться 73% студентов. Причем по факультетам, кроме архитектурного, этот процент еще выше: 83% на МСФ, 79 — на АЭМФ, 76 — на ЭФ, 20 — на АФ. В среднем у остальных названо два — три художника, у будущих архитекторов, естественно, больше.

Первое место по известности заняли Кукрыниксы (Куприянов, Крылов, Соколов), второе — Дейнека, третье — Петров-Водкин. Всего названо около пятидесяти имен, то есть информация о советских художниках имеется, только не все ею пользуются. Контакт с живописью должен быть усилен, и в вузах есть технические возможности репродуцирования живописи через слайды и использование их на лекциях по эстетике.

Такая же примерно картина обнаружилась в области знакомства со скульптурой. Ни одного советского скульптора не назвало 65% студентов, ни одного зарубежного — 85% опрошенных. Причем процент значительно выше у студентов технических специальностей.

На МСФ — 73 и 93% соответственно

На АЭМФ — 82 и 91% —,

На ЭФ — 60 и 90% —,,—

На АФ — 24 и 44% —,,—

Известны более всего советские скульпторы Мухина, Томский, Коненков, Вучетич, зарубежные — Микеланджело и Роден.

По театру был предложен тест в виде двенадцати спектаклей, в основном репертуар нашего театра 1979/80 гг. Нужно было назвать авторов пьес. Не справились с заданием, то есть не «опознали» ни одного из спектаклей, 27% студентов. Назвали половину и больше всего 17 человек, то есть в «театралы» попало только 5,5% студентов. Остальные «опознали» два — три спектакля. Наиболее известны «Клоп» Маяковского и «Женитьба» Гоголя. Затем идет «Васса Железнова» Горького и, наконец, спектакль по роману Залыгина «Соленая падь», на который были организованы коллективные выходы, предусмотренные практикой по эстетике. А вот известность пьес Маяковского, Гоголя, Горького еще не означает, что студент эти спектакли смотрел. Практические занятия по театру, как виду искусства, с просмотром спектаклей ТДТ, проводимые кафедрой эстетики, на этом фоне выглядят весьма актуальными и крайне необходимыми. Редкое посещение спектаклей ТДТ обнаружилось и в плохом знакомстве с его актерами. Ни одного актера не знают на МСФ — 87% студентов, на АЭМФ — 85, на АФ — 68, на ЭФ — 58% опрошенных.

Анализ анкетных данных по музыкальному искусству прежде всего был связан с вопросом посещаемости филармонии. «В филармонии никогда не был», — так ответило 30% студентов. На втором месте ответ: «в филармонии был свыше года назад» — 20%. Как видим, у 50% студентов контакты с настоящим искусством ослаблены.

Жанровой победительницей, как и предполагалось по визуальным наблюдениям, вышла эстрадная музыка. 82,7% студентов всех факультетов слушают ее «с большим удовольствием». По этому параметру на втором месте — танцевальная музыка (56%), на третьем — музыка в стиле «рок» и народная (46%). По параметру «слушаю и пытаюсь понять» на первом месте симфоническая музыка. 52% студентов именно так определили свое отношение к этому жанру. По параметрам «безразличен» и «не нравится» все жанры опередила оперная музыка: 32% студентов безразличны к ней, 22% ее не любят. Такая шкала оценок! Что это? Веяние времени или односторонность действенности средств

массовой информации? В этом предстоит еще разобраться.

Студентам-архитекторам был предложен дополнительный тест: нужно было назвать авторов десяти наиболее выдающихся памятников архитектуры и произведений зодчества. Хотя студентами архитектура была занесена в число любимых видов искусства, профессионального всплеска эрудиции в этом вопросе пока не обнаружилось, 16% студентов не назвали ни одного автора, 72%, то есть большинство, сумели правильно назвать от одного до пяти. Наиболее известны архитекторы Щусев, Растрелли, Захаров, Монферран. Здание Томского университета приписывается архитектору Крячкову, никто не назвал Бруни.

Может быть, лучше обстоит дело с эстетическим созданием, нежели с «потреблением»? Отвечая на вопрос о личном участии в художественном творчестве, 37% студентов воздержались от ответа, 13% — ответили «ничем не занимаюсь». Есть основание предполагать, что не ответившие не нашли своего вида художественного творчества в анкете — художественного конструирования, дизайна на технических факультетах, а сами не внесли, хотя анкета это предлагала. Ведь человек по натуре своей художник, и всюду он стремится вносить красоту, а значит, в первую очередь в тот вид деятельности, которым человек занимается. Если же это предположение убрать, тогда появляется основание говорить, что никаким видом художественного творчества не занимаются 50% студентов. Причем этот процент полярен на АФ и МСФ: 16 и 62% соответственно. Среди ответивших 50% занимаются художественным творчеством. Самый распространенный ответ — «пою и танцую», на втором месте — прикладные искусства (выпиливание, резьба по дереву, чеканка, вышивание, вязание), на третьем — художественная фотография. Есть, разумеется, и такие, кто играет на фортепьяно, гитаре, баяне, занимается в оркестре народных инструментов, рисованием, пишет стихи, рассказы. Причем рисование, валяние, лепка, естественно, преобладают у студентов-архитекторов, где почти отсутствуют ответы «пою, танцую», «занимаюсь художественной фотографией». Среди причин, объясняющих отсутствие художественных занятий, чаще всего — нехватка времени, отсутствие желания, способностей, наличие другого хобби (спорт, филателия, техника). Такова в целом картина приобщения к искусству, через которое происходит интимно-личностное постижение смысла мира и его человеческой сущности. Ко-

нечно, мы не склонны абсолютизировать выводы из наших данных. Можно быть эстетически развитым человеком, не зная тех или иных произведений. Большинство тестов нашей анкеты действительно во многом проверяют эрудицию и память, а не уровень эстетического развития, который объективно может быть измерен только высотой самих личностных параметров, проявляющихся в деятельности человека, профессиональной и общественной.

В основу нашего обследования были положены анкеты Ленинградской социологической лаборатории при ЛГУ. Теперь, после обработки, несмотря на основательность анкеты, видны некоторые просчеты в самом ее материале, в группировке вопросов. Исходя из нашего «пробного» обследования, все же определенно видно, что эстетическое воспитание нужно направлять, им нужно руководить. Это тем более важно, что школа оставляет в наследство вузу реальные недостатки: первый — из всех искусств школьник «проходит» только литературу, а второй, что он ее проходит, так и не приобщившись по-настоящему к ней. Однако мы знаем, как вдумчиво, деликатно, бережно и сокровенно относились и относятся к искусству гении науки: А. Эйнштейн, М. Борн, Э. Резерфорд, академики С. И. Вавилов, А. Берг, А. Китайгородский, В. Амбарцумян и многие другие. Я сошлюсь лишь на слова летчика-испытателя, героя Советского Союза, профессора М. М. Громова: «Не может быть, на мой взгляд, настоящего специалиста ни в одной области, если он глух к звукам, не видит красок, не способен наслаждаться магией поэтических строк»⁴.

Эстетическое воспитание нужно начинать с формирования личностной эстетической потребности. Общественная эстетическая потребность, возникшая в социально-деятельном бытии человека и связанная с деятельностью гармонизации мира в соответствии с мерой человеческого совершенства, должна стать потребностью каждого индивида. Устойчивая личностная эстетическая потребность непременно обратит человека к миру искусства, которое, с одной стороны, организует самого человека, его идеи, мысли, чувства, а с другой — быт и среду человека, призывая и его самого творить по законам красоты. И это формирование устойчивой потребности осуществляется не только средствами искусства, но и другими средствами общественного

⁴ Литературная газета, 1980, № 5, 30 янв., с. 4.

воспитания. В этом процессе наблюдается такая зависимость: если искусство формирует цельную личность с высоким интеллектуально-нравственным потенциалом, то, в свою очередь, общественно-ориентированная личность непременно обращена к искусству. Прогрессивные тенденции развития цивилизации расходятся с установками оракулов, предупреждающих гибель культуры, где первое место отводилось искусству. В частности, О. Шпенглер в своей книге «Закат Европы» давал такие рекомендации новому поколению: «Если под влиянием этой книги люди нового поколения возмущаются за технику вместо лирики, за мореходное дело вместо живописи, за политику вместо теории познания, они поступят так, как я того желаю, и ничего лучшего им нельзя пожелать»⁵.

В условиях современной научно-технической революции роль гуманизирующего фактора искусства не только не сокращается, но и возрастает, так как искусство постоянно несет в себе человеческий вектор происходящих событий, осуществляет поиски гармонии огромной научно-технической преобразующей силы с гуманным началом. Профессиональная деятельность, пронизанная эстетической потребностью, увеличивает степень своего совершенства, преодолевает профессиональную односторонность и дает возможность избежать «профессионального кретинизма» (Маркс).

Преподавание эстетики в вузах должно способствовать ликвидации эстетического дефицита, особенно в техническом вузе, помочь разобраться в огромном потоке эстетической информации, и тем самым внести свой вклад в гуманизацию человеческого знания и личности.

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. — М—Л., 1923, т. 1, с. 40.

РОЛЬ ИСКУССТВА В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Э. В. БУРМАКИН

«Сегодня мы можем сказать, что подход XXIV съезда к вопросам литературы и искусства полностью себя оправдал. Для истекших лет характерна дальнейшая активизация деятельности творческой интеллигенции, которая вносит все более весомый вклад в общепартийное дело строительства коммунистического общества»¹. — Так говорится в Отчетном докладе XXV съезду КПСС.

Как известно, XXIV съезд КПСС сформулировал важнейшее положение для развития социалистического искусства и литературы: «С продвижением нашего общества по пути коммунистического строительства возрастает роль литературы и искусства в формировании мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений, духовной культуры»².

Столь высокая оценка роли и места литературы и искусства в идеологической работе характерна для Коммунистической партии на всех этапах великой борьбы за социальное переустройство мира и самого человека. Еще в работе «Что делать?» Владимир-Ильич Ленин связывал развитие русской классической литературы и ее всемирное значение с развитием социалистической идеологии. А в своем труде «Партийная организация и партийная литература», где сформулированы ведущие принципы социалистического искусства, В. И. Ленин глубоко обосновывает единство «задач искусства и социалистической идеологии», единство «конечных целей художественного творчества и идеологической работы партии»³.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976, с. 79.

² XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. — М., 1971, т. 1, с. 108.

³ Лукин Ю. А. Художественная культура зрелого социализма. — М.: Искусство, 1977, с. 130.

Этот ленинский подход, связывающий художественное творчество со всей идеологической работой партии, пронизывает все партийные документы по вопросам литературы и искусства, начиная с письма ЦК РКП(б) 1920 года «О пролеткультах», до принципиальных положений XXIV и XXV съездов КПСС и специальных постановлений ЦК последних лет по актуальным проблемам художественного творчества, кинематографии, литературно-художественной критики, идейно-воспитательной работы в трудовых коллективах и т. д.

На XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев обосновал глубокую идею комплексного подхода ко всему делу воспитания, который означает единство идейно-политического, трудового, и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп населения⁴. Это теоретическое положение имеет громадное практическое значение при решении задач, ведущих к самой высокой нашей цели — всестороннему и гармоническому развитию личности.

Хотелось бы далее присоединиться к мыслям, высказанным известным советским философом В. К. Скатерщиковым: «В понятие всестороннего развития личности необходимо включать не только ее высокую многогранную образованность, умения в области профессиональной деятельности, но необходимую для человека социалистического общества теснейшую связь этих качеств с марксистско-ленинским мировоззрением, гражданственностью, коллективизмом, социальной ответственностью и сознательностью, готовностью волей и умением строить коммунизм. И здесь фактор эстетического воспитания выступает как один из стимулирующих такое развитие»⁵.

Думается, можно было сказать и более определенно относительно роли эстетического воспитания, связанного с воздействием на человека литературы и искусства, — оно имеет не только стимулирующее значение, но играет важную самостоятельную роль. Могучим средством познания и орудием борьбы за социалистическое и коммунистическое переустройство мира стало советское искусство. Мы называем имена таких литературных героев, как Павел Власов, Чапаев, Павел Корчагин, Платон Кречет, Василий Теркин, молодогвардейцы, Алексей

⁴ Материалы XXV съезда КПСС, с. 74.

⁵ Скатерщиков В. К. XXV съезд КПСС и проблемы эстетики. — М.: Знание, 1977, с. 32.

Мересьев, и понимаем, что это, с одной стороны, отражение истории развития и становления нового социалистического общества, а с другой — могучее средство воспитания, ибо на примере жизни этих и многих других героев воспитано не одно поколение людей.

Особая значимость литературы и искусства состоит в том, что они развивают у человека не частную, а универсальную способность воспринимать мир в чувственных формах. Что, заметим, роднит искусство с философией и мировоззрением.

Не случайно в развитом социалистическом обществе эстетическому воспитанию придается особое значение. Возрастающие роли эстетического воспитания сегодня связано с действием и следствиями научно-технической революции. В социалистическом обществе все более исчезают, стираются социальные различия между людьми и на первое место выдвигаются различия в уровне культуры. Эстетическое образование и воспитание помогают преодолеть эти различия, поскольку эстетическая культура есть необходимая грань, часть общей культуры. Эстетическое развитие помогает преодолеть и некоторые противоречия между профессиональными и непрофессиональными интересами, преодолеть ограниченность специализированных знаний и обучения, приобщая человека к достижениям мировой культуры, удовлетворяя его общечеловеческие потребности.

В работах классиков марксизма-ленинизма, в работах современных философов-марксистов сформулированы основные черты коммунистического мировоззрения. Оно, прежде всего, есть система убеждений и общих взглядов на объективный мир и на отношение человека к этому миру. Оно вырабатывается на основе марксистско-ленинской теории и важнейших выводов из революционной борьбы трудящихся против всех видов и форм эксплуатации, а также из важнейших выводов естественных и общественных наук. Эта система взглядов и убеждений приобретает роль руководящих принципов в поведении человека, в определении путей и методов познания и коммунистического преобразования мира. Единство профессиональных и мировоззренческих интересов является основой гармонического развития личности.

Если учесть, что эстетическая оценка действительности в литературе и искусстве осуществляется с позиций идеологически, классово окрашенного идеала, то станет понятной

выдающаяся роль искусства в формировании мировоззрения и эмоционально направленном воспитании.

Алексей Максимович Горький писал: «Социалистический реализм направлен на борьбу с пережитками «старого мира», с его тлетворным влиянием — на искоренение этих влияний. Но главная его задача сводится к возбуждению социалистического, революционного миропонимания, мироощущения»⁶.

В речи при вручении ему Нобелевской премии Михаил Александрович Шолохов сказал: «Я говорю о реализме, несущем идею обновления жизни, переделки ее на благо человеку. Я говорю, разумеется, о таком реализме, который мы называем сейчас социалистическим. Его своеобразие в том, что он **выражает мировоззрение**, не приемлющее ни созерцательности, ни ухода от действительности, зовущее к борьбе за прогресс человечества, дающее возможность постигнуть цели, близкие миллионам людей, осветить им путь борьбы»⁷.

Так, по мнению двух крупнейших художников нашего времени, социалистический реализм и коммунистическое мировоззрение нерасторжимы, и главной почетной задачей социалистического искусства и литературы является задача служить делу борьбы за коммунистическое мировоззрение, возбуждение, по словам Горького, социалистического миропонимания.

Когда современная эстетика говорит о полифункциональности искусства, то она, несомненно, в принципе права. Однако в конкретной расшифровке этого положения иной раз наиболее важные социальные — идейно-воспитательные, познавательно-оценочные функции искусства оказываются в тени. Вот почему сегодня представляется чрезвычайно важным подчеркивание мировоззренческой функции искусства, выделение ее, как относительно самостоятельной, в ряду других его функций. Конечно, в конце концов дело заключается не в том, признает или не признает современная эстетика необходимость выделения в качестве самостоятельной мировоззренческой функции искусства, главное состоит в том, чтобы верно видеть и оценивать место и значение каждой функции, каждого элемента искусства. В процессе научного анализа необходимо вскрывать сложную диалектику взаимодействия всех сторон искусства. Между тем

⁶ Горький А. М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 30, с. 382.

⁷ Правда, 1965, 11 дек.

подчеркивание мировоззренческой роли литературы и искусства оказывается важным в борьбе с таким подходом, когда ставится цель объявить искусство беспартийным, бесклассовым, а на деле приспособить его к потребностям и задачам буржуазной идеологии. Вообще, сегодня особенно, напряженной линией борьбы между марксистско-ленинской эстетикой и эстетикой буржуазной и ревизионистской как раз и является различное толкование и понимание социальных функций, прежде всего, мировоззренческой функции литературы и искусства.

Не менее важно и такое обстоятельство — подчеркивание мировоззренческой роли искусства позволяет увидеть и преодолеть ограниченность семиотического анализа искусства, который приводит к необходимости сводить искусство к сущности знаковых систем.

Все это вопросы, имеющие не только узко теоретическое значение. Их практическая роль выявляется особенно ясно в эпоху научно-технической революции, когда по-новому ставятся многие задачи развития культуры, духовной жизни общества.

В феврале 1975 года в Томске проходил V пленум правления Союза художников РСФСР. Выступая на этом пленуме, буровой мастер Стрежевского управления буровых работ, лауреат Государственной премии СССР В. Г. Калининчук, выражая мнение многих передовых рабочих нашей страны, сказал: «Красота, как добро, необходима людям, и художники должны творить эту красоту, передавать красоту нашего мира — труда, человеческих взаимоотношений, новой жизни. То, что выходит из рук художника, должно быть необходимо людям, как хлеб или нефть»⁸.

Эти мысли рабочего человека совпали с мыслями многих участников пленума, в том числе и руководителей Союза художников. Так, Г. Коржев говорил в своем докладе: «Только активно вторгаясь в жизнь, волнуясь тревогами своего времени, художник может создать подлинное искусство. Партия в своем обращении к народу адресует нам такие слова: «...своим творчеством воодушевляйте людей на новые трудовые подвиги и свершения; будьте и впредь верными помощниками партии в воспитании нового человека, нашей молодежи в духе идеалов коммунизма, советского патриотизма, пролетарского интернационализма». В этих

⁸ Красное знамя (Томск), 1975, 2 фев.

словах для нас программа деятельности, и мы будем выполнять ее с полной отдачей сил»⁹.

Одной из очень интересных форм укрепления связей художников с жизнью стали творческие бригады, которые выезжают на стройки, заводы, электростанции, в колхозы, на нефтепромыслы, чтобы на месте работать, находить сюжеты и темы произведений. В таких бригадах приняли участие и художники Томска. За время, прошедшее с этого памятного пленума, художники-томичи создали немало полотен, рассказывающих о трудовых буднях нашего края, раскрывающих человеческую красоту и величие наших современников и получивших широкое признание не только на областных, но и на республиканских, всесоюзных и зарубежных выставках. Приближение к жизни людей труда обогащает и самих художников и приобщает к искусству, кумению видеть прекрасное и возвышенное в обыденном, воспитывает высокий эстетический вкус у широких масс наших тружеников, на суд которых везут живописцы и графики свои произведения, организуя выставки непосредственно на предприятиях. Работа художников Томска давно стала необходимой составной частью идейно-воспитательной работы областной партийной организации.

В Отчетном докладе XXV съезду КПСС Леонид Ильич Брежнев, давая высокую оценку сегодняшнего уровня развития социалистической литературы и искусства, назвал главные темы, которым были посвящены наиболее значительные произведения последних лет. Этими темами являются: труд на благо Родины, подвиг советских людей в Великой Отечественной войне, тема морали, нравственных исканий, борьба за мир и интернациональная солидарность со всеми свободолюбивыми народами. Согласимся с тем, что эти ведущие темы советской литературы и искусства вторгаются в область самых актуальных проблем, без решения которых невозможно осуществить комплексный подход во всей воспитательной работе партии. Лучшие произведения, посвященные этим темам, помогают зримо увидеть положение дел и главные конфликты. Они, производя своеобразный художественный эксперимент, показывают возможные решения и вдохновляют советских людей к творческому отношению к труду, к жизни, к высокому осознанию своего долга перед обществом, значительно повышая крите-

⁹ Там же.

рии оценок, с которыми подходим мы к действительности и к самим себе.

Вспомним, какой большой общественный резонанс вызвало опубликование или постановка на сцене таких произведений, как «Человек со стороны» И. Дворецкого, «Сталева-ры» Г. Бокарева, «Премия» А. Гельмана, «Ситуация» В. Розова, «Эта странная жизнь» и «Однофамилец» Д. Гранина и др. Не менее значительным было впечатление и влияние на духовный мир современного человека произведений советской литературы, в которых остро обозначены нравственно-философские проблемы. Роман Ю. Бондарева «Берег», повесть В. Распутина «Живи и помни», повести и рассказы В. Астафьева, В. Быкова, романы А. Ананьева, произведения В. Катаева, С. Залыгина, Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, В. Шукшина, вызывающие много споров последние повести Ю. Трифонова — все это такие произведения, без которых невозможно представить уровень современной духовной культуры, нравственных исканий советского человека. Отсюда и их воздействие на строй мыслей и чувств людей.

После XXV съезда КПСС особенно ярко, широко, многогранно развернулась общественная деятельность творческих союзов нашей страны, в том числе Союза писателей СССР. Стали традиционными выездные секретариаты, пленумы правления, дни литературы в союзных республиках, в городах и селах нашей Родины, особенно там, где сегодня, как, например, в Сибири, решаются стратегически важные производственные, экономические и социальные задачи. Это все тот же процесс, характеризующий ведущую закономерность социалистической литературы и искусства, — единство конечных целей художественного творчества и идеологической работы партии. Вот еще один пример. В отчетном докладе VI Всесоюзному съезду писателей Г. М. Марков положительно отметил работу писателей Томска, начавших выпуск документально-художественных книг, посвященных труженикам области. С того времени вышли в свет четыре книги: о форпосте Томской нефтяной промышленности, самом молодом городе области Стрежевом, о тружениках сельского хозяйства, о работниках лесной промышленности, сборник, посвященный 375-летию Томска. Эта своеобразная документально-художественная летопись о сегодняшнем поколении сибиряков, трудом своим преобразующих суровый и богатый край, тепло встречена читателями и вместе

с другими формами работы — читательскими конференциями, творческими отчетами, многочисленными выступлениями писателей в трудовых коллективах выполняет свою важную идейно-воспитательную роль.

Как известно, мировоззрение человека тесно связано с его эмоциональным настроением, с эмоциональной самооценкой, с оценкой жизнедеятельности своего общества, современников, человечества. Связь знаний и эмоциональной оценки в мировоззрении — это прочный сплав, естественное, неразрывное единство, которое окрашивается классовыми интересами, придает социальную направленность общественной практике. Очевидно, что эмоциональные моменты, наряду с комплексом мировоззренческих знаний, оказывают большое влияние на всю практическую деятельность, поведение человека, на формирование его идейной убежденности.

В нашей философской литературе (например, у А. Г. Харчева) отмечался уже тот несомненный факт, что научно-техническая революция повысила роль и авторитет науки, увеличила время, которое люди тратят на учебу, образование, повышение культурно-технического уровня, и это способствует развитию не столько эмоциональных, сколько рационально-логических способностей человека. Кроме того, в наше время овладение научно-техническими знаниями неизбежно ведет к сокращению времени. И возможностей для общения с искусством и природой, без чего невозможно говорить об эмоциональном развитии личности. И, действительно, в условиях НТР необходимы специальные усилия к эмоциональному воспитанию. В противном случае возникает возможность нарушения того гармонического равновесия между эмоциональным и рациональным миром, которое составляет непереносимое условие максимальной общественной эффективности человеческих деяний, максимальной удовлетворенности человека своим трудом.

Воспитание чувств — это очень важная проблема, без решения которой невозможно говорить об успехе воспитания в целом. Но именно в этой области у нас замечен существенный пробел.

Если сравнить, как решаются задачи воспитания чувств с тем, как мы осуществляем трудовое, физическое, идейно-политическое воспитание, то недостатки станут особенно очевидными. Конечно, и здесь делается немало, но, учитывая принципиально новые требования, связанные с осуществлением идеи комплексного подхода, нам предстоит серьезно

пересмотреть старые и выработать новые, более действенные методы и формы работы по чувственному воспитанию, включить его в общую систему научно-обоснованного воспитания нового человека. С уверенностью можно сказать, что очень часто многие сегодняшние конфликты, противоречия, взаимонепонимание, проявление грубости, хамства, черствости со стороны отдельных людей объясняются как раз чувственной невоспитанностью, эмоциональной неразборчивостью, в особенности молодых людей. И это обстоятельство проявляет свои отрицательные последствия не только в быту, в личных взаимоотношениях людей, но сказывается и в общественном производстве, в особенности при формировании микроклимата, психологической атмосферы в коллективах. Эмоциональная незрелость мешает людям воспринимать и испытывать на себе, включать в содержание собственной духовной жизни часто наиболее важные элементы литературы и искусства. Еще нередко в нашем обществе отношение к искусству — как только к развлечению, как к средству отдохновения от трудов праведных. В этом случае приходится говорить о том, что такое отношение не только лишает человека возможности получить истинное наслаждение от произведений искусства, духовно себя обогатить, но и приводит к закреплению весьма низкого эстетического вкуса, вполне удовлетворяющегося ремесленными поделками и даже готового принять продукты так называемой массовой культуры, столь распространенной и специально, с идеологическими целями, насаждаемой в современном буржуазном обществе.

Конечно, выработать с помощью эстетического воспитания и образования хороший художественный вкус — это уже немало, это имеет самостоятельное значение, открывает человеку возможность наиболее полного наслаждения произведениями искусства. Но очевидно, что воспитание художественного вкуса имеет и более широкое значение, потому что художественный вкус определяется еще и мировоззрением личности. Отсюда борьба за высокий, истинный художественный вкус есть одновременно борьба (составная ее часть) за истинное, верное мировоззрение. Социализм создает необходимые условия для того, чтобы преодолеть типичное для классово антагонистического общества отношение к искусству как к развлечению только, социализм открывает его более высокие и ответственные цели. Хотя и в нашем обществе мы встречаемся с существенными разли-

чиями в понимании целей и в восприятии произведений литературы и искусства. Марксистско-ленинское мировоззрение исходит из того, что богатство личности — это богатство ее реальной деятельности, ее отношений с другими людьми, универсальность ее потребностей. Научный коммунизм учитывает то обстоятельство, что по мере удовлетворения человеком первичных, материальных потребностей, по мере развития самой личности на первое место будут выдвигаться другие потребности, более сложные, духовные, которые практически окажутся безграничными.

Но было бы наивно полагать, что эти потребности разовьются у миллионных масс трудящихся сами собой, автоматически, и не нужно никаких усилий для их развития и воспитания? Нет! Поэтому еще в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса были поставлены важнейшие задачи в области коммунистического воспитания, имеющие конечной своей целью всестороннее и гармоническое развитие личности.

В решении этих задач огромная роль принадлежит социалистическому искусству. Это обстоятельство нашло свое отражение и в новой Конституции СССР.

Впервые в истории человечества в Конституции СССР сформулирована государственная политика в области развития и совершенствования духовной культуры социалистического общества: «Государство заботится об охране и приумножении духовных ценностей общества, широко их использовании для повышения культурного уровня советских людей. В СССР всемерно поощряется развитие профессионального искусства и народного художественного творчества».

Сегодня материальная база советского профессионального искусства — это 571 театр, 96 цирков, 214 концертных организаций, 144 художественных музея и более 50 вузов искусств и культуры, в которых работают тысячи художников и актеров, музыкантов и режиссеров, драматургов и сценаристов. Успешно развиваются разнообразные формы народного художественного творчества: более трех тысяч народных театров, филармоний, цирков, киностудий и студий изобразительного искусства, занятиям в которых посвящают свой досуг сотни тысяч трудящихся. К этому следует прибавить более 135 тысяч клубов и 131 тысячу массовых библиотек, более 1300 различных музеев, включая художественные, пять тысяч детских музыкальных и художественных школ, средних специальных учебных заведений.

Как известно, духовная культура охватывает сферу сознания, духовного производства, а именно познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство и литературу и другие области духовной деятельности людей. Одна из самых существенных черт зрелого социалистического общества — высокие темпы роста его культурного потенциала.

В одном из своих выступлений Леонид Ильич Брежнев подчеркнул: «...для нас, коммунистов, идейный, нравственный рост каждого человека представляет еще и огромную самостоятельную ценность — ведь всестороннее и гармоничное развитие человеческой личности является нашей самой высокой целью»¹⁰.

В отстаивании, развитии и совершенствовании этой самостоятельной ценности и заключается главная задача духовного воспитания. Развитие и совершенствование человека — важнейший фактор развития и совершенствования производительных сил общества, его социальной структуры и образа жизни. Оно выражает основной смысл и содержание общественного прогресса в условиях социализма.

Справедливо утверждать, что в воспитательной работе нет таких обходных путей, которые могли бы миновать художественную литературу и искусство, как важнейшие средства формирования идейной убежденности, нравственной и духовной культуры трудящихся. Даже без специальных, целенаправленных усилий они оказывают свое влияние на духовный мир современного человека, вносят свой вклад в формирование коммунистического мировоззрения. Но это влияние преумножится и обогатится, если во всей идеологической, воспитательной работе могучее оружие литературы и искусства будет применяться умело и целенаправленно.

¹⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. — М., 1972, т. 3, с. 349.

ВИДЫ УСЛОВНОСТИ В ИСКУССТВЕ И ИХ РОЛЬ В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Н. С. КАТУНИНА

При исследовании условности в искусстве обычно проводится различие двух видов условности: первичной и вторичной. Первичная условность определяется как множественная нетождественность (ограниченное соответствие) художественного образа объективной реальности. Вторичная условность связывается со всевозможными приемами в искусстве. Под первой понимают условность содержания, под вторичной — условность формы¹.

Представляется недостаточным выделение двух видов условности. Думается, что есть такие виды условности, которые могут быть отнесены как к содержанию, так и к форме. Если гносеологическая условность характеризует искусство со стороны содержания, а коммуникативная — со стороны формы, то эстетическая, эвристическая и методологическая условность характеризуют искусство как со стороны формы, так и со стороны содержания.

Представляется, что эстетическая условность связана с оценкой произведения искусства с позиций эстетического идеала. Этот вид условности присущ сугубо искусству и его было бы неправомерно смешивать с аксиологической условностью в науке. При отсутствии (гносеологической) проверки художественной практики деятеля искусства тем не менее приходят к некоторому соглашению относительно эстетической значимости того или иного художественного произведения. Эта позитивная или негативная оценка впоследствии может быть опровергнута художественной практикой, развитием искусства. Эстетическая условность связана со становлением нового эстетического идеала, новой художественной практики.

¹ Михайлова А. О художественной условности. — М., 1970, с. 25—26, 84—85.

Представляется, что исторические уровни художественной практики характеризуются гармоничным соотношением художественной правды и эстетического идеала, вследствие чего парадигмальные произведения искусства являются художественно правдивыми и эстетически безусловными. В исторически переходный период — эпоху революционных преобразований в искусстве, когда формируется новый эстетический идеал и новая художественная практика — экстраординарное искусство, возникает эстетическая условность вследствие **несоизмеримости** постпарадигмального эстетического идеала и «освященной» временем эстетической традиции, канонизированной в парадигмальном искусстве. Так, например, несоизмеримы импрессионизм и академическое искусство, ибо они представляют, воплощают диаметрально противоположное художественное видение (принадлежат к разным художественным мирам — у них несравнимая эстетическая картина мира). Именно этим объясняется наличие в искусстве парадоксов оценки и переоценки творчества того или иного художника. «Сегодня никто не станет отрицать, что Сандро Боттичелли (1445—1510) принадлежит к числу крупнейших живописцев итальянского Возрождения. Но его искусству пришлось пережить длительный период почти полного забвения, чтобы через столетия быть вновь «открытым» и вызвать всеобщее восхищение»².

Г. В. Плеханов писал об импрессионистах: «Им хочется сказать что-то новое, но сказать нечего, поэтому они прибегают к художественным парадоксам»³, рассматривая их произведения как пустое формотворчество, бессмысленную игру света. С «умиранием» традиционного эстетического идеала и соответствующей ему художественной практики и становлением новой парадигмы связано появление так называемых «семантических пустых» зон, «интерпретационного парадокса»⁴, когда «не значащие» за дальностью времен элементы искусства прошлого наделяются смыслом, значениями современного искусства, культуры.

² Кустодиева Т. К. Сандро Боттичелли. — Л., 1971, с. 5.

³ Плеханов Г. В. Собр. соч. — М., т. 14, с. 70.

⁴ См.: Цеймах Г. А. О парадоксах искусства. — Проблемы познания и моделирования социальных явлений. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979, с. 66.

Эстетическая условность **проявляется как соглашение** между деятелями искусства и аудиторией о значении некоторых художественных образов, то есть в символике. Так, например, в культуре Возрождения горлинка, сидящая на сухой ветке, и полуоткрытая дверь за спиной человека означали смерть.

Следует отличать эстетически условные художественные произведения от художественного заблуждения. Если эстетическая условность экстраординарного искусства обязана своим появлением **несоизмеримости** этого искусства с парадигмальным эстетическим идеалом, то художественное заблуждение является следствием **несоответствия** произведения (искусства — ?) идеалу.

С эвристической условностью в искусстве связан так называемый «парадокс творчества», когда приемы, способы работы с материалом, то есть «кухня» художника, писателя, не прячутся, а включаются в ткань художественного произведения, усиливая эстетическое воздействие на зрителя. «Характерная особенность графики Пикассо, — пишет М. Алпатов, — это обнаженность ее приемов. Достигая сильного изобразительного впечатления, художник никогда не забывает напомнить зрителю ни способа выполнения листа, ни материала, которым пользовался... Он твердо уверен, что впечатление от художественного образа будет еще сильнее, если зритель, присутствуя при «чуде искусства», не будет забывать, какими средствами оно создано⁵.

Установка на «открытый прием» характеризует также творчество Б. Брехта, получила распространение в современном киноискусстве.

Вопрос о том, почему «скрытая гармония сильнее явной» объясняется тем, что достигнутая цель — конец пути скрывает тайны художественного творчества, не позволяет проникнуть в глубины художественного воображения, мышления творца. «Знакомство» с творческой лабораторией художника позволяет последователям более глубоко осознать и воспринять новую художественную практику, эстетическое видение действительности.

Противоположную позицию занимают те деятели искусства, которые считают, что эвристическая условность — это «строительные леса», которые должны исчезать в результа-

⁵ Алпатов М. Вступительный очерк, Графика Пикассо. — М., 1967, с. 23.

тах художественного творчества. Так, Т. Манн рекомендует оставлять все ухищрения творчества за рамками художественного произведения.

Эвристическая условность — это не только технические, но и художественные приемы, поиск адекватного художественного образа. В отличие от науки в искусстве эвристическая условность не всегда исчезает в результатах художественного творчества, поэтому различение эвристической, эстетической, методологической видов условности достаточно затруднено. По своей природе эвристическая условность связана с фантазией, игровым моментом в творчестве художника.

Методологическая условность непосредственно связана со «словарем» искусства, «складом» художественных форм. В отличие от предыдущих видов условности она преимущественно касается формы произведений искусства и проявляется в таких приемах, применяющихся в искусстве, как: манипулирование пространством и временем, многоплановое видение, антропоморфизм, перенос художественных образов и методов из одного вида искусства в другой. Методологическая условность, как и остальные виды условности, достаточно тесно связана с художественной практикой, ее развитием. Обычно она возникает в рамках экстраординарной художественной практики, но может существовать и в границах парадигмальной в том случае, если художественный эксперимент не выходит за рамки классической традиции. В отличие от гносеологической условности она не исчезает в парадигме, выступая в качестве средства построения художественного образа. Происходит просто «наполнение» данной формы новым содержанием. Устойчивое существование методологической условности в качестве свойства художественной формы при условии неразличения ее и гносеологической условности является одной из причин абсолютизации условности в искусстве.

Коммуникативная условность в искусстве может быть определена как реализация способности выражения одного и того же содержания в различных знаковых структурах⁶. Коммуникативная условность связана со знаковым характером выражения художественного образа и является элементом художественной формы. Коммуникативная условность присуща с большей или меньшей степенью всем видам

⁶ Лотман Ю., Успенский Б. Условность в искусстве. — Философская энциклопедия, т. 5. — М.: Советская энциклопедия, с. 287—288.

искусства. В отличие от науки коммуникативная условность в искусстве в большей степени «сопрягается» с образом, является его рефлексией в свое иное. Коммуникативная условность нетождественна гносеологической условности, хотя и связана с развитием формальной стороны художественной практики. Если гносеологическая условность связана с художественным отражением и содержательным аспектом художественной практики, то коммуникативная условность — с конструированием формы, языка искусства. Коммуникативная условность предопределена спецификой не только вида и жанра искусства, но и самим характером и закономерностями эстетического восприятия. На этот момент обращает внимание, исследуя творчество Охлопкова, Н. Валехова, которая пишет: «Условный язык, как его понимал Охлопков, тогда имеет ценность, когда он раскрепощает выражение мысли художника, когда дает возможность ей приобрести формы живые, яркие, острые, многоаспектные. Иначе говоря, лишив образ бытовых подробностей изображения, режиссер прибегает к условному языку, чтобы дать нечто большее, чем видимые подробности»⁷. Развитие художественной практики приводит к тому, что язык искусства, ранее рассматривавшийся в качестве «естественного», становится условным. То есть можно говорить об абсолютной коммуникативной условности, когда рассматривается знак в его отношении к образу и объективной реальности, и относительной коммуникативной условности, когда речь идет о соотношении различных во времени и пространстве знаковых систем и их элементов. Вот почему К. Маркс говорил: «Если ты хочешь насладиться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком».

Таким образом, различение видов условности позволяет в известной степени «примирить» противоборствующие стороны при определении природы прежде всего реалистического искусства.

Необходимо подчеркнуть, что различение видов условности в искусстве, как и в науке, носит предварительный характер, является остенсивным.

В каждую историческую эпоху, даже в одну и ту же эпоху у разных народов и в условиях существования различных культур, складываются определенные предметно-чув-

⁷ Валехова Н. Охлопков. — М.: Искусство, 1970, с. 252.

ственно выраженные устойчивые способы отбора жизненного материала, способы обобщения, своя система изобразительно-выразительных средств, то есть определенная мера (норма, степень) условности. Рассматривая вопрос о мере условности в искусстве, Н. В. Видинеев пишет: «Мера использования условности есть граница количественных добавлений таких приемов, которые в данном виде и жанре искусства не ведут к разрушению правды жизни, ее исторической конкретности и форм жизни⁸. Эта мера, по мнению автора, зависит от социальных условий, мировоззрения художника, от идейного содержания произведения и от возможностей изобразительно-объяснительных средств языка данного вида и жанра искусства⁹».

Представляется, что в качестве меры условности выступает художественная и в целом социальная практика. Определенная же степень условности, допускаемая парадигмальной художественной практикой, образует норму условности. Таким образом, необходимо различать понятия «меры» и «нормы» условности, их отождествление представляется неправомерным¹⁰. Норма условности является категорией исторической — для каждой из эпох в развитии искусства она различна. Норма выступает верхним пределом условности в рамках парадигмального искусства и характеризует определенное качественное состояние условности, а поэтому нормы более устойчивы, консервативны, но тоже подвержены изменению, которое происходит скачками. Норма не может эволюционировать. Она долго остается неизменной. Но, даже тогда, когда она уже устарела в какой-то мере, она изменяется или заменяется сразу. В известном смысле норма условности характеризует степень соответствия эстетического идеала и художественной правды. Нарушение нормы условности приводит или к утрате художественным образом эстетического содержания или же к его неправдоподобности. Подобно тому, как «красота, емкость знания проявляется как мощь, информативность теории»¹¹, эстетическая «емкость» произведений искусства в глазах их современников определяется соответствием норме условности.

⁸ Видинеев Н. В. Сущность художественной условности. — Философские науки, 1975, № 1, с. 56.

⁹ См.: Видинеев Н. В. Указ. соч., с. 56—57.

¹⁰ См.: Лотман Ю., Успенский Б. Указ. соч.

¹¹ Сухотин А. К. Гносеологический анализ емкости знания. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1968, с. 120.

Изучение видов условности в искусстве имеет большое значение для эстетического воспитания, ибо формирует у человека новое восприятие, активизирует его разум и чувство. Активизация мышления проявляется не только в способности дополнить и дорисовать художественный образ, но и в размышлении, ассоциациях, сопоставлении.

Условность воспитывает творчески-конструктивное восприятие, опирающееся на напряженную работу интеллекта, вследствие чего активизируется творческое начало: способность понимать кроме логики простой последовательности событий логику эстетических связей. Такое восприятие опирается на диалектику мышления, повышает уровень стереотипности, гибкости мышления.

Следует подчеркнуть зависимость художественного восприятия от воспитания в человеке способности понимать язык искусства, который связан с видами условности в искусстве. Для понимания видов условности в искусстве необходима подготовка, художественное образование. Художественное образование — это не просто эрудированность: знание фактов искусства. Художественное образование — это и знание видов условности, изучение исторических норм условности в искусстве, позволяющих свободно и легко понимать язык искусства.

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

А. Ф. КОШЛЯК

Проблема преемственного развития искусства при всей очевидности ее теоретического и практического значения продолжает оставаться одной из самых малоразработанных в советской эстетике. В первую очередь это касается построения инвариантной модели этого процесса, исследования структуры и механизма, обеспечивающего историческое движение искусства. В то же время искусствоведением накоплен огромный эмпирический материал по истории отдельных видов искусства, с необходимостью включающий и рассмотрение на своем уровне отдельных аспектов проблемы преемственного развития искусства.

Подобная ситуация, на наш взгляд, наряду с другими причинами объясняется тем положением в методологии эстетики, которое сложилось в настоящее время, по крайней мере, в вопросах, связанных с исследованием различных сторон искусства. Мы имеем в виду вторжение в эстетику нетрадиционных методов: таких как информационный, семиотический, кибернетический, методы точных наук и др. Это требует первоочередного выяснения:

- а) компетентности данного метода применительно к новому объекту исследования;
- б) границ его применения и эвристической ценности выводов, сделанных на его основе;
- в) корреляции их между собой и с традиционными методами.

Все это порождает в советской и зарубежной эстетике естественную дискуссивность и чрезвычайно широкий спектр мнений по самым разным проблемам.

В буржуазной эстетике в данном аспекте можно встретить полярные точки зрения. Одни авторы считают искусство принципиально непознаваемым, другие уверены в возможности

разъять его до полной исчерпанности объекта познания с помощью того или иного всемогущего метода. В советской эстетике пока не сложилось однозначного отношения к новым методам¹. Мы согласны с авторами, считающими, «что противопоставление «современных» и «традиционных» методов несостоятельно»². Ни один из методов не является универсальным. Объекты такого качества и уровня сложности, как искусство, требуют для своего анализа комплекса методов и системного подхода как к их применению, так и к формированию предмета исследования и его структуры. Искусство мы относим к многоуровневым и сверхсложным системам.

В настоящее время многими авторами разделяется мнение о невозможности достаточно полного и доказательного решения ряда эстетических проблем без привлечения научного аппарата семиотики. Некоторые, однако, считают, что наличный категориальный аппарат семиотики, выработанный «на понятийной базе научных систем либо на основе лингвистического подхода к естественным вербальным языкам»³, не может использоваться в «нетронутом виде» при изучении языкового уровня искусства. То есть семиотический метод вначале следует переработать в нужном русле. Нам представляется более точным иной подход к разрешению противоречия между методом и новой по отношению к нему областью исследования.

«Можно обратить внимание на то, что в абстракции... противоречие метода и предмета изучения кажется вообще неразрешимым: для того, чтобы исследовать предмет, мы должны иметь изоморфный ему метод, а в свою очередь, соответствующий метод мы можем знать из природы объекта»⁴. На практике же указанное противоречие снимается в процессе диалектического взаимодействия между подлежащим спецификации методом и углубленным изучением сущностных характеристик объекта, в результате чего происходит теоретическое взаимообогащение и предмета исследования.

Преемственное развитие искусства с необходимостью включает в себя и акты коммуникации. Для феноменологической

¹ См.: Искусство и точные науки. — М., 1979.

² Зис А. Я. К вопросу о природе искусства и некоторых аспектах. — В кн.: Искусство и точные науки, с. 21.

³ Искусство и точные науки, с. 39.

⁴ Молчанова А. С. Теоретическое и эмпирическое в эстетическом исследовании. — Современные научные методы и категории эстетического исследования. — Петрозаводск, 1979, с. 18.

или субъективистской эстетики они представляют собой лишь некоторое духовное явление, взаимодействие идей, образов. Если говорить о диахронных процессах в искусстве, то в каких-то случаях коммуникативные акты могут сводиться к такому уровню. Если же иметь в виду генетические процессы (синхронный ряд), то мы не можем обойтись без обращения к вещному, физическому бытию искусства — художественным текстам (знаковым системам). Художественный текст — это та непосредственная данность, реальность, на основе которой происходит снятие определенных художественных элементов и в которой фиксируется воспринятое.

Таким образом, в семиотическом аспекте преемственное развитие искусства будет выглядеть как передача некоторой информации из одной знаковой системы в другую. В качестве таких знаковых систем могут выступать разнопорядковые знаковые образования: от единичного знака до какой-то предельно широкой их совокупности.

Если попытаться построить систему преемственной коммуникации в искусстве, то предельно широкая коммуникативная пара будет выглядеть следующим образом: отправитель (коммуникатор) — наличное («старое») искусство, получатель (коммуникант) — формирующееся («новое») искусство. В свою очередь, такая система будет включать подсистемы взаимодействия отдельных видов искусства. Причём можно выделить два вида коммуникативных связей — внутривидовые и межвидовые. В той или иной конкретной ситуации определяющее влияние на искусство — коммуникант может иметь отдельный вид искусства (например, русская проза второй половины XIX и искусство XX века). В рамках отдельного вида искусства в качестве коммуникатора может рассматриваться индивидуальное творческое наследие какого-нибудь выдающегося художника. Коммуникантом в этом случае будет либо художественное явление соответствующего уровня, либо система более высокого уровня общности. И, наконец, элементарная коммуникативная пара представляет собой взаимодействие между отдельными художественными произведениями, текстами.

На каждом из выделенных уровней коммуникатор имеет собственную сложную структуру. Мы отметим лишь одно обстоятельство: в каждый данный момент в отношении коммуникации вступает не обязательно непосредственно предшествующий этап развития соответствующих художественных явлений. В отдельных случаях в структуре коммуникатора могут

доминировать более удаленные во времени элементы художественной культуры.

Таким образом, искусство-коммуникатор есть та часть огромного фонда художественного наследия прошлого, которая актуализирована современными социально-культурными потребностями. Основным системообразующим признаком, включающим то или иное художественное явление в систему и обеспечивающим ее структурную целостность, является признак участия в коммуникативной ситуации.

Элементарной структурной единицей художественного текста является знак. В нашей литературе далеко не завершена разработка проблематики природы, структуры, специфики и т. д. художественного знака. Попытаемся выделить лишь некоторые свойства художественного знака, имеющие, на наш взгляд, существенное значение в плане нашего исследования.

Мы считаем, что цвет, звук, свет, мимика и т. д. еще не сами художественные знаки, а знаковый материал: хотя в других языках они могут быть знаками. Анализ преемственного развития на этом уровне будет заключаться в изучении возможностей, предоставляемых искусству материалом. Искусство в своем поступательном движении постоянно привлекает новые материалы и стремится в то же время к извлечению новых возможностей из уже освоенных материалов, что расширяет и углубляет язык искусства.

Художественный знак не есть нечто непроницаемое или аморфное, его структура (и шире — художественного произведения, как системы знаков) чрезвычайно сложна и трудно воспроизводима в соответствующей теоретической модели. Это убедительно продемонстрировали те немногочисленные попытки построения подобной модели, которые имели место в современных исследованиях⁵.

⁵ Имеются в виду во многих аспектах дискуссионные работы Лотмана Ю. М., Успенского Б. А., Жегина Л. Ф., Вартазаряна С. Р. На наш взгляд, вообще целый ряд вопросов с определением статуса, свойств, функционирования художественного знака не может быть решен без создания многоуровневой инвариантной модели произведения искусства. Только будучи вписанным в контекст последней, художественный знак обретет необходимую теоретическую полноту и завершенность. Не вдаваясь в суть различных толкований понятия «модель», отметим еще одно обстоятельство. Существует мнение о невозможности создания такой модели вследствие принципиальной неформализуемости каких-то уровней, сторон произведения искусства. Мы не разделяем категоричности этого утверждения и считаем, что в состоянии дать всеобъемлющее описание такого объекта.

При этом нередко оставляется без внимания вопрос о границах художественного знака, без указания на которые невозможно говорить о внутренней организации знака. В работах на эту тему можно найти: а) отказ от всяких попыток определить границы знака; б) недостаточно обоснованное употребление понятия «элементарный знак»; в) отождествление границ знака с границами художественного произведения.

Границы художественного знака действительно трудно фиксируются. Они — динамичны, подвижны. Метафорически художественный знак можно было бы назвать «плавающим». Направление движения знака в поле художественного текста задается линиями структурных связей произведения искусства. Условием выделения элементарного художественного знака и всей иерархии знаковой конструкции художественного текста служит художественно-образная структура произведения искусства, то есть наличие или отсутствие знаковой дискретности задается за рамками знакового уровня, в метаязыке системы. Естественно, что таким образом закодированный знак не открывается исследователю сразу во всей своей полноте и сложности. Наделение тех или иных структур художественного текста статусом знака — всегда результат определенной и обоснованной теоретической позиции.

Художественный знак в отличие, например, от знака в языке науки — многозначен. В семиотическом плане это является следствием особой организации художественного текста. Как неоднократно отмечалось в эстетической литературе, художественный знак приобретает разные значения в результате вхождения в те или иные контексты на всех уровнях текста. Значение всего художественного текста не равно простой сумме значений совокупности знаков, составляющих текст.

Многозначность художественного знака имеет свои пределы. В противном случае произведение искусства допускает возможность релятивистского (и в конечном счете — агностического) толкования.

Связь между знаком и значением в языке искусства носит специфический характер, не позволяющий без ущерба для художественной информации, передаваемой знаком, вмешательство в его организацию или замену другим знаком, в отличие от конвенционального характера связи и значения в науке. «Иначе говоря, произведение искусства представляет собой

неразрывное, единство канала связи и собственно информации»⁶.

Следует отметить еще одну особенность художественного текста. В нем обладают значениями не только сами знаки, но и способы их построения, художественный синтаксис. Его функция — упорядочивание системы художественных знаков. Весь синтаксический строй художественного текста может быть рассмотрен в качестве знака или системы знаков, обладающих собственными значениями.

Названные выше и другие свойства художественного знака в конкретном тексте функционируют непременно в индивидуализированном виде. Возможна ситуация, когда бытие знака или совокупности знаков настолько индивидуализировано, что индивидуальное вытесняет общезначимое. Система смыслов и значений такого текста либо не поддается дешифровке, либо может истолковываться почти произвольно. Произведение искусства, организованное таким способом, теряет свою коммуникабельность вплоть до полной утраты и выпадает из общей коммуникативной связи.

Предпринятый нами семиотический анализ коммуникативной пары элементарного уровня произведен с позиции некоторого абстрактного субъекта коммуникативной ситуации. В результате мы получили ряд структурных элементов текста, подлежащих снятию лишь в плане возможности, вероятности. Для представления реального течения процесса преемственности следует выйти за рамки художественного текста и вписать его в общую систему преемственной коммуникации, которая и управляет конкретным выделением из всего арсенала языковых средств компонентов, отвечающих эстетическому запросу складывающегося «нового» искусства. То есть, прослеживая эту детерминационную линию, мы отвечаем на вопрос о том, что наследуется. То, как происходит сам процесс наследования, обуславливается вышеизложенными и некоторыми другими свойствами коммуникативного объекта. Они придают процессу коммуникации следующие характеристики: неповторимости художественных произведений, неперевоимости одного вида художественной информации в другой и, в конечном счете, определенной непредсказуемости самого процесса художественного развития.

⁶ Рижинашвили У. И. Эстетическая информация. Опыт применения идей семиотики и теории информации к анализу некоторых проблем эстетики. — Мецниереба, 1975, с. 19.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАВДА И ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА

Л. Б. ПОДГОРНЫХ

Ленинские принципы партийности и народности, разработанные в статье «Партийная организация и партийная литература», имеют огромное методологическое значение не только для теории и практики искусства социалистической формации, но и для исследования художественного наследия прошлого. Подчеркивая органическую взаимосвязь партийности и народности с животворящей силой искусства как одного из самых решающих факторов воздействия на сознание масс, В. И. Ленин отмечал важность глубокого проникновения художником в закономерности общественного развития и способность искусства быть тончайшим барометром социально-психологического климата эпохи. Именно это позволяет рассматривать искусство не просто как сокровищницу художественных ценностей, но и как богатейший источник знаний об общественно-политических воззрениях, настроениях, мечтах, идеалах, чаяниях народных масс.

Однако какова степень соответствия этих знаний действительности? Верны ли показания этого специфического «барометра»?

Для выражения отношения знания и объективной действительности гносеология выработала понятие истины. Понятие истины — узловое в науке. Можно ли применить его к искусству? Ведь общепринято, что каждое подлинно художественное произведение несет в себе значительные элемент субъективности его создателя, оно есть способ самовыражения художника.

Представляется, что можно. Понятие истины применимо к искусству, поскольку оно, в силу своей отражательной природы, выполняет и познавательную функцию. Как и любой, созданный человеком предмет, как любой результат и продукт человеческой деятельности, искусство, говоря сло-

вами К. Маркса, опредѣчивает в своих произведениях сущностные силы человека.

Но искусство не сводится только к познанию, оно еще и переживание мира. Категория же истины не выражает и не отражает переживаний. Наоборот, в ее содержании наука стремится удалить все, исходящее от субъекта (его чувства, эмоции, желания), и выявить объективную природу предмета, каким он существует или существовал вне и независимо от человека и общества. Если с этих позиций подходить к художественному образу и произведениям искусства в целом, то они не могут оцениваться как истинные, так как содержат элементы, противоречащие общепринятым критериям, которые предъявляют к истинному значению: фантазия, вымысел в искусстве не соотнобразуются с логической вероятностью, выходят за установленные ею пределы. Вместе с тем художественный образ идет значительно дальше того, что дает объективно истинное, научное познание. Искусство дает нечто «сверх» этой истины: оно не только отражает объект, но и выражает богатый внутренний мир субъекта. Здесь отражение объекта органически соединено с выражением субъекта, с его самовыражением, самореализацией. Жизнь, реальность входит в художественный образ лишь как одно излагаемых, канва, стержень, ибо подлинная правда искусства предполагает творческую переработку и обобщение увиденного, отбор и изменение жизненного материала, его «дистилляцию», определенное «стимулирование» мыслей и чувств автора в художественном образе, то есть несет на себе печать творческой оригинальности личности художника, его жизненного опыта, мировоззрения, фантазии, таланта, эстетического идеала, эмоций, мастерства и т. д.

Жизнь искусством познается не ради самого познания, а ради ее оценки, ее сопоставления с идеалом, раскрытия ее ценностных качеств. В отличие от науки познание жизни искусством — не единственная и самая характерная, хотя и неотъемлемая его функция. Познавательные свойства искусства сплавлены с оценочными. Художник отражает в своем творении действительность не как ученый. Хотя готовится к этому отражению не менее тщательно. Известна работа А. С. Пушкина в архивах при подготовке к Пугачевской теме, Л. Н. Толстого — к теме Отечественной войны и другие убедительные факты. Даже Жюль Верн основательно изучал в библиотеках механику и чертежи по мореплаванию и воздухоплаванию. В художественном воспроизведении ми-

ра существенным является не то, что он изображает, а то, как он это делает. Отношение автора к изображаемому едва ли не важнее того, что он изображает. Если у большого художника есть, что сказать, то его произведения вызывают у читателя, слушателя доверие, они правдивы, даже если в фактах художник погрешил. Доверие и еще ряд других психологических факторов (эмоции, чувства, настроение) вызываются у лиц, воспринимающих художественное произведение, благодаря многим его признакам, среди которых определяющим оказывается **художественная правда**.

Представляется, что объективная истина и художественная правда не являются антагонистами. Истинность составляет момент художественной правды, без нее невозможна правдивость образа. Но носителями этого момента истинности являются не непосредственно отраженные в искусстве фрагменты объективной действительности, а лежащая в основе и подчиняющая все детали художественного образа идея, идейно-эмоциональное содержание произведения¹.

«Чтобы рассмотреть,— писал Н. Г. Чернышевский,— каковы художественные достоинства произведения, надобно как можно строже исследовать, истинна ли идея, лежащая в основании произведения. Если идея фальшива, о художественности не может быть и речи...»².

Именно с этим связана специфика искусства как исторического источника. Его значимость как исторического источника, основываясь на связи искусства со своим временем, эпохой, определяется не столько и не только способностью его к изображению современной действительности. Суть проблемы заключается в том, **как и в чем связано со своим временем идейное содержание произведения искусства, его пафос**. Ведь художественное произведение является зеркалом общественной жизни не в том смысле, что худож-

¹ Надо сказать, что вопрос о сущности художественной идеи и идейном содержании искусства, несмотря на всю его идеологическую и гносеологическую актуальность, весьма слабо исследован в литературе. Над различными аспектами этого вопроса работали и высказали конструктивные соображения такие известные авторы, как В. П. Тугаринов, В. Муриан, Г. И. Гильбурд, Л. Н. Нехорошев, С. Батракова и другие. Однако полного и всестороннего решения этого вопроса пока не дано, а насущная потребность имеется, поскольку в решение вопроса о гносеологических основаниях художественной идеи, ее структуры, функциях, то есть механизма ее действия в художественно-образной системе произведений искусства упирается проблема художественной правды и ряд других философских проблем искусствознания.

² Чернышевский Н. Г. Соч., т. 3. — М., 1947, с. 668.

ник всегда изображает, копирует эту жизнь, т. е. общественное и индивидуальное бытие, а в том, что его творения воплощают наглядно и весьма достоверно общественное сознание и общественную психологию людей данной эпохи, их мысли, чувства, знания и заблуждения.

Называя Л. Толстого зеркалом русской революции, В. И. Ленин специально подчеркивал, что основанием для такого заключения является не воспроизведение писателем революционных событий, а отражение в его произведениях «тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России... Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — подытоживал В. Л. Ленин, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции³. И далее: «Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни»⁴.

Истинность искусства определяется соответствием художественного осмысления действительности реальным закономерностям и тенденциям общественного развития. В этом плане особую важность приобретают общественные позиции, мировоззрение художника, которое играет решающую роль в отборе, сопоставлении, истолковании и оценке изображаемого, определяет место и функции тех или иных художественных средств. Правда художественного образа зависит как от знания художником жизни, понимания им реальных отношений в обществе, так и от соответствия замысла объективному ходу истории, сущности вещей. Прогрессивное мировоззрение способствует «опережающему» отражению действительности в искусстве, помогает художнику видеть дальше своего непосредственного окружения, не упускать из виду общей связи событий в истории, проникать в сущность реальных процессов действительности, создавать правдивые, хотя и не обязательно реалистические, картины и образы.

Искусство в своих гениальных проявлениях обгоняет время, не отрываясь от него, а проникая в его тайны, своими средствами вскрывая сущностные признаки времени, его целостные характеристики. Удивительно тонко подметил это в свое время еще А. В. Луначарский, говоря о том, что

³ Ленин В. И. О литературе и искусстве. — М., 1967, с. 217.

⁴ Там же, с. 216.

Ф. М. Достоевский хозяин у себя как писатель, но не хозяин у себя как человек, причем второе служит условием реализации первого и делает художника «субъективно приспособленным, быть мучительным и нужным отражателем смятения своей эпохи»⁵.

Или Бальзак, как человек, он разделял многие предрассудки аристократии, к которой сам не принадлежал, и в то же время проявлял авантюризм в различного рода финансовых операциях, характерных для буржуа. А поскольку и здесь он был чужд, то его предприятия неизменно заканчивались полным поражением. В качестве же писателя, отдаваясь логике художественного творчества и передавая свои личные неудачи, он, по словам Энгельса, «вынужден был идти против своих собственных предрассудков», расправляясь с ними, благодаря чему сумел нарисовать объективную картину французского общества, из которой Энгельсу удалось почерпнуть больше, чем из книг историков и экономистов того времени⁶. Преобладающая в определенных слоях общественная психология, выразителем и летописцем которой он был, взяла верх над той идеологией и психологией, которые Бальзак разделял субъективно.

В силу этого созданные гением художественные творения более полно отразили общественную жизнь своего времени, чем книги буржуазных социологов, по своим политическим убеждениям более прогрессивных, чем Бальзак.

Видимо, искусство, с его художественными средствами, все-таки обладает некоторыми несомненными преимуществами в анализе явлений общественной жизни. Способность проникать в сферы эмоциональной и духовной культуры делает его самостоятельным источником для пополнения информации об общественных процессах. В ряде случаев внутренние потенциальные возможности в освоении искусством явлений социальной действительности настолько велики, что не уступают возможностям научного изучения, опирающегося на логический аппарат и теоретические выкладки. Характеризуя достоинство художественного проникновения в действительность в ее различных сферах и проявлениях, Л. Леонов писал: «Писатель нашего времени обязан угадывать явления, прежде чем их зафиксирует статуправление, ставить многие проблемы раньше, чем их поставит наука. Са-

⁵ Луначарский А. В. Собр. соч., т. 1. — М., 1968, с. 178.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 36—37.

мая специфика писательского взаимоотношения с миром в том и должна выразиться, чтобы наперед, хотя бы силуэтно предугадать исход событий».

Эта реализация творческих возможностей писателя в «опережающем» отражении действительности происходит в сфере художественной правды, где находит выражение его передовое, революционное мировоззрение. Индивидуальные и типические средства и способы выражения художественной правды в таких случаях могут быть самыми различными: от фантазий Данте в «Божественной комедии» до гротеска Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле», от народных мифов о Прометее, Василисе Прекрасной и до философских поэм Мильтона, от романтических грез В. Гюго до реалистической панорамы Бальзака в «Человеческой комедии».

Главным критерием правды здесь выступает общее требование — соответствие авторской концепции, выраженной в образной форме, исторической правде, исторической тенденции своего времени, т. е. истинность художественных идей, лежащих в основе произведений искусства, реализованных в типических героях и типических обстоятельствах их жизни и их мыслей. Все компоненты произведений нас интересуют здесь не с точки зрения жизнеподобия («Искусство не требует признания его произведений за действительность»⁷), а с точки зрения полноты и глубины внутреннего содержания — логики внутреннего развития, художественного совершенства в выражении авторской концепции, т. е. во вторичном воплощении сущности. Вторичном, ибо первичная сущность извлечена из жизни и силой художественного таланта вновь поставлена в конкретные, уже художником созданные обстоятельства и детали, иногда более правдоподобные, чем те, что могут копироваться. Правда вымысла как форма, в которой единицы субъективного и объективного сплавлены, и выступает здесь в общем эстетическом плане как критерий художественной правды.

Таким образом, художественная правда является не только критерием художественности произведения искусства, но и залогом достоверности, объективности его информационно-познавательного потенциала. Художественную правду нельзя вычленить из произведения как сумму идей или свести к правдоподобию характеров, ситуаций, конфликтов самих по себе. Художественная правда трудно уловима в своих от-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 53.

дельных признаках и особенностях, если подходить к ней абстрактно. Она может исчезнуть, потерять смысл. Но она становится ощутимой, проявляется во всем своем многообразии и богатстве, если подходить к ней конкретно. Тогда она предстанет как суть художественного освоения действительности, как, по словам В. Новикова, своего рода соль, которая только по видимости исчезает, растворившись в художественных образах, ткани произведения, а на самом деле приобретает новое качество, оказывает влияние на всю художественную систему, придает ей особый «вкус»⁸. Поэтому неудивительно отсутствие в нашей литературе единого определения художественной правды, реальное содержание этой категории многогранно. Художественное освоение действительности — диалектический процесс, в котором взаимодействуют многие факторы. На каждом историческом этапе общественного развития художественная правда проявляется в искусстве по особенному, в зависимости от метода, направления и жанра произведения.

Вместе с тем в гносеологическом отношении категория художественной правды выполняет две функции: 1) художественное произведение становится подлинным произведением искусства лишь тогда, когда оно отвечает критерию художественной правды; 2) позволяет соотнести искусство с действительностью, ибо правда искусства есть истина (то есть соответствие знаний реальности), переданная художественными средствами.

Обе эти функции художественной правды являются и критерием, и аргументом в пользу того, что подлинное произведение искусства может и должно быть источником знаний о прошлой действительности.

⁸ Новиков В. Художественная правда и диалектика творчества. — М., 1975.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЭТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПРАГМАТИЗМЕ

В. Е. КРАСИНА

Под влиянием научно-технической революции тенденция превращения капитализма в универсальную систему эксплуатации, которую предвидел К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», развилась в целый ряд противоречий. В их числе противоречия между личностью, как она сформировалась в процессе развития всей предшествующей истории человечества, и капиталистической формой эксплуатации не только ее физических, но и духовных способностей, психологии человека, его внутренних установок, целей и мотивов.

Стабилизация системы империализма через духовно-идеологическое воздействие на массы в тесной связи с экономическим базисом образует своеобразную систему воспроизводства общественного сознания на основе идеалистического истолкования духовной жизни общества и эксплуатации массовых предрассудков и иллюзий через целенаправленное создание мотивации личности.

Современный империализм пытается решать задачу формирования не просто лояльного индивида, но активного приверженца и защитника капитализма.

Поиски условий для создания социальной гармонии, идеально организованного общества, связанного сверху донизу общностью ценностей, норм и убеждений,—одна из центральных задач американской социологии конца 60—начала 70-х годов.

С этой целью в идеологической борьбе используется современное прочтение некоторых социальных идей основоположников прагматизма и, в частности, интерпретация общечеловеческого этического идеала.

Но если развитие всех сущностных сил человека в рамках социалистической системы становится одним из условий развития общества, то в рамках буржуазных ценностей и

норм оно приобретает характер утонченной эксплуатации идеалов, своеобразной манипуляции личностью во имя «высшего блага» буржуазного государства.

Научно-техническая революция предъявила новые требования к личности, и буржуазная наука, и, прежде всего, прагматизм как философия, претендующая на роль руководителя политической практикой в Америке, начинают проявлять острый интерес к механизмам, формирующим активность личности.

В этой связи основой некоторых концепций в американской политологии становится современное прочтение философии Ч. С. Пирса, Д. Дьюи и Д. Ройса.

В критических эссе «Виды на Пирса»¹, посвященных «наиболее оригинальному, может быть даже... величайшему философу Америки», центром внимания становятся именно социальные грани философии Пирса и их современное значение.

Философия Пирса сложна, иногда противоречива. Это отмечают все, кто встречался с ней. Сложен, выглядит своеобразной утопией его социальный идеал. Почти ничего нет в его работах о личности, но Пирс был многогранным ученым. На его действительно глубоких, часто гениальных, пусть даже отрывочных, мыслях и вырастает философская методологическая основа для науки о личности в ее социальной среде.

Самый высокий идеал поведения личности — это развитие Разума, иначе говоря, создание мира более разумного, чем когда либо, считает Ч. Пирс. Отсюда идеал разумной воли следовать методам, быстрее всего развивающим знание, так как цель Разума — бытие само по себе.

Важным элементом в здании философии Пирса в этой связи становятся его мысли о человеческом обществе. Термин «гражданский» или «общественный» Пирс понимает в кантианском смысле, т. е. по аналогии с понятиями «космический», «организованный». Он считал, что человеческое общество — это здание, предназначенное для целого народа. И хотя для личности мало, конечно, играть второстепенную роль в его архитектуре, тем не менее это философская истина. Логика тоже зависит от социального принципа. Люди так индивидуальны и оригинальны, что инстинкты в них подавлены. Место инстинктов должна занять «логическая способ-

¹ Perspectives on Peirce. N. I., 1966.

ность», единственная функция которой — отточить «капризный и индивидуалистический характер мысли». «Логичность неумолимо требует, чтобы наши интересы не были ограниченными». Человек меньше всего должен останавливаться на своей собственной судьбе, он должен вместить в себя целое сообщество, расширяющееся до всех рас, с которыми мы можем прийти к непосредственной или опосредованной интеллектуальной связи. «Тот, кто не пожертвовал бы своей собственной души ради спасения всего мира, кажется мне алогичным во всех своих выводах совокупно, — говорит Пирс. — Логика коренится в социальном принципе».

Социальная логика «требует идентификации собственного интереса с интересами неограниченного сообщества».

Ралон Уэллс предлагает искать параллель представлению Пирса о всемирной духовной общности в древнем идеале «космополиса» и считает, что лучший перевод греческого слова «полис» на английский язык не «город», «государство» или «город-государство», а «общность», так как обращает на себя внимание то, что у Пирса это понятие полностью лишено какого-либо политического содержания, что нельзя сказать о мысли самого Ралона Уэллса. В результате его интерпретация сближается с концепциями «государства благоденствия», с той лишь разницей, что составляющие эту всемирную духовную общность люди должны пожертвовать своими эгоистическими потребительскими интересами во имя идеала, для достижения которого мало времени, отпущенного, может быть, для жизни многих поколений людей.

В работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», К. Маркс писал, что полис — это коллектив граждан, каждый из которых является собственником некоторых благ и обладателем ряда прав лишь в силу своей принадлежности к этому коллективу. Именно эта мысль лежит в основе интерпретаций Уэллсом идеи Пирса о духовной всемирной общности, высоком идеале, в процессе достижения которого отдельные личности (повторяя мысль Пирса), как клетки единого организма, почти полностью растворяются со всем своим сложным единством в грандиозности цели, стоящей перед ними. И принадлежность именно к этому обществу, короче говоря, сверхдержаве, целью которой является государство благоденствия, где каждый должен раскрыть все свои возможности полностью, но не ждать за это награды, и воплощает, сегодня эту цель. В этом Р. Уэллс ви-

дит «абсолютизм» Пирса и усматривает в нем некоторое сходство с концепцией «этики любви к дальнему «Ницше».

Только два пути ведут к полному расцвету Абсолютного Разума: наука и религия, их союз, говорит Пирс. Если и есть какая-то связь религии с этикой, о которой иногда упоминает Пирс и на которой делает акцент Р. Уэллс, то эту связь легко установить, рассматривая как этическое правило «истинно религиозный образ жизни». Все, кто способен, пойдут по пути науки. Для остальных есть путь религии. Тем более, что берется за основу мысль Пирса о том, что и наука и религия равноправные виды реальностей. И поскольку у Пирса нет концепции, которая объединяла бы столь несоединимые понятия, предлагается воспользоваться концепцией «символических форм» Э. Кассирера. Тогда можно было бы сказать, что Пирс признает две символические формы: научную и религиозную.

Наука достигает единства через исследование совместное и общественное. Достичь цели можно путем подчинения ей индивидов, к тому же они должны предпринять исследование, результат которого сами уже не увидят в течение своей жизни. Таким образом, ученые подобны колониям насекомых — «простым клеточкам социального организма». Награда за труд принадлежит коллективу. Религия достигает единства другим путем. Центральная концепция ее — христианская любовь.

Подводя итог, можно сказать, что обращение к социальной концепции Ч. С. Пирса, в 60-е годы в американской социологии не случайно. Именно она очень хорошо отвечала потребностям времени. Во-первых, идея пластической реальности, творец которой — мыслитель, утверждала веру в то, что наука способна открыть неограниченные возможности в создании интегрированного общества, свободного от жадности и стяжательства в период развития научно-технической революции.

Во-вторых, вера в неограниченные возможности личности и ее способность работать во имя высокого идеала была тем интеллектуальным символом, на основе которого можно было бы сплотить общество, представленное как система индивидуальных волей и стремлений. Поиски подобного идеала означают также отказ от политики деидеологизации, а в конечном счете, поиски новой идеологии.

В-третьих, личность как центр вселенной сама отвечает за свое место в ней. Кому не под силу путь науки, для того есть религия: либо в качестве утешения, либо в качестве веры.

В этом же русле оказался идеалистический прагматизм Джосаяи Ройса, прочитанный в соответствии с новыми задачами, стоящими перед американской философией.

В соответствии со своей философией абсолютного идеализма Д. Ройс считает, что самосовершенствование личности лежит на пути ее стремления к Абсолютному благу.

В поисках своего развития как индивидуальности личность преодолевает зло своей «отдельности», приобретая одновременно для себя часть в универсальной жизни. Каждая из отдельных жизней — это капля в океане истины абсолютного.

Подобно Ч. Пирсу, Ройс решительный противник индивидуализма, рассматривающего весь окружающий мир «как дойную корову», «как мое» и «не мое». Он даже различает несколько видов индивидуализма: первый возникнет на почве ошибок и поражений и приводит к выводу о том, что мир препятствует индивидуальному развитию. Второй вид, сентиментальный индивидуализм, заключается в желании счастья для себя лично. Сентиментальная личность считает, что мир ее не понимает, потому что не оценил красоты и силы ее внутренней эмоциональной жизни. Третий вид индивидуализма — «титанизм». Он стоит выше других в шкале ценностей, это самый утонченный индивидуализм. Будучи идеалом многих «тихих прозаических деловых людей», имеющих мало счастья, но много энергии и страсти, он избирает для себя иллюзорный идеал одиночества и неукротимой деятельности, но фактически самооценка личности и в этом случае зависит от отношения к ней других людей. Ее героическое существование все же находится в органической связи с окружающим миром. То, что подобные личности утверждают как совершенство, т. е. полноту и всестороннее развитие жизни, может принадлежать только общей, но не частной жизни. В своей попытке жить героически в изоляции «титан» неизбежно блокирует свой собственный прогресс»².

Идеалы индивидуализма Ройс считает приемлемыми, но сам индивидуализм во всех его проявлениях не может при-

² I. Royce. The Religious Aspects of Philosophy, p. 61—62.

вести к желаемому результату. «Жизнь только для себя ничего не стоит,— говорит Д. Ройс в «Мимолетных эссе». Парадоксально, но мы можем найти счастье только когда перестанем искать его для себя и ищем его для всего человечества».

Таким образом, заключает Ройс, индивид не имеет другого значения и цены, кроме как быть инструментом, созданным для служения Абсолютному. Истинная ценность каждой личности в ее практической полезности.

Прогресс человечества, по мнению Д. Ройса, — это прогресс человеческой мысли в политике, промышленности и моральной деятельности. Идеалистически считая все сложные общественные отношения людей лишь результатом их общения, в том числе и отношение личности к закону, и к человечеству в целом, Д. Ройс цельность личности и значимость ее ставит в прямую зависимость от общественного идеала.

Невозможно разрушить барьер между сознаниями отдельных личностей: один мозг никогда не сможет заглянуть в другой — здесь не поможет интуиция любого рода. Связи, возникающие в общении, это преодоление только первого барьера. Связь с нашим собственным прошлым мы осуществляем в своей памяти, и она необходима как средство измерения прогресса в достижении цели. Поскольку невозможно знание абсолютного блага, к которому стремится личность, степень самосовершенствования ее можно узнать лишь через сравнение состояния личности в любом отрезке времени с предыдущим состоянием ее развития или с более высокой стадией развития, т. е. другой личностью («Мир и личность»).

Индивидуальное, считает Ройс, бесконечно туманно и иллюзорно, истинную сущность индивидуального определить невозможно. Можно говорить о сущности человека, но не об отдельном человеке. Что такое, например, Авраам Линкольн? Исторический комментарий его биографов или народная легенда? И то и другое неадекватно Линкольну как индивидуальности. Теоретически индивидуальное неопределимо, но практически объяснимо. Индивидуальность — это прежде всего «планы действия» человека, объекты его особого интереса. Таким образом, оценка бытия любой индивидуальности этическая и экологическая.

Цель развития личности — этическое совершенство. Согласно Ройсу, личность проходит на этом пути три стадии: дитя стремится к идеальным целям, часто неопределенным

и смутным. Дальше идеалы наполняются осознанным содержанием через подражание другим и по контрасту с ними. Личность возникает тогда, когда она становится перед лицом проблемы выбора и примирения множества конфликтующих целей или идеалов. Таким образом, сопоставление различных «я» является одновременно пробуждением свободы и ответственности личности.

Свобода решений и оригинальное отношение к целям — основа индивидуальности, по мнению Ройса. Каждая уникальная жизнь — это, согласно Ройсу, индивидуальная концепция потенциальной сущности человека, которая служит в качестве образца для критики эмпирического (наблюдаемого, очевидного). Этический идеал и есть главный принцип структуры личности в концепции Д. Ройса. В свете этого идеала личность может видеть острый контраст между тем, что она есть и тем, что она могла бы быть («Концепция Бога»).

Вы никогда не узнаете человеческого самосознания; пока вы не изучите что-то из этого кладбища погибших идеальных «я», которыми его опыт был полон для него и которыми украшена его память с очень фантастическими надписями, пишет Д. Ройс в «Концепции Бога». Этический идеал личности как холистический принцип ее структуры — это унификация «я», составленная не только из настоящих решений человека, но равным образом из прошлых и будущих его решений. Таким образом, Д. Ройс определяет термин личность через идеалистическую концепцию свободы и ответственности и через этический и телеологический принцип. В его философии личность — это индивидуальная цель по направлению к идеалу, уникальное выражение через постепенное погружение ее в социально запечатленный моральный идеал с сохранением свободы решений относительно этого идеала³.

Человек не может стать личностью, просто защищая свой идеал. Идеал этот должен стать в его жизни «осознанным моральным агентом», т. е. действия и поступки личности определяются чувством моральной ответственности.

Концепция личности Д. Ройса, основываясь на «идеалистическом прагматизме», находится в общем русле социальной психологии прагматизма в своей основной мысли о том, что самореализация личности может быть достигнута через индивидуальную направленность к богу (моральному

³ Mahowald M. B. An Idealistic Pragmatism, p. 108.

совершенству) и к другим людям, которые составляют общество в его бесконечно осуществляемой социальной жизни как вечного порядка, воплощающегося в социальной жизни мысли; в коллективной памяти и коллективном опыте.

Подобно Ч. Пирсу, Ройс, с одной стороны, решительно разделяет понятия «индивидуальность» и «индивидуализм», с другой — считает максимальное развитие индивидуальности непременным условием общественного развития. Каждая личность должна быть непознаваемой уникальностью в каких-то аспектах, только индивидуальное обогащение социального идеала является условием «органической жизни общества» как «жизненной реальности». Эта мысль развита в политологии Д. Дьюи.

Государство в общественном организме, по мнению Дьюи, не орудие классового господства и даже не административный механизм. Оно возникает из безбрежной массы чувств, из множества смутных и немногих определенных инстинктов, стремлений, идей, надежд, страхов и намерений. Это их отражение и их совокупность, их проект и их результат. Определив, таким образом, психологическую основу государства, Д. Дьюи ищет оправдание демократии в этике. Демократическая форма политической власти, по мнению Д. Дьюи, — это политический ответ на определенные моральные потребности человеческой природы. Причем имеется в виду «практическая мораль», т. е. не принципы и правила поведения людей, а «переживания и реализация всего того, что стоит переживания и реализации».

Таким образом, демократия — не воплощение какой-то имманентной идеи, не род низуса, она вызвана к жизни практическими потребностями. Последнее было бы верно, если бы само понятие практики не было бы идеалистическим в политической концепции Дьюи, если бы историческая потребность общества в возникновении государства трактовалась им как потребность экономически господствующего класса в орудии сохранения своего господства. У Дьюи государство — чисто идеалистическое по существу явление, результат отражения в сознании личности на психологической основе смутных представлений об окружающей социальной среде.

Когда Дьюи говорит об обществе как реальном целом, это вовсе не означает, что он признает объективно существующие материальные основы общественной жизни. Для Дьюи развитие общества и само его существование определяются только духовной жизнью людей.

Опираясь на психологическую основу теории познания в прагматизме, Дьюи стремится осмыслить и передать структуру той якобы безличной силы, которая стоит над каждой личностью, всего лишь клеточкой единого социального организма, и ощущается ею, как особая духовная индивидуальная атмосфера, заставляющая постоянно считаться с собой и подчиняться себе как коллективной воле под видом норм, правил и даже законов.

Эта объективированная безличная психическая сила и есть не что иное, как человеческое общество, созданное из органически слитых переживаний каждого человека с переживаниями другого члена общества.

Основа и неперемненное условие такого рода объективности — индивидуальное самосознание. Как отдельное, особенное, субъективное, самосознание есть нечто неполное, неосуществленное, ограниченное, но в то же время это деятельность, процесс, «энергия», созидаящая сознание самого себя — самосознание. Но, с другой стороны, согласно Дьюи, общее, полное, «объективное» единство мира хотя и проявляется в чувственно ограниченных индивидуальных самосознаниях, не равно сумме миров отдельных «я», так как через эти индивидуальные миры и их реализацию в деятельности осуществляется идеальное восполнение общего мирового сознания в процессе познания, и находит выход через отдельное существование вечная энергия вселенной, составляющая ее сущность.

Таким образом, органическая концепция общества Д. Дьюи, собранная из агностицизма Канта, субъективного идеализма У. Джемса с заменой Абсолютного Разума идеей организма, и есть философская основа современной политической социологии США.

Дьюи понимает кантианскую моральную концепцию государства как явление, не связанное с потребностями самой личности и призванное ограничивать ее эгоистическое поведение.

Субъективный опыт каждого из членов человеческого общества представляет собой частичный опыт, субъективный мир. Из их суммы складывается «объективный мир», полнота сознания, образующая индивидуальную необъяснимую силу, воплотившую в себе «вечную энергию вселенной».

Вся история человечества — это история человеческого опыта, состоящая из поисков надежной формы знания и желаемой формы управления.

Взаимоотношения части и целого (личности и общества) — психологическая основа государства. Из органически слитых переживаний каждого члена общества возникает общая надындивидуальная воля во имя блага отдельной личности, как одно из проявлений идеи холизма.

Общество, в котором мы живем сегодня, по мнению Дьюи, постоянно дезорганизовано в результате его индустриализации. Связи между его частями порваны «в результате недостатка общих интеллектуальных символов». Эти общие интеллектуальные символы — члены общества могут приобрести через самопознание, т. е. через максимальное использование знаний и талантов каждого члена общества, которые, являясь личной собственностью, тем не менее должны быть отданы на общее благо, так как производство знаний — явление общественное, а потребление их индивидуально. Мысль эта очень близка к социальному идеалу Ч. Пирса.

Поскольку объединить людей могут только моральные ценности, мораль должна стать центральной проблемой общественного развития, интеграции и кооперации членов общества. Иначе говоря, все американцы, независимо от классовой принадлежности, должны объединиться вокруг «капиталистических ценностей», так как государство и мораль классовой основы, по мнению Дьюи, не имеют.

Объявляя вечными этические ценности, якобы возникшие из самой природы человека, регуляторами его деятельности, на самом деле Д. Дьюи объявляет вечными капиталистические отношения, поскольку мораль не может существовать вне конкретного человеческого общества, и интеллектуальные символы, подобные понятиям равенства, справедливости, общего блага, могут быть наполнены конкретным содержанием в зависимости от их исторической роли.

Необъяснимая надындивидуальная сила, воплощающая в себе «вечную энергию вселенной», с позиций материализма — не что иное, как естественноисторический процесс развития общества, открытый К. Марксом.

Для марксизма человек тоже творческая сущность, только в диалектико-материалистическом смысле. Он сознательно реализует свои цели, определяемые объективными законами природы, и успех его зависит от адекватного отражения в его сознании и правильного применения законов природы.

«Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять

лишь формы вещества. Более того, в самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы⁴.

Внутренний критерий общественного развития — производительные силы, переходящие от поколения к поколению, в конечном счете составляют опыт человечества, увеличивая степень его свободы.

«...Производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколение. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы (приобретенные предыдущим поколением), которые служат ему сырым материалом для нового производства, образуется связь в человеческой истории и сама история человечества, которая тем больше становится ею, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения... Их материальные отношения образуют основу всех их отношений...» (К. Маркс — П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402—403).

В политической философии Д. Дьюи идею детерминизма в истории человеческого общества заменяет абстрактный этический идеал.

⁴ Маркс К. Капитал, т. 1. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 51—52.

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Н. Арличенкова. Коллективизм как принцип коммунистической морали	3
В. И. Кунченко. Проблемы формирования нравственности студентов и их реализация в комплексной программе воспитания	10
А. П. Ощепкова. Социально-психологические основы укрепления нравственных отношений в семье	20
В. И. Холодный. Утопическое учение А. С. Хомякова о религиозно-нравственной и утилитарной цивилизациях	33
Е. С. Ляхович, Н. П. Лукина. Нравственно-воспитательная функция научной школы	47
А. П. Баронас. Социально-деятельностные основания теории эстетического воспитания личности	55
Е. С. Ляхович, Т. А. Пчелинцева. Специфика форм утопического мышления	77
В. М. Видгоф. О нормативных признаках системы эстетического сознания в процессе эстетического воспитания	86
В. М. Видгоф. О социальной природе эстетических эмоций	97
Л. С. Сысоева. Искусство как средство эстетического воспитания студенческой молодежи (на материалах конкретно-социологического обследования)	102
Э. В. Бурмакин. Роль искусства в формировании мировоззрения	114
Н. С. Катунина. Виды условности в искусстве и их роль в эстетическом воспитании	125
А. Ф. Кошляк. К вопросу о преемственности развития искусства в семиотическом аспекте	132
Л. Б. Подгорных. Художественная правда и объективная истина	138
В. Е. Красина. Фальсификация общечеловеческого этического идеала в современном американском прагматизме	145

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НРАВСТВЕННОГО
И ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Редактор Л. П. Цыганкова
Технический редактор Г. Н. Гридина
Корректор Г. Г. Иванова

Сдано в набор 12/VIII-81 г. Подписано к печати 11/VIII-82 г. К303113
Формат 60×84^{1/16}. Бумага для мн. аппаратов. Литературная гарнитура.
Высокая печать. П. л. 9,75; уч.-изд. л. 9; усл. п. л. 9,06. Тираж 500 экз.
Заказ 4608. Цена 1 р. 40 к.

Издательство ТГУ, 634010, Томск, пр. Ленина, 36.
Типография издательства «Красное знамя», 634029, Томск, ул. Совет-
ская, 47.

1-480965

Цена 1 р. 40 к.

Томский госуниверситет 1872

Научная библиотека 00985603